

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

на правах рукописи

ВАСИЛЬЕВА МАРИЯ ЛЬВОВНА

ПУБЛИЧНОЕ ИЗВИНЕНИЕ

***В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ПРИЕМЫ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА***

10.02.19 – теория языка

диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Наталия Фёдоровна Крюкова

Тверь 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИЗВИНЕНИЯ	12
1.1. Исследовательские подходы в гуманитарных дисциплинах	12
1.1.1. Общие работы по Извинению	12
1.1.2. К определению основных типов Извинений	19
1.1.3. Количественный параметр участников ситуации Извинения	22
1.1.3.1. Индивидуальные Извинения	22
1.1.3.2. Коллективные Извинения	32
1.1.4. Сущностные характеристики Извинения в прагматическом ракурсе: некоторые итоги рефлексии	44
1.2. Лингвистические исследования Извинения	57
1.2.1. Изучение Извинения в зарубежной лингвистике	57
1.2.2. Исследование Извинения в отечественной лингвистике	60
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ ПЕРВОЙ	84
ГЛАВА ВТОРАЯ. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗВИНЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО АНАЛИЗА	88
2.1. Респонсивное Извинение и принципы его изучения	88
2.1.1. Коммуникативная ситуация	89
2.1.2. Специфика Извинения с элементами самопрезентации	90
2.1.2.1. Роль инициирующего компонента	90
2.1.2.2. Роль и особенности респонсивного компонента	95
2.1.3. Дискурсивные характеристики речи и их анализ	98
2.1.3.1. Общие особенности речевоздействия	98
2.1.3.2. Конститутивные и вспомогательные факторы	102
2.2. Анализ Извинения с элементами покаяния	117
2.2.1. Коммуникативная ситуация	117
2.2.2. К характеристике речевоздействующих средств	119
2.2.2.1. Структурно-содержательный анализ	121

2.2.2.2. Конвинсивный анализ по риторическим периодам	122
2.2.2.2.1. Содержательные параметры периодов	123
2.2.2.2.2. Анализ речи-Извинения по периодам	128
2.2.2.3. Персуазивный анализ речи	135
2.3. Анализ Извинения с элементами самооправдания	148
2.3.1. Ситуативная специфика объекта анализа	148
2.3.2. Эффективность публичного Извинения в ракурсе Принципа сотрудничества	149
2.3.2.1. Постулат Количества	150
2.3.2.2. Постулат Качества	153
2.3.2.3. Постулат Релевантности	154
2.3.2.4. Постулат Способа	158
2.3.2.5. К идее применения совокупности Постулатов	169
2.3.3. Этическая организация речи-Извинения	172
Выводы по ГЛАВЕ ВТОРОЙ	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	188
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Текст Послания Комитета по расследованию инцидента в Таскиги	209
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Транскрипт речи Б. Клинтона по инциденту в Таскиги	214
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Транскрипт речи К. Говера	218
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Транскрипт речи Б. Клинтона по инциденту с М. Левински	221
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Список изученных публичных извинений	223

ВВЕДЕНИЕ

Продуктивное общение с помощью средств языка – явление, которое, видимо, никогда не потеряет своей привлекательности для исследователей. Отношения сотрудничества, лежащие в основе такого общения, могут изучаться как в диалогическом, так и в монологическом ракурсе. В первом случае перед нами базисный вариант рассмотрения, где многие аспекты общения манифестированы. Во втором мы обращаемся к принципу исследовательской редукции, когда изучаемое явление рассматривается в ориентации на один важный аспект общения, а другой аспект либо имеется в виду (‘мягкая редукция’), либо не учитывается вовсе (‘жесткая редукция’). Безусловно, между этими полюсами располагается целая область вариантов, которые также могут рассматриваться с исследовательских позиций.

В исследовании кооперативного общения едва ли применим принцип жесткой редукции, поскольку сама внутренняя форма первого термина предполагает наличие обратной связи между участниками. Континуум мягкой редукции может дать весьма полезные результаты. Этот континуум может быть осмыслен не только в прототипном плане (большая VS. меньшая степень присутствия характерных признаков феномена), но и в плане знаковой реализации, простейшая логическая форма диалоговых возможностей которой предстает так: ‘устное – устное’, ‘устное – письменное’, ‘письменное – устное’, ‘письменное – письменное’. Если к этим вариантам добавить признак ‘±эксплицитное’, количество компонентов формулы возрастает экспонентно. С учетом этого можно ставить вопрос о точности формулировки объекта исследования: если он предполагает варианты, то их следует уточнять хотя бы в краткой форме. В связи с такой потребностью в фокус внимания настоящего диссертационного исследования помещается дискурсивное событие ‘Извинение’ (далее – Из) в формате устного ответа на эксплицитный или имплицитный запрос.

Актуальность исследования определяется следующими факторами:

а) необходимостью комплексного исследования сущности Из и языковых способов его манифестации в межличностном и групповом общении; б) потребностью дальнейшего изучения характеристик институционального Из в конкретных условиях общения, в частности в дискурсе политических деятелей; в) перспективностью применения релевантных исследовательских методик к неодинаковым типам Из как риторического феномена.

Таким образом, выбор данной темы обусловлен необходимостью дальнейшего изучения феномена Из в дискурсе политических деятелей в новом исследовательском ракурсе, связанном с ориентацией на прагмалингвистические, социалингвистические и риторико-аргументативные аспекты анализа.

Проблема Из достаточно интенсивно обсуждается в современных трудах западных философов, психологов, социологов и юристов – см.: [Bartels 2000/2001; Blanchard, McBride 2003; Blum-Kulka et al. (eds.) 1989; Cohen 1999; 2002; Darby, Schlenker 1982; 1989; Davis 2002; Engel 2001; Garsia 1989; Gill 2000; Govier, Verwoerd 2002; Harris 1974; Harvey 1995; Joyce 1999; Keeva 1999; Kishimoto 2014; Kort 1975; Latif 2001; Lind 2008; McCullough et al. 1997; Mehrabian 1976; Mills 2001; Orenstein 1999; Pettigrove 2003; 2004; Rehm, Beatty 1995; Schlenker, Darby 1981; Slansky, Sorkin 2008; Strawson 1962; Sugimoto 1997; Taft 2000; Thompson 2000; Wilson 1988], а также – наряду с иными проблемами – в лингвистических статьях, монографиях и главах в них: [Austin 1962; Barnlund, Yoshioka 1990; Bergman, Kasper 1993; Blum-Kulka, Olshtain 1984; Brown, Levinson 1987; Boulli 2017; Cohen, Olshtain 1981; 1985; Coulmas 1981; Edmondson 1981; Fraser 1981; Guan et al 2009; Holmes 1990; 1995; Linnell et al. 1992; Lipson 1994; Mattson, Johnstone 1994; Mehrotra 1995; Meier 1998; Norrick 1978; Ohbuchi et al. 1989; Olshtain, Cohen 1983; Owen 1985; Searle 1976; Susczynska 1999; Tamoyan 2017; Trosborg 1987; Лакофф 2007; Ратмайр 2003; Цюра 1994 и др.].

В отечественной науке отдельные аспекты Из рассматривались в работах по лингвистике ([Зализняк 1988; Ивановский 1997; Ларина 2003; Третьякова 2003; Дженкова 2006; Ковалева 2009; Щербакова 2009; Карманова 2014;

Маслова 2016; Ерохина 2018; Кошкарлова 2020], а также, более системно, в ряде кандидатских диссертаций (см. обзор в Главе первой), где Из рассматривается с применением разнообразных исследовательских подходов как с точки зрения его общих свойств, так и с позиций его функционирования в конкретных коммуникативных условиях.

В силу разнообразия феномена Из как типа дискурсивной практики оно изучено с лингвистических позиций еще не в полной мере и продолжает оставаться важной сферой исследования речевого общения.

Объектом настоящей диссертации является официальное публичное Из в дискурсе высокопоставленных американских политиков, взятое в вариантах устного ответа: (1) на эксплицитно-стимульный запрос (респонсивное Из); (2) на имплицитно-стимульный запрос (не-респонсивное Из). Дискурсивная область – политический дискурс – может изучаться в двух аспектах: (а) в объектном плане, как дискурсивные практики разного типа на темы внутренней и внешней политики; (б) в субъектном плане, как дискурсивные особенности самих политических личностей в их институциональном плане – как политиков, а не как частных лиц. В настоящем исследовании термин ‘политический дискурс’ понимается как задействующий оба этих аспекта.

Объект Из в названной дискурсивной области берётся для изучения в силу ее частотности в целом, а свойства такого Из, как показывают исследования, наследуют основные черты межличностного не-институционального Из, которое обычно принимается за прототипическое.

Предметом исследования являются свойства и дискурсивные средства вербализации публичного политического Из нескольких видов.

Цель диссертации состоит в характеристике структуры и содержания публичного политического Из с демонстрацией возможностей исследовательских методик анализа его разновидностей.

Задачи исследования подчинены его цели и предусматривают:

- 1) освещение и систематизацию общей проблематики коммуникативной ситуации Из, а также основных результатов, полученных в гуманитарных исследованиях Из;
- 2) установление общих и особенных черт индивидуального и коллективного Из безотносительно к типу дискурса;
- 3) анализ состояния изученности проблемы Из в зарубежной и отечественной лингвистике с выявлением основных направлений и характеристик полученных результатов;
- 4) установление сущностных характеристик вербального Из как речевого жанра;
- 5) рассмотрение вариативности жанра Из в различных видах политического дискурса;
- 6) исследование характерных признаков и возможностей различных методик лингвистического анализа институциональных публичных Из в режиме 'Один – Много': для респонсивного Из с элементами самопрезентации; для респонсивного ориентированного на покаяние Из; для не-респонсивного Из-самооправдания в связи с аморальным поступком политика.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Теоретической основой работы явились положения *философии и социальной психологии* (Э. Батистелла, О. Бойер, Т. Говье, А. Лазар, М. Оуэн, Н. Смит, Н. Тавучис, Дж. Томсон и др.), исследования в области *речевого воздействия и прагматики* (Платон, Аристотель, А.Н. Баранов, П. Браун, Л.Г. Васильев, П. Грайс, Ф. ван Еемерен, О.С. Иссерс, Н.Ф. Крюкова, С. Левинсон, Дж. Лич, Р. Ратмайр, И.А. Стернин, И.П. Сусов, В.С. Третьякова, С. Тулмин и др.), *социолингвистические исследования* (Т.В. Анисимова, Н.Д. Арутюнова, В.Д. Бондалетов, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и др.)

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые: проведен анализ дискурса Из с точки зрения его сущностных характеристик как социально-коммуникативного феномена; описаны три разновидности публичного Из в американском политическом дискурсе и установлены их важ-

нейшие характеристики; представлено авторское видение возможностей разноаспектного изучения разных видов Из; продемонстрированы возможности неодинаковых исследовательских методик с учетом различий в их целях и специфике объекта изучения; охарактеризованы речевые особенности рассмотренных разновидностей Из. Тем самым научное описание институционального публичного Из расширяет и дополняет изучение принципов эффективного речевого общения.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Публичные Из, наследуя ряд признаков индивидуальных Из, представляют собой особый тип дискурса со своими разновидностями, связанными с неодинаковой ориентацией на логосный, этосный и пафосный аспекты дискурса и реализующимися в неодинаковом и зачастую смешанном жанровом континууме – судительном, совещательном, церемониальном; поэтому исследование Из целесообразно проводить с использованием процедур, оптимально учитывающих каждую конкретную его разновидность.

2. Публичные политические Из, совершающиеся в физическом режиме с одним спикером, ориентированы на то, что в восприятии публики акторный компонент ассоциируется с коллегиальным официальным органом либо с должностным статусом говорящего; это необходимо учитывать в анализе Из как за коллективные, так и за персональные Проступки.

3. Важнейшие конститутивные признаки Из ('признание (и оценка) Проступка', 'признание Вины', 'признание Вреда', 'выражение Раскаяния', 'испрашивание Из', 'обещание неповторения Проступка', 'предложение Репараций') не обязательно репрезентируются в дискурсе Из в полном наборе и в такой линейной последовательности, а могут встречаться в разных местах речи; при этом акцентирование названных компонентов в конкретных Из также может быть неодинаковым.

4. Эффективность анализа разных типов Из увеличивается при использовании релевантных методик. Для респонсивного Из с элементами самопрезентации и преимущественной ориентацией на этос – это применение ассо-

циативно-диссоциативного принципа, позволяющего выявить наличие рефрейминга и установить стратегии и тактики речи-Из. Для не-респонсивного Из с элементами покаяния и ориентацией на логос и пафос – это, соответственно, выявление риторических периодов и использование элокуционного анализа. Для не-респонсивного Из с элементами самооправдания за персональный Проступок в ориентации на логос – использование аргументативного анализа и прагматического анализа в рамках постулатов общения П. Грайса, а в ориентации на этос – применение ценностно-ориентированного тактико-стратегического анализа.

Теоретическая значимость исследования заключается в раскрытии сущности феномена Из, в выявлении типовых поведенческих особенностей участников коммуникативной ситуации Из, в комплексном рассмотрении принципиальных характеристик, составляющих и способов реализации публичного Из в дискурсивном пространстве разрешения социального конфликта, в демонстрации возможностей применения современных исследовательских техник анализа к институциональным дискурсивным практикам Из. Результаты исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения применимости изученных научных методик к диалогическому и монологическому аспектам кооперативности общения.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается опорой на теоретические работы отечественных и зарубежных ученых в области социолингвистики, прагмалингвистики, риторики, аргументологии. Полученные данные и их интерпретация не противоречат общей картине достижений в сфере изучения дискурса Из в современной науке. Кроме того, достоверность обусловлена анализом широкого корпуса исследуемого языкового материала (исследовано 44 полнотекстовых публичных Из американских высокопоставленных политиков), а также использованием комплекса релевантных методов и методик исследования, наличием апробации на научных форумах и в публикациях в рецензируемых научных изданиях основных результатов работы.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов для разрешения коммуникативных конфликтов в межличностном и групповом общении, для повышения действенности речевого воздействия и продуктивности кооперативного взаимодействия. Полученные данные о существе и техниках принесения Из могут быть применены в консультационной медиативной практике, в управленческой деятельности, в создании методик формирования положительного имиджа политических деятелей. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах по публичному выступлению, речевому воздействию, дискурсологии, прагмалингвистике и социалингвистике.

Исследование выполнено на **материале** транскриптов извинительных речей американских высокопоставленных политиков; для подробного анализа взяты публичные Из трёх видов: (а) респонсивного, выстроенного в ориентации на текст-стимул с требованиями Из, посвященного геноциду афроамериканцев; (б) не-респонсивного, посвященного геноциду индейцев и бездействию властей; (в) не-респонсивного, связанного с моральным проступком политика.

Методы и методики исследования. В диссертации использованы методы интерпретативного, количественного, описательного, прагматического, структурного анализа, методики аксиологического анализа, анализа словарных дефиниций, ассоциативно-диссоциативного анализа, структурно-функционального аргументативного анализа, тактико-стратегического, традиционно-стилистического и риторического периодного анализа.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на внутривузовской конференции «Осенний фестиваль науки КГУ им. К.Э. Циолковского» (Калуга, 2021), региональной конференции ««Цифровые технологии в образовательном пространстве» (Калуга, 2019), всероссийской конференции «Германские и романские языки в высшей школе России» (Калуга, 2021), международной конференции «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 2018),

международной конференции «Проблемы лингвистической прагматики» (Калуга, 2021), международной научной конференции «Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы» (Ижевск, 2021).

По результатам исследования опубликовано 7 научных работ, 4 из которых – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Объем и структура работы.

Общий объем диссертации составляет 227 страниц. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка научной литературы и пяти приложений, содержащих: транскрипт опорного текста-стимула для одного из проанализированных видов Из; транскрипты проанализированных в диссертации речей с разбиением их на содержательные блоки; список изученных публичных Из с комментариями. Список литературы содержит 226 источников, из них – 144 на иностранных языках.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИЗВИНЕНИЯ

При характеристике речевого жанра Из в настоящей главе не рассматриваются общие признаки речевого жанра (далее – РЖ) с позиций генристики, потому что они достаточно подробно описаны в научной литературе (см., например: [Ратмайр 2003]). Взамен мы сосредоточиваемся на вопросах мета-языка и особенностях самого Из. Основные термины даются далее с заглавных букв – Проступок, Вина, Обидчик (далее – Обч), Обиженный (далее – Обж), Вред, Сожаление, Раскаяние и др.

Уточнение характеристик Из можно проводить двумя методами. Первый метод – дедуктивный, с выдвижением гипотезы относительно существования Из, а затем подбором аргументов для ее обоснования. Вторым методом – индуктивный, с изучением наработок о сущностных характеристиках Из и выработкой на этой основе собственной позиции. В теоретико-аналитической части настоящей диссертации мы пойдем преимущественно по второму пути.

1.1. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ В ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

1.1.1. Общие работы по Извинению

Изучение проблемы Из проводилось в отечественной и зарубежной науке неодинаково. В СССР и России исследователи рассматривали Из в основном в рамках языкознания, а в зарубежной науке – в гуманитарных дисциплинах в целом. Поскольку последние являются более широкими по охвату, анализ Из мы начинаем именно с них, полагая, что для исследуемой проблемы сделанные западными авторами наблюдения очень важны.

В риторике феномен Из издавна связан со значением ‘речь самозащиты’. Англоязычный термин *apologia* появляется в этом значении в 1533 г. Как глагол он регистрируется в конце XVI в. уже с добавлением значения ‘принесение извинения’. Но, согласно [Boyer 2010: 81], значение ‘защита’ до сих пор сохраняется в научном и религиозном контекстах.

Изначально термин *απολογία* (от др.-греч. *απολογος* – ‘повествование’) принадлежал поэтике и относился ямбическому трехстопному строению стиха [Kruse 1981]. У Платона он означал один из двух риторических жанров наряду с ‘обвинением’ (*κατέγορία*) и в противопоставлении ему [Plato 1961]. Сам греческий термин имеет помимо исходного значения *защита (идеи)* (отсюда происходит термин *христианская апологетика*) еще и значения *обоснование, объяснение, извинение* [Lasare 2004:24].

У Аристотеля Из понимается независимо от терминологического разделения жанров *κατέγορία* :: *απολογία*, но именно как компонент этой пары. У Исократа Из – это одно из четырех понятий наряду с ‘обвинением’, ‘панегириком’ и ‘наставлением’. Гермагор рассматривал этот РЖ в контексте своей концепции *стазисов*. Так, для достижения успеха *απολογία* должна быть максимально ориентирована на обвинительные *стазисы факта* (для отрицания действия), *дефиниции* (для отрицание признаков Проступка), *качества* (для указания на незначительность Проступка) и *юрисдикции* (для обоснования неправомерности обвинения в конкретных обстоятельствах) [Kennedy 1963].

Жанр Из исследовался в зарубежной риторике с конца XX в. и обычно не в юридическом контексте, в отличие от классического периода. Первые специальные исследования по Из, которое приносили субъекты-индивиды, обвиняемые в неблагоприятном деянии, касались общих характеристик Из [Ling 1970; Butler 1972; Harrell, Linkugel 1975; Gold 1978; Kahl 1984; Blair 1984; Nelson 1984; Vartabedian 1985; King 1985; Hoover 1989].

Б. Уэр и У. Линкьюгэл определяют Из ("apologia") в классическом ракурсе, как дискурсивный жанр, в котором за повторяющейся темой обвинения следует Из как вербальная самозащита [Ware, Linkugel 1973: 274–275]. Разделяются обвинения в адрес действий индивида и в адрес его моральной природы, мотивов и репутации. Соответственно, виды самозащиты представлены попарно – (а) отрицание и (б) подборка контр-доводов, (в) разделение и (г) оставление без внимания. Выделяются действия («тактики») субъекта самозащиты: (1) прощение (*absolution* – обретение оправдания); (2) оправдание

(vindication – сохранение репутации и самооценки); (3) разъяснение (explanation с упованием на то, что сочувствующая аудитория не станет обвинять извиняющегося); (4) объяснение (justification – поиск понимания и одобрения).

В этическом аспекте Из рассматривается как реакция на институционально-личностные нападки на имидж [Kruse 1977; 1981], когда Из описываются как отрицающие обвинения и признающие их, но с объяснением-оправданием. Согласно принципу иерархии потребностей (по [Maslow 1970]), не-отрицающие Из могут быть обусловлены потребностями безопасности, восстановления имиджа в собственных глазах и в социуме. Эти потребности зависят от их примарности (эмоциональной, физической, социальной, ситуативной) для извиняющегося, т. е. принимается социально-бихевиористский подход, акцентирующий именно само-ориентированность, или неприменимость его к защите других.

Х. Райан [Ryan 1982] развивает методику Л. Розенфильда [Rosenfield 1968], который рассматривал Категорию и Из-апологию как совокупность, но фактически исследовал эти противочлены отдельно. Он придерживается диалогического бихевиористского (стимульно-реагирующего) взгляда на специфику Из как части представленной пары.

К. Шуман [Schumann 2018] предлагает психологический подход к факторам, мешающим принесению Из. Совершение Проступка сопровождается тем, что субъект должен принять решение – извиняться или нет. При положительном решении ему надо продумать действия, которые приведут к изменению психологического состояния как его самого, так и адресата, а также их взаимоотношений. Субъект нередко использует формальное Из, медлит с его принесением, отказывается от него или оправдывается. Это бывает обусловлено: (а) пренебрежением к адресату или к взаимоотношениям с ним; (б) боязнью ущерба своему имиджу; (в) опасениями безрезультативности Из.

Согласно фундаментальному исследованию А. Лазара, повышение частотности Из в современной жизни связано с повышением роли социального

контроля (это – существенное условие Из) и роли ‘психологии стыда и унижения’ [Lasare 2004:20]. Выявление различий между типами Из следует проводить после того как установлены их общие черты. Согласно А. Лазару, большинство Из имеют общие признаки [Lasare 2004:4]: (а) у Обч – (а-1) изначальное нежелание принести Из, (а-2) простота самого акта Из, (а-3) облегчение души в результате Из; (б) у Обж – (б-1) память об обиде, (б-2) спонтанное великодушие и прощение; (в) интерактивно – восстановление взаимоотношений. Однако эта таксономия не основана на едином критерии, за исключением отнесения их к той или иной стороне взаимодействия; в таксономии используются: критерий интенции – (а-1), (а-3), (б-2), (в); критерий способа манифестации – (а-2); критерий предварительных условий – (б-1).

Рассмотрение сущностных характеристик Из А. Лазар производит с ориентацией на метаязык феномена. Из-Объяснение может трактоваться и как Разъяснение деталей Проступка, и, чаще, как самооправдание. В связи с этой полисемией в [Downey 1993] выделено 5 субжанров Из, появившихся в течение всего длительного периода развития этого жанра: ‘self-exoneration’; ‘self-absolution’; ‘self-sacrifice’, ‘self-service’; ‘self-deception’.

В обширном эмпирическом исследовании Из, которое понимается как восстановление имиджа, К. Стейн и М. Бартон [Stein, Barton 2021] проанализировали 409 текстов Из в 351 контекстах за период конца 1940-х – конца 2000 гг. Были выявлены следующие стратегии в Из: отрицание; перекладывание вины; провоцирование; аннулирование; случайность; благие намерения; доказательство; минимизация; дифференциация; доминирование; атака обвиняющего; компенсация; корректирующее действие; самоунижение; отсутствие Из. Наиболее частотная стратегия самоунижения: увеличивалась по встречаемости на протяжении исследованных десятилетий; реализовывалась более всего в религиозном и церемониальном контекстах; чаще использовалась женщинами; становилась достоянием общественности преимущественно через СМИ; реализовывалась вдвое чаще лично, чем через посредника; использовалась за проступки, связанные с адюльтером и пьянством.

Н. Смит [Smith 2008] дает всестороннюю социо-коммуникативную характеристику Из, предлагая его категорийное ('categorical') описание (далее – ИзК) как модели. Потребность подробного описания вызвана информационной недостаточностью изолированных формул *I am sorry, I apologize* (последняя, однако, почти не разбирается), когда неясно: признает ли Обч Проступок; как он трактует этот Проступок; почему совершенное действие вообще является Проступком; релевантно ли Из и не относится ли оно лишь к интерпретации Проступка Обч-м, но не жертвой-Обж; намерен ли Обч воздерживаться от подобных Проступков впредь [Smith 2008: 145].

На наш взгляд, наиболее теоретически проработанной является социологическая концепция Из Н. Тавучиса [Tavuchis 1991]. Не случайно многие из моделей других зарубежных авторов, появившиеся позднее, опираются на этот подход. Некоторые из наших собственных прагмалингвистических идей по общим вопросам дискурса Из, предлагаемых в Разделе 1.1.5 настоящей главы, также коррелируют с этим подходом.

Основу концепции составляет характеристика истинного / собственно / искреннего Из. Его компонентами считаются (а) признание законности нарушенного правила, (б) признание Вины и ответственности за Проступок, (в) выражение искреннего сожаления и покаяния за причиненный Вред. Автор не принимает речеактовую трактовку Из, отмечая ее ограниченность для диалогического события и для описания риторической ситуации.

Н. Тавучис раскрывает следующие признаки коммуникативной ситуации Из (даются далее в том же порядке, что и у автора): озабоченность и сожаление Обч по поводу Проступка; признание нарушения социумных норм, которых придерживаются Обж и Обч; признание того, что принесение Из связано с самоунижением, которое является «компенсацией» за унижение Обж; Из указывает нам на социумные моральные ориентиры; нежелание принести Из может угрожать нарушению взаимных социумных ценностей; некоторые Проступки можно исправить только принеся Из; Из способно восстановить социальную гармонию; Из является отдельной формой социально-

го контроля; важность Из осознается обычно лишь в ситуации рефлексии нарушения норм; рефлексия позволяет выделить черты проблемной ситуации, запускающей Из – диспаратет, асимметрию, контраст, оппозиции, неоднозначности; в отличие от Разъяснения, указывающего внешние причины Проступка, искреннее Из актуализирует внутренние и свидетельствует о желании Обч показать, в чем именно он виноват и получить в ответ прощение; сожаление и дискомфорт, которые сопровождают Из, демонстрируют каким Обч был до совершения Проступка, запрашивая тем самым гуманный акт со стороны Обж – Прощение без выдвижения условий (со стороны Обж) или приведения причин неблагоприятного деяния (со стороны Обч); не-монологичность Из определяется тем, что для его инициации необходим запрос, требование (*a call*); если его нет, равно как и необходимости не забывать о Проступке, нет и комплексной ситуации ‘требование – Из – Прощение – примирение’ [Tavuchis 1991: 9, 12, 20–22].

Особенность трактовки Из Н. Тавучисом составляет его «нехирургический» эффект: Из не в состоянии изменить или перечеркнуть прошлое отрицательное действие (Проступок), но может облегчить последствия и вернуть взаимоотношения к прежнему состоянию. Из подразумевает, что у субъекта нет оправдания, обоснования или объяснения действию, которое обидело или причинило Вред другому человеку. Конструктивность Из состоит в его терапевтической функции, т. е. в том, что оно может эффективно устранять последствия нанесенного Проступком Вреда обеим сторонам коммуникативной ситуации, и это устранение выражается в обретении коммуникантами морального баланса. Помимо исправления ощущения Вреда у Обж с помощью Из, у Обч настроение тоже меняется, так как в искреннем Из он испытывает горечь и раскаяние, а принесение Из (и получение прощения) меняют его ощущения на положительные [Tavuchis 1991: 15–35].

Диалогичность ситуации Из состоит в том, что конфликтная ситуация разрешается мирными, в т. ч. вербальными средствами: прощая, пострадавший желает встречного движения от Обч – добровольного признания Вины,

Раскаяния, собственно Из, надежду на прощение и обещания впредь не совершать Проступок, нарушающий социокультурные нормы поведения. Из подразумевает возможность даже не самого исправления Обч путем самонаказания-Из, а возвращения его в социум [Tavuchis 1991: 8–13].

Из может произноситься наедине и в присутствии непрямых участников общения. В [Tavuchis 1991: 48–51] роли третьих лиц представлены в следующем виде: Случайный Свидетель; Беспристрастный Наблюдатель; Очевидец; Комментатор; Критик; Примиряющий; Посредник; Адвокат; Арбитр; Судья. В зависимости от их отношений с основными участниками, от их собственных интересов такие роленосители могут выполнять функции определения Проступка как извиняемого, настаивать на принятии или не-принятии Из, оценивать форму и своевременность Из, истинность Раскаяния и прощения. Менее очевидно, как именно активизация участия третьих лиц в коммуникативной ситуации Из добавляет новые элементы и меняет динамику взаимоотношений сторон. Такое дискурсивное изменение в целом состоит в том, что то, что было приватным, диадическим конфликтом, превращается в диспут, включающий ряд третьих лиц со своими интересами и задачами.

Статус посредника как отдельной стороны в общении меняет границы и архитектуру дискурса, поскольку посредник привносит знания, оценки, интересы, как свои, так и тех, кого он представляет. Присутствие третьих лиц может вести к осложнению отношений между основными участниками конфликта – к усилению скрываемого гнева, самоуверенности и отказу от прощения со стороны Обж. Третьи лица часто склонны вносить в диалог-Из элемент карательного морализаторства: акцентирование необходимости Обч-м признать свое моральное падение и выказать Раскаяние, что могло бы быть сделано и в отсутствие третьей стороны. Кара как альтернатива Морали прощения выступает на передний план, лишь только Из переходит в публичную сферу: поскольку комплекс моральных факторов исходит из требований социума, то и сам межличностный конфликт трансформируется в релевантный для социума. И тогда проблемным фактором становится не Проступок, а

угроза социальной целостности личности (см.: [Tavuchis 1991: 50–62; Pitt-Rivers 1968: 503–511]).

1.1.2. К определению основных типов Извинений

С точки зрения социо-прагматического наполнения Н. Смит [Smith 2008] выделяет восемь отдельных типов Из, которые представлены далее.

Сочувствие либо (а) не предполагает признания Вины в смысле участия в событии или отсутствия Вины (например, по неосторожности) либо (б) признает прямую (causal) ответственность за вынужденное действие (по Н. Смицу, это не собственно Вина – ср. наказание ребенка или приговор в суде при положительной характеристике личности подсудимого – *I am so sorry that my actions caused you such pain*). Вина же трактуется как явление, характерное для намеренных Проступков, которые и описываются с помощью Категорийного Из (далее – ИзК) – см. о нем ниже.

Ценностно-ориентированное Из (The Value-Declaring Apology), в котором не ставится вопрос о личной Вине, так как Проступок был совершен другими, но заявляется о недопустимости подобных действий впредь и о компенсации за причинение Вреда.

Примирительное Из (The Conciliatory Apology), в котором коммуниканты расходятся во мнениях относительно некоторой ценности, но один из них заявляет, что это расхождение не является принципиальным для их взаимоотношений. В отличие от ИзК, здесь ценности обсуждаются (например, о политических взглядах), а не разбирается их нарушение.

Компенсаторное Из (The Compensatory Apology) не предполагает прямой ответственности, признания Вины и выражения мнения относительно ценностей. Дело может ограничиться компенсацией за Вред при отсутствии вербализованного Из вообще или с отрицанием связи Вреда с компенсацией (последняя может формулироваться как пожертвование и т. п.).

Из-средство (The Purely Instrumental Apology) направлено исключительно на достижение утилитарных целей извиняющегося и может со-

держат все значения ИзК. Говорящий подстраивается под цели Обж и может имитировать уважение его ценностей, благополучия, использовать необходимые эмоции. При этом извиняющийся не обязательно является социопатом, так как отделяет свои личные ценности от тех, которые требуется актуализировать в ситуации Из, исходя из того, что цель оправдывает средство.

Из по принуждению (The Coerced Apology) связано с угрозами в адрес извиняющегося, когда нежелание извиниться влечет для него более серьезные последствия, чем просто неодобрение. Такое Из часто не связано с осознанием Обж своей Вины или с его желанием улучшить положение Обж.

Делегированное Из (The Proxy Apology) приносится индивидом или группой за действия других. Извиняющийся субъект должен для этого обладать полномочиями представлять интересы других лиц, которые не могут или не хотят извиняться сами. Отличие таких Из от ИзК заключается в отсутствии полномочий (standing) для принятия ответственности за Вред.

Безусловное / Категорийное Из (The Categorical Apology) – это пре-скриптивная модельная система, которая включает 12 смысловых позиций и относится к институциональным (официальным) коммуникативным ситуациям. Автор исходит из того, что установление ингерентных признаков Из надо проводить в ориентации на прототипические, недвусмысленные ситуации, когда возможность побочных/возмущающих факторов сведена к минимуму. Такими ситуациями признаются индивидуальные Из, и признаки формулируются Н. Смитом в ориентации именно на него – см. ниже.

Наблюдения Н.Смита позволяют полагать, что построение таксономии Из может проводиться в опоре на разные признаки – тематичность, респонсивность, полноту, эксплицитность и др. Однако в рамках одного исследования представляется едва ли возможным дать детальное рассмотрение всех видовых вариантов феномена, если ставить перед собой задачи, например, выбора методик, эффективных для описания разных видов Из, и демонстрацию их применения к конкретному текстовому материалу. Из этого следует

ограничение материала несколькими типами, которое должно подчиняться некоторым принципам, задаваемым во многом аксиоматично.

В настоящей диссертации мы принимаем количественный критерий, дополняя его социолингвистической идеей деления дискурса на бытийный и институциональный (см.: [Карасик 2000]).

Таким образом, поскольку мы рассматриваем Из как принципиально диалоговое явление (хотя сам анализ текстов проводим в монологическом аспекте, т. е. изучаем речезыковые действия продуцента Из), количественный критерий позволяет дать бинарное деление продуцента и реципиента Из с выделением признака [\pm единичность]. В результате мы получаем четыре вида Из: (1) единичный продуцент – единичный реципиент; (2) не-единичный (далее – множественный) продуцент – единичный реципиент; (3) единичный продуцент – множественный реципиент; (4) множественный продуцент – множественный реципиент (подобное деление (2) – (4) мы находим в [Tavuchis 1991]). Все же, такое деление носит довольно общий характер, так как оно не ориентировано на своеобразие дискурса, в связи с чем нуждается в дополнении. Принцип модульности классификации позволяет ввести как добавочный уже не количественный, а качественный (дискурсно-ориентированный) критерий [\pm институциональность].

В результате по арифметическому принципу [$2 \cdot 2 \cdot 2$] получается октада типологических возможностей для Из: {(1) единичный продуцент – единичный реципиент – неинституциональный; (2) единичный продуцент – единичный реципиент – институциональный; (3) единичный продуцент – множественный реципиент – неинституциональный; (4) единичный продуцент – множественный реципиент – институциональный; (5) множественный продуцент – единичный реципиент – неинституциональный; (6) множественный продуцент – единичный реципиент – институциональный; (7) множественный продуцент – множественный реципиент – неинституциональный; (8) множественный продуцент – множественный реципиент – институциональный}.

Далее вводятся следующие ограничения. В теоретической части мы касаемся лишь некоторых возможных вариаций, а в исследовательской части рассматриваем вербализованные Из, исходящие только от первого члена триад, т. е. монофонические, где акторами, приносящими Из (но не обязательно непосредственными виновными-Обч), являются высокопоставленные чиновники в условиях политического дискурса (тип (4), а также (8), т. е. когда субъект представляет себя лично или действует от имени группы). В более привычных терминах тип (4) можно трактовать как индивидуальный институциональный, а тип (8) как коллективный институциональный. Последний рассматривается как обладающий делегированными полномочиями.

1.1.3. Количественный параметр участников ситуации Извинения

1.1.3.1. Индивидуальные Извинения

Исходными с точки зрения представленности прототипических свойств обычно считаются индивидуальные неинституциональные монологические Из. Рассмотрение подходов далее будет проводиться обзорно-аналитически, где менее значимые работы получают лишь упоминание или общую характеристику, а фундаментальные разбираются подробно.

Первые зарубежные специальные исследования по изучаемому объекту касались общих характеристик Из, которое приносили индивиды, обвиняемые в каком-либо Проступке или реально его совершившие [Austin 1970; Blair 1984; Blum-Kulka, Kasper 1989; Borkin, 1978; Butler 1972; Fraser 1981; Gold 1978; Harrell, Linkugel 1975; Hoover 1989; House 1989; Kahl 1984; King 1985; Ling 1970; Nelson 1984; Ohbuchi et al. 1989; Olstain 1984; Vartabedian, 1985]. Позднее появляются фундаментальные монографические исследования Из, которые анализируются далее.

В концепции А. Лазара [Lasare 2004] межличностное Из определяется принципами взаимодействия коммуникантов. Разница в целях Из такова: для Обч – отреагировать на чувства Обж и не допустить ухудшения взаимоотношений или санкций (стратегия – интерактивность); для Обж – сохранение до-

стоинства (стратегия – индивидуальность). Условия удачи Из для Обж: уверенность в одинаковых с Обч ценностях; уверенность в отсутствии собственной Вины; уверения, что впредь Вред не будет причинен; знание, что Обч страдал от Проступка; обещание Репарации. Компоненты Из: (А) признание Проступка; (Б) нравственные аспекты у Обч: искренность; Раскаяние; Стыд; Унижение; (В) Разъяснение; (Г) Репарации. Вес и представленность в дискурсе этих компонентов зависит от ситуации – поэтому, чтобы понять разницу в Из, надо исследовать вербальные аспекты этих ориентаций. Рассмотрим пока что означенные компоненты детальнее.

(А) Признание Проступка.

Это основа Из. В этом блоке – четыре *функциональных* компонента, которые обязательно должны присутствовать, хотя бы имплицитно (это кредо А. Лазара; названия же функций (курсивом) наши – М.В.): (F-1) Правильное установление реального Обч, ответственных и Обж (*идентификационная функция*); (F-2) Признание девиантного поведения с уместной детализацией (*характеризующая функция*); (F-3) Признание/установление, какое конкретно воздействие оказал Проступок на Обж – с точки зрения самого Обж (*аналитическая функция*); (F-4) Подтверждение, что обида связана с нарушением социальных/моральных норм (*аксиологическая функция*).

(Б) Нравственные аспекты у Обч.

Раскаяние (remorse) – это часть ощущаемой Обч-м Вины и верно выделенный А. Лазаром компонент. Мы считаем, что пост-коммуникативная сила рефлексии у Обч над своим действием как Проступком и оценка Проступка как нанесенной обиды задает особую акциональность – вербализацию, но в большей мере не самого Проступка, а его оценки, которую дает сам Обч.

Однако важно, в какой мере Проступок является осознаваемым до его совершения. Если он совершен неумышленно, то тогда его осознание подчинено указанным аспектам. При намеренном Проступке Раскаяние (если оно искреннее) наступает часто из опасения санкций, и элемент рефлексии не имеет места – Обч и без того осознавал возможные последствия своих дей-

ствий. Раскаяние тем самым предстает в двух аспектах: (А) как ориентированное на собственно Проступок (референтный аспект); (Б) как ориентированное на нанесенную обиду (адресатный аспект). Раскаяние предполагает принятие ответственности за нанесенный Вред, и если его нет, то Обч не разделяет социальные нормы общества, и Проступок может повториться.

Стыд – его вербализация, по А. Лазару, происходит вместе с Раскаянием (или вместо него). Стыд означает рефлексия у Обч и установление, что действие не соответствует нравственным нормам и привычкам Обч.

Самоунижение (humility) – помимо психологического аспекта (ведь оно является результатом вербализации Из, но не исходного психологического состояния субъекта) оно имеет и ретрактивный аспект. Последний связан: (а) либо с продуцентным аспектом – с принесением и собственно лексикой Из (оно может содержать высказывания типа *Я был дураком*, которых одних иногда и достаточно, т. е. собственно слова *извините / простите* и т. п. не требуются), (б) либо с реципиентным аспектом – с опасениями отрицательной для ‘лица’ Обч вербальной реакции со стороны Обж. Самоунижение Обч помогает восстановить достоинство Обж. Без вербализации самоунижения Из может в некоторых случаях восприниматься даже как оскорбление.

(В) Разъяснение. Иногда Разъяснения¹ требует сам Обж. По А. Лазару, Разъяснение вместо Из лучше, чем его отсутствие вообще², даже если Разъяснение кажется Обж неадекватным. Разъяснение может показать, был ли Проступок мстью и следует ли ожидать его повторений. Разъяснение может быть принято в качестве главенствующего аспекта Из, если только это не попытка снять с себя ответственность. По мнению А. Лазара, Разъяснение может полностью загладить Проступок [Lasare 2004: 125–126].

(Г) Репарации. Материальное возмещение Вреда может являться основным компонентом Из, если оно уместно и полностью заглаживает Вред.

¹ У Н. Тавучиса [Tavuchis 1991], использующего термин ‘account’, в отличие от А. Лазара, Разъяснение считается нарушающим собственно Из.

² У Н. Тавучиса – наоборот.

Но Репарации могут не выполнить своей роли, если другие компоненты Из выражены слабо (в таком случае у Обж может возникнуть ощущение, что от него просто хотят откупиться). В межличностных отношениях Репарации часто менее уместны, чем в полисубъектных.

(Д) Сопутствующий аспект Из: темпоральный фактор. Упреждающие Из обычно приносят не за Проступок, а за возможные неудобства, тем более, что не-персональные Проступки – обычно ненамеренные, хотя и они требуют Из, так как Обж может о нечаянности не знать. Согласно А. Лазару, при серьезных личных обидах Из лучше приносить не сразу – Обж нужно время, чтобы психологически ассимилировать происшедшее. То же справедливо и для межгрупповых отношений: когда боль притупится и придут новые люди.

Таким образом, природа, существо и функционирование межличностного Из у А. Лазара представлены в следующей сжатой форме. Из имеет диалогическую природу, и в нем имеют место договоренности по следующим аспектам: кто извиняется и перед кем; какова доля ответственности Обч и Обж за Проступок; насколько полно Обч признает Вину; применимы ли смягчающие вину Разъяснения; в какой мере Обч должен передать Раскаяние, Стыд, Унижение; какой объем страданий должен претерпеть Обч; приемлемы ли Репарации для Обж; каков хронос Из (когда, как часто и сколько долго должны встречаться стороны); каковы возможности для Обж высказать свои страдания; какова степень, до которой Из удовлетворяет запросам Обж, чтобы можно было получить прощение.

Прощение как перлокутивный эффект Из, ради которого оно в основном и приносится (по крайней мере, личное) у А. Лазара расценивается как процесс великодушного отношения к Обч, избавляющего Обч от бремени Вины и Стыда. Из же считается предполагающим риск дискомфорта для каждой из сторон (у Обч – демонстрация слабости, потери лица и риск отвержения; у Обж – ощущение неудобств для Обч или отказ перестать «лелеять свою скорбь»). Прощение трактуется как когнитивно-эмоциональный процесс, обычно добровольный, и оно часто не связано с юридическим осво-

бождением от наказания. А. Лазар выделяет разные виды Прощения: Прощение без Из; Не-Прощение вне зависимости от наличия Из; Прощение до Из; Прощение после Из (т. е. Из является условием Прощения – это наиболее частотный случай, и Из здесь является разновидностью Репарации).

В подходе Н. Смита [Smith 2008] индивидуальное Из трактуется как основное, безотносительное к типу дискурса, поэтому его рефлексия позволяет выявить признаки, по которым можно описывать любые виды Из. Данное Из автор называет категорийным (categorical apology, далее – ИзК).

ИзК – это, по существу, прескриптивная модель, которая включает 12 смысловых признаков. Автор исходит из того, что установление ингерентных признаков Из следует проводить в ориентации на прототипические, недвусмысленные ситуации, когда возможность побочных/возмущающих факторов сведена к минимуму. Это следующие признаки.

1) Фиксация с доказательностью фактами (Corroborated Factual Record) – наличие неоспоримого Проступка, ущерба для Обж и согласия достичь примирения, одинаковое понимание релевантных аспектов ситуации; фиксация не содержит неоднозначности и дает неискаженное представление о ментальном состоянии или намерениях Обч в момент совершения Проступка.

2) Принятие Вины (Acceptance of Blame) и моральной ответственности за Вред – в этом, по Н. Смиуту, отличие ИзК от выражения сочувствия или характеристики Вреда как случайного / ненамеренного.

3) Наличие у Обч необходимого Статуса (Possession of Appropriate Standing) для принятия ответственности за Вред. Эта ответственность позволяет приносить Из непосредственно, а не на основе делегированных или должностных полномочий, и в этом отличие ИзК от коллективных Из.

4) Идентификация каждого случая/события Вреда (Identification of Each Harm) с недопущением их смешивания в группу или увиливания от ответственности путем принесения Из за меньший Вред.

5) Идентификация Моральных принципов (ценностей), лежащих в основе каждого случая/события Вреда.

6) Совместная с Обж приверженность (Shared Commitment) моральным принципам для каждого события Вреда – здесь подчеркивается подтверждение разделяемых коммуникантами ценностей и обозначение Вреда для Обж в связи с их нарушением; тогда высказывание *I was wrong* считается достаточно адекватным и выражающим принятие персональной вины за Проступок.

7) Признание Обж в качестве морально адекватного собеседника (Moral Interlocutor) – коммуникативно равноправного и способного общаться в соответствии с принятыми в социуме нормами.

8) Категорийное сожаление (Categorical Regret) – Обч выражает искреннее Сожаление по поводу совершенного Проступка и его последствий.

9) Выражение Из эксплицитно и непосредственно Обч-м, а не через посредников; при этом Обж может посчитать необходимым адресовать Из и более широкому кругу лиц (заметим, правда, что в этом случае Из перестает быть собственно индивидуальным, переходя из типа О – О в тип О – М).

10) Коррекции и Репарации (Reform and Redress). Обч должен предпринять необходимые меры к избежанию повторения Проступка и продемонстрировать в каких ситуациях он их реализует. Тем самым Из позволяет Обж оставаться под защитой обещания Обч не повторять Проступок. Обч принимает санкции за Проступок и дает предложения о компенсации Вреда.

11) Намерения относительно принесения Из (Intentions for Apologizing). Это наличие у Обч ментальных состояний, включающих возврат Обж к психологическому равновесию и к ценностям, затронутым Проступком.

12) Эмоции – Обч должен испытывать адекватную степень и продолжительность дискомфорта и Вины, а также эмпатии к Обж.

Автор признает, что данный набор признаков представляет собой некий максимум, или идеал для Из преимущественно за серьезные Проступки и созвучен религиозным традициям [Smith 2008: 140–143]. Поэтому конкретные Из могут соответствовать этому идеалу по-разному. Эта нормативная система используется Н. Смитом для характеристики не только индивидуальных, но и коллективных Из (далее – КолИз).

Недостатком системы ИзК следует признать задание параметров списком, без их ранжирования по значимости. Автор относит такие Из к процессуальным, но не дает методики определения их минимального и максимального темпоральных параметров. Также отмечается, что, несмотря на соблюдение всех параметров категоричности Из, оно не гарантирует получения прощения от Обж [Smith 2008: 144–145]. Такое отсутствие проработки перлокутивной составляющей (в отличие от подхода А. Лазара) противоречит заявленной автором принципиальной диалогичности и кооперативности Из.

Оценивая концепцию Н. Смита, следует отметить ее проработанность и скрупулёзность. Вместе с тем, его идея прескриптивности категоричного Из, содержит моменты, требующие дополнительного внимания.

В концепции О. Бойер основанной на теориях Н. Тавучиса, А. Лазара и Н. Смита, для определения Из предлагаются 4 основные черты индивидуального Из [Boyer 2010: 116–122]. Мы даем собственную категоризацию этих признаков курсивом.

1) Вербализация признания Проступка, включающая три компонента: (а) *межличностный*: идентификацию Обж; (б) *референциальный* (собственно действия, причинившие Вред); (в) *социальный* (нормы, которые были нарушены, и которые с Обж разделяет Обч как моральный субъект).

2) Принятие Ответственности, что включает *акционально-самооценочный фактор* – это личный аспект ответственности: Обч не снимает вины с себя и не перекладывает ее на другого, чем демонстрируется уважение к Обж.

3) Выражение Раскаяния (*манифестационно-психологический фактор*) подразумевает осознание Вины (см.: [Lasare 2004]), чувство Стыда, унижения и искренности (см.: [Lasare 2004; Smith 2008; Tavuchis 1991]). Это означает также, что Обч не желает повторения Проступка, хотя никаких доказательств этому он приводить не обязан – это лишь признак намерения.

4) Компенсация для Обж, которая может означать улучшение настроения последнего в результате Из. Но это, скорее, *перлокутивный фактор*, не

гарантирующий реального наступления планируемого состояния Обж, но влияющий на хронотоп и содержание Из, чтобы улучшить состояние Обж.

Конститутивный аспект рассматривается совместно с прогностически реактивным (со стороны адресата и других коммуникантов), который помогает понять, Из это или нет. О. Бойер рассматривает здесь четыре ситуационных фактора (наша формулировка вновь дается курсивом – *М.В.*):

(а) извиняющийся выражает сочувствие, но не считает виновным в Проступке себя – тогда это не Из, а попытка самооправдания (*отсутствие принятия ответственности за Проступок*);

(б) извиняющийся считает свои действия оправданными – за правильные поступки не извиняются (*отсутствие существенных признаков Проступка*);

(в) извиняющийся признает Проступок, но не дает искреннего Раскаяния (*нарушение условия искренности речевого акта Из*);

(г) извиняющийся не намерен дать Обж (моральную) компенсацию, что может усугубить Проступок (*нарушение направленности речеактовой интенции с положительной на отрицательную*).

В трактовке О. Бойер Из – это коммуникативное событие, в котором все четыре конститутивных признака должны иметься в совокупности.

Представляется важным, что в системе О. Бойер отсутствуют факторы:

- степени Вреда (что существенно для самой потребности принесения Из. Так, за незначительные Проступки часто нет нужды извиняться и наоборот, иногда степень Вины столь велика, что Обж не желает общаться с Обч);
- вербализации Из (автор – как и Н. Смит – лишь описывает случаи конструкций с *sorry*, не имеющих явного отношения к Из, но оставляет без комментария крайне важный, на наш взгляд, вербализатор Из *I apologize*).

Личные Из, по О. Бойер, имеют природу, связанную с потребностями.

Внутренние потребности: (а) обретение заново собственного морально-социумного баланса; (б) собственные убеждения или профессиональные

причины необходимости извиниться; (в) получить прощение от Обж и выйти из ситуации конфликта.

Респонсивные потребности: заставить Обж и иных коммуникантов изменить мнение об Обч, его репутации и социальной идентичности.

Социальные потребности: уважение и учет целей Обж и иных коммуникантов, которые могут не совпадать с ориентациями Обч. При этом Прощение, вслед за А. Лазаром, не приравнивается к снятию Вины или к забвению Проступка. Прощение в межличностных Из обычно составляет цель Из.

Вина за Проступок вменяется субъекту лишь в некоторых случаях Проступка (например, при длительном не-принесении Из). Субъектами, запрашивающими Из, могут быть не только сам Обч с его страхом последствий (это, по Н. Тавучису, не-истинное Из) или Обж со стремлением получить моральное облегчение или Репарации, но и третьи лица, считающие Из выполнением морального долга или представляющие интересы Обж.

Из за другое лицо обычно не связано с чувством Раскаяния и Стыда, и потому не является истинным Из, т. е. личная ответственность за поступки считается у О. Бойер сущностным признаком Из [Boyer 2010: 116–138].

К. Блатц [Blatz et al. 2009] на основе анализа литературы [Lazare 2004; Tavuchis 1991; Scher, Darley 1997; Schenkler, Darby 1981; Schmitt et al. 2004] выделяет 6 потенциально важных элементов содержательного комплекса личного Из³.

1. Раскаяние – ср.: *I am sorry, I apologize; (Je vous demande), pardon, Je m'excuse (de ...); (Ich bitte um) Verzeihung... (Ich bitte um); Entschuldigung..., Ich entschuldige mich (für ... /dafür, dass...); Perdóneme, Discúlpeme (исп.); Гафу итегез, Гафу сорыйм (тат.); Вождэс эн вае, Йырэдэс кур эн каре (удм.); Извините, Прошу прощения* и т. п.

2. Принятие на себя ответственности – *It's my fault; C'est (totalement) de ma faute, La faute est mienne; Das ist meine Schuld; Es mi culpa, La culpa es*

³ В добавление к англоязычным примерам К. Блатц мы даем примеры на французском, немецком, испанском, татарском, удмуртском и русском языках.

mía (исп.); *Шараб тулысынча минем өчен, Мин мона гаепле* (тат.); *Мон быдэсак ачим янгыш, Мон со янгыш* (удм.); *Вина – полностью на мне, Это я виноват.*

3. Признание оценки самого Проступка – *What I did was wrong; J'ai mal agi / fait, J'ai eu tort, Je sais que c'était inapproprié; Was ich gemacht habe, war schlecht; Lo que hice estuvo mal* (исп.); *Мин начар эшладем* (тат.); *Мон урод лэсьтӱ* (удм.); *Я поступил скверно / неблагоприятно.*

4. Признание Вреда и/или страданий Обж – *I know you are upset; Je sais que vous êtes contrarié, Je suis conscient que je vous ai blessé; Ich weiß, Sie sind enttäuscht/traurig; Sé que usted están molestos(-as)* (исп.); *Мин белам, син кайгыртмтын, Мин сезга кулме кайгы һам хасрат белан кайтардым, Мин сезне да шулай ранжеттем* (тат.); *Мон тӱледды сыӛе зол эҗоҗе уськытӱ* (удм.); *Я доставил Вам столько огорчений, Я так Вас обидел.*

5. Обещание неповторения подобных действий впредь: *I will never do it again; Je ne le ferai plus jamais, Je ne recommencerais plus; Ça n'arrivera plus, Ça ne se reproduira plus; Ich mache das nicht mehr; Nunca lo voy a hacer* (исп.); *Мин беркайчан да моны эшламим, бу башка кабабланмаячак* (тат.); *Мон тазыы уг кары ни* (удм.); *Больше этого не повторится.*

6. Предложение о возмещении ущерба: *How can I compensate the wrong that I did?; Comment puis-je me racheter?; Comment puis-je compenser le tort que j'ai fait?; Wir kann ich kompensieren/ausgleichen, was ich gemacht/getan habe?; Quisiera arreglar todo lo que hice mal* (исп.); *Мин сезга мораль чыгымнарны ничек та булса компенсацияларга телим* (тат.); *Мон быгатӱсько-а Тӱледды мар ке но эӛчсэ лэсьтыны?* (удм.); *Я хочу хоть как-то компенсировать Вам моральные издержки.*

В межличностных Из одновременное присутствие всех этих компонентов маловероятно. Чаще всего дело ограничивается Раскаянием.

1.1.3.2. Коллективные Извинения

Этот тип Из рассматривается нами в связи с особым характером дискурсивной личности субъекта Из в институциональном политическом дискурсе, разбираемом в исследовательской части диссертации: обладая высоким статусом, он представляет как организацию, так и себя как институциональную («коллективную») личность.

Извинения групповых / коллективных субъектов (*corporate apologia* – далее КолИз) стали изучаться, начиная с 1990-х гг. (см.: [Hearit 1995; Nuxman, Bruce 1995; Benoit 1995; Brinson, Benoit 1996]). Исследователи КолИз выделили признаки, отличающие его от индивидуального.

К. Хирит определяет КолИз как публичный ответ на кризис социальной легитимности – стремления отделить официальных лиц от их Проступков и подчеркнуть стремление к базовым ценностям. Он считает, что коллективные ответы обычно не бывают в форме публичных речей, а по ответу сложно судить о том, что представляет собой организация [Hearit 1995].

Сходного мнения придерживаются С. Хаксман и Д. Брюс, утверждая, что корпорация дает Из-ответ в таком виде, что определить собственно автора-«солиста» невозможно, что позволяет организации скрыть авторство и уйти от риторической ответственности [Nuxman, Bruce 1996: 60].

У. Бенуа утверждает, что корпорациям терять есть даже больше, чем индивидам, но у них и больше ресурсов для самозащиты [Benoit 1995: 89–92, 103n]. Выделено три общих стратегии, используемых при Из как индивидами, так и корпорациями: (1) в ответ на призыв к ответственности – стратегии (а) отрицания вины и (б) ухода от ответственности; (2) в ответ на обвинения в Проступке – стратегии, (а) снижающие обвинительную силу, (б) излагающие то, как планируется исправить ситуацию, вызванную Проступком; (3) стратегию самоуничтожения (*mortification*) – признание ответственности и просьбу о прощении. Первые две стратегии тогда можно осмыслить как реляционные партитивные, третью – как самостоятельную холистическую.

Н. Тавучис рассматривает ситуации Из с разным количеством участников, характеризуя коммуникативные блоки ‘The One to the One’, ‘The One to the Many’, ‘The Many to the One’, ‘The Many to the Many’.

Межличностный блок ‘Один – Один’ наиболее полно отвечает признакам искреннего протопического Из – см. всюду в этом разделе.

Блок ‘Один – Многие’. По Н. Тавучису, Из такого типа присутствуют в ситуациях, где законные или корпоративные санкции неприменимы или играют не-основную роль в оценке Проступков индивидов. Коллективное сознание расценивает осознание и принятие Обч необходимости Из как более важное, чем даже тяжесть самого Проступка. Однако в таких Из часто отсутствует Раскаяние и Сожаление, а это именно те элементы, которые задают моральную силу Из [Tavuchis 1991: 82-83]. Тем самым, в трактовке Н. Тавучиса разделение истинного Из и квази-Из напрямую соотносится с разделением индивидуальное / коллективное. Представляется, однако, что эта зависимость не столь прямолинейна. Так, у Н. Тавучиса упускается из виду степень социумной «спаянности», которая не может быть одинаковой, например, в малой группе и в массовой аудитории, где она очевидно ниже. Далее, необходима эмпирическая проверка того, частотны ли публичные Из, содержащие основные признаки «истинного» Из (Раскаяние и Сожаление), и если да, то какова доля таких речей, произнесенных перед разными по размеру типами аудиторий. Осуществление такой задачи требует, прежде всего, наличия традиции публичных Из в конкретной социокультуре и доступа к транскриптам речей. В российской культуре такая традиция практически отсутствует, а в западной, наоборот, развивается, но неравномерно: письменные Из преобладают в бизнесе, а устные связаны в основном с публичными персонами и касаются политики и вопросов морали.

Блок ‘Многие – Один’, по [Tavuchis 1991:90–98] – более редкая ситуация в западной культуре. При наличии общественного контроля то, что в межличностном общении казалось очевидным, становится проблематичным. Нежелание коллектива принести Из индивиду может быть вызвано связью Из

с юридической ответственностью (признанием факта), хотя юридической формы Из не существует ни в западной, ни в отечественной культуре, т. е. она определяется самим коллективом. Подобное Из может быть речью формальной, иносказательной и реально ориентированной на третьих лиц.

Блок 'Многие – Многие'. В нем коммуникаторо-имитационный сдвиг реализуется максимально: для обеих сторон в конфликте индивиды выполняют роль представителей. Такое квази-индивидуальное общение порождает ряд вопросов – (а) как преобразуется такой ингерентно-коллективный дискурс в фактически индивидуальную презентацию, (б) чем он отличается от межличностного Из, и (в) насколько личностные особенности спичрайтеров проявляются в результирующих текстах.

Решение этих проблем выводит исследователя в проблему коллективного самосознания, так как оно влияет на то, как главы коллективов ведут себя по отношению друг к другу. Решение названных проблем возможно только с учетом того, что коллектив, по мнению [Tavuchis 1991: 99], это не просто совокупность индивидов, а уникальная производная социальная сущность с независимым существованием, идентичностью, жизненным циклом, особыми правами, привилегиями и ресурсами.

Согласно Н. Тавучису, в общении 'О – М' (или 'М – М', если Из от Многих реализуется уполномоченным от коллектива субъектом) обязательно присутствуют ограничения на свободу формы Из – она становится публичной, и это связано не только со множеством пострадавших. В диадическом общении 'О – О' 'печаль' доминирует над 'речью', которая может быть и лаконичной, и продуманно красноречивой. В 'О – М' доминирующей становится 'речь', т. е. все, что входит в Из, должно быть вербально выражено и мало что можно оставлять недосказанным или неоднозначным [Tavuchis 1991: 71]. Требуется прямое выражение отречения от Проступка, который противоречит коллективной целостности и морали. Соответственно, Обч должен произнести подготовленную речь, близкую к письменной. Именно поэтому общение 'О – М' чревато разрушением существа Из, которое транс-

формируется в Разъяснение, а Обч – в свидетеля с автоматической минимизацией вины.

В Из вида М – М минимально число оценок или усложнений – во избежание неясностей или дальнейших обвинений, и она ориентирована на доверие аудитории к Обч. Спикеры как представители коллективов должны соблюдать стандарты протокола и этикета в соответствии с групповыми понятиями об идентичности. Таким образом, коллективное Из приобретает черты дипломатического дискурса.

Согласное [Tavuchis 1991: 98–117], такой дискурс является юридически обязывающим. Он реализуется ‘от имени’, и в нем фактор ‘потери лица’ не связан с личностными моментами, а потому перформативность Из в таком режиме ближе к стандартной, нежели в ситуации с одиночным Обч. Публичность данного Из связана также с тем, что в ней нелегко скрыть информацию – ведь противник-коллектив тоже ее искал, чтобы обосновать свои обвинения. Проступок может не стать достоянием общественности, а Из можно поместить в обстановку относительной секретности с согласия противоположной стороны, например, в виде приватного принесения Из.

Коллективные претензии обычно излагаются в речи-Из вида М – М, но не в развернутом, а в сжатом виде, как суммирование. В отличие от межличностной ситуации Из, в М – М обязательны методы фиксирования фактов, и фиксация преследует определенные цели: (а) предъявляться как доказательства невиновности, частичного Из или Вины в ответ на требование Из; (б) придавать приоритет официальным документам, что позволяет сделать речь не привязанной к определенному спикеру; (в) все, что не зафиксировано, может быть объявлено сомнительным и не относящимся к делу (неправомерным) [Tavuchis 1991:100-109].

А. Лазар разделяет условия удачи публичных и межличностных Из, приписывая первым (1) вербализацию причинения Вреда (соблюдение формы/ритуала), (2) сохранение лица Обж, (3) подготовленность речи заранее, (4) целесообразность учета третьих лиц, (5) учет давления общественности,

(6) письменную форму, сопровождающую устную, (7) адекватность полномочий (уровень официальности: от множественного или от единичного Обч – адвокат или представитель) – представитель должен идентифицировать себя с Обч, принимая на себя его достижения и Проступки, либо объяснения блага от Проступка, и (8) признание чувства Стыда (но не Вины).

Особенности непризнания Проступка и обиды в ситуации КолИз в трактовке А. Лазара следующие. Обч стремится манипулировать компонентом Признание, чтобы уменьшить или избежать ответственности. Отсюда формируется псевдо-Из, которое может ухудшить нарушенные взаимоотношения, еще больше обижая Обж.

А. Лазар выделяет 8 вариантов псевдо-Из: (1) расплывчатое и неполное признание; (2) затушевывание субъекта-Обч; (3) обусловливание Проступка; (4) сомнение в причинении Вреда; (5) преуменьшение Вреда; (6) использование эмпатической вербализации; (7) адресация Из не Обж-му; (8) Из не за нанесенную обиду. Приведем их детализацию.

(1) Безреферентное Из. По А. Лазару, это использование языковых клише без пояснений. Их недостаток в том, что Обж может посчитать, что Обч неполностью осознает тяжесть Проступка.

(2) Де-персонализация. Для этого варианта псевдо-Из характерны тексты с самооправданиями в виде перекалывания Вины на неопределенное лицо⁴ или с подчеркиванием ненамеренности Проступка.

(3) Обусловливание связано с оценкой ненамеренности действия как Проступка, например: *если были допущены ошибки...*

(4) Отрицание Вреда/обиды. На наш взгляд, это логическая структура ‘отрицание консеквента’ по модели: ‘если консеквент (Вред) ложен (не имеет места), то ложен (не имеет места) и антецедент’ (т. е. действие не являлось Проступком). Например, в формуле *если вы обиделись ...* имеется в виду, что другие бы не обиделись, соответственно, дело не в действии, а в Обж; Обч же, наоборот, великодушен, потому что извиняется. Это сдвиг Вины, и такое

⁴ Это сопоставимо с аргументацией по типу ‘common practice’.

Из, по А. Лазару, лишь усугубляет обиду. Для Из более важно не название Проступка, а экспликация Вреда / обиды.

(5) Минимизация Вреда / обиды. Этот прием ухода от ответственности связан с дроблением Вреда на составляющие. Так, Из авиакомпании за длительную задержку или отмену рейса может сопровождаться пояснением, что такого обычно не бывает, и поэтому значимость Проступка невелика).

(6) Эмпатийное *I am sorry*. Ряд значений этого высказывания не подразумевает принятия ответственности за Проступок (ср. вместо этого сожаление, соболезнование, сочувствие из ощущения превосходства над Обж-м), и имеет место сдвиг значения.

(7) Сдвиг адресата Из. Такое действие осуществляется намеренно, и новый адресат обладает полномочиями применить санкции к Обч – т. е. это функция самообороны вместо функции примирения/восстановления социальной гармонии. Подобное признание Вины не равно Из, оно может быть неискренним и совершаться под давлением.

(8) Сдвиг Проступка. Обычно это ситуации, где имеется коллективная Вина, и Обч даже может предстать в выигрышном свете, например, в случае его Из за страдания Обж, а не за сам Проступок.

Н. Смит [Smith 2008: 155–158] отстаивает идею использовать свою прескриптивную систему категорийных Из для характеристики КолИз. Однако, если, следуя Н. Смигу, попытаться применить параметры ИзК к КолИз, становится ясной определенная ограниченность прескриптивной модели в плане использования всех ее аспектов на ином – групповом – объекте рассмотрения. Следует отметить, что сам Н. Смит допускает, что не все 12 параметров индивидуального Из в равной степени значимы для КолИз.

1) Фиксация с доказательностью фактами. Н. Смит занимает менее радикальную позицию, чем Н. Тавучис, для которого КолИз не характеризуется искренностью и сожалением, а ограничивается лишь публичностью как реализацией конечной цели КолИз исправлять и примирять, тем самым выполняя терапевтическую функцию. В случае нехватки фактической информации

демонстрируется отсутствие целевого фактора Из, что кардинально влияет на качество КолИз. Так, в Из Б. Клинтона по рабству в Руанде [Clinton 1998(b)] не выделяются признаки Обч и Проступка, а именно, кто именно занимался работоторговлей, почему и какой Вред это нанесло престижу страны, а также признаки Обж, т. е. кто пострадал и как (см.: [Bennet 1998]). Отметим здесь же, что выбор фактической информации в КолИз определяется тем, кто его составляет, насколько сам составитель повинен в Проступке и насколько он подотчетен в составлении Из коллективу.

2) Принятие Вины (Blame). В КолИз часто выражается Сочувствие вместо признания Вины. Выделяются поэтому два вида Сочувствия: без принятия прямой ответственности и с ее принятием. Сочувствие, при этом, характеризуется неопределенностью в плане консенсуса и оценки Проступка членами коллектива. Есть и аспекты значения, не попадающие в КолИз, например, поскольку в Сочувствии Вина не признается, нет и намерения недопущения Проступка впредь, а также не идет речи о компенсациях.

3) Наличие необходимого статуса.

В коллективе полномочия руководителя могут быть делегированы третьим лицам. Необходимость экспликации и уровня статуса прямо пропорциональна степени Вреда.

4) Признание каждого случая Вреда. В КолИз проблема бывает связана с большим количеством Проступков и значительным промежутком времени, когда они совершались. Тогда учет степени Вины всех виновных в Проступках невозможен. В таком случае применяется принцип 'одно общее Из без упоминания конкретных Проступков': Вина за Проступки обезличивается, перекладываясь на весь коллектив, и, добавим, таким образом совершается этосная аргументативная ошибка сдвига бремени вины. Также имеет место логосная ошибка, когда происходит выбор Проступков, за которые удобнее извиниться, т. е. не-раскрытие существа проблемы / Вреда.

5) Идентификация моральных принципов каждого случая Вреда. Она важна для понимания, почему действие является Проступком и для избегания

его повторения. Этих принципов может быть много, в зависимости от масштаба Вреда, поэтому выбор того, на какие из них отвечать, изменяет содержание Из, однако установление наиболее принципиальных существенно.

б) Совместная приверженность моральным принципам для каждого со- бытия Вреда. Коллектив должен уделять внимание каждому Проступку, а не объединять их в одну аморфную группу или извиняться за меньший по тяжести. Идентификация моральных принципов сопровождается заявлением коллектива о приверженности им (но не обязательно соблюдению). Такое следо- вание принципам коллектива важнее, чем мнение индивида, приносящего Из от имени коллектива.

7) Признание жертв равными (моральными) собеседниками. Демони- зация коллективом соперника, по Н. Смиуту, контр-продуктивна для общения, ср. трактовку морали у Канта ‘я уважаю собеседников как моральных лич- ностей’ (на наш взгляд, в целом монологическую) и у Гегеля ‘я признаю, что мое собственное достоинство зависит от достоинства других’ (соответствен- но, диалогическую). Признание собеседников полноправными членами об- щества обуславливает принесение им Из.

8) Категорийное сожаление. Оно связано с осознанием Обч, что его моральная ошибка нанесла Вред, что он об этом Проступке сожалеет и обе- щает не повторять Проступок впредь. Категорийное сожаление осложняется тем, что решение коллектива о Проступке часто принимается обдуманно. Ка- тегорийное сожаление не высказывается, если коллектив считает, что был выбран наилучший вариант из имевшихся, но он оказался Проступком.

9) Реализация Из. Она связана с осознанием трех основных факторов: (1) фактора времени – чем дольше организация не извиняется после Про- ступка, тем больше проблем с полномочиями, например, и Обч- ответственные, и Обж могут уволиться или умереть; (2) фактора знаковой формы – письменные Из, по Н. Смиуту, предпочтительнее в силу их подго- товленности и продуманности; (3) социумного фактора – КолИз поднимает статус нижестоящих по рангу Обж.

10) Реформирование коллектива и Репарации. Препятствия здесь связаны с полисубъектностью коллектива, когда трудно выявить виновника Проступка. Таким образом, индивидам нет особого смысла реформироваться. Если коллектив слился с другим, претерпел изменения штатов и т. п., то может оказаться, что не решена проблема его обещанного реформирования.

11) Коллективные намерения приносить Из. Это могут быть стремление к перерождению, боязнь остракизма и увольнения, простое притворство и т. д. КолИз – это часто лишь дань моральному этикету.

12) Коллективные эмоции. Н. Смит справедливо признает, что приписывание коллективу эмоций – это крайний антропоморфизм: коллектив – не индивид, которому эмоции присущи по умолчанию. Однако групповые эмоции можно трактовать в социологическом ключе – как институциональный феномен, призванный вызывать определенные эмоциональные состояния у членов коллектива. Ограниченность эмоциональной составляющей в КолИз задает, на наш взгляд, специфику значения Из. Дело в том, что коннотативное значение в Из перемешано с денотативным и может маскировать отсутствие существенных денотативных компонентов (таких как нежелание признать Проступок или реформироваться) применением эмоционального всплеска (например, выражения сочувствия в избыточном виде). Этого не должно быть, поскольку, согласно [Tavuchis 1991], основная функция КолИз – фиксация фактов, что мало совместимо с эмоциями. Особенно это касается Проступков, совершенных в отдаленном прошлом, когда острота восприятия несправедливости существенно уменьшилась: эмоции уже неуместны.

В анализе ИзК Н. Смит рассматривает не дихотомический ('да – нет') характер тех или иных признаков, а организацию значения Из. Но в КолИз есть ряд факторов, затрудняющих их анализ. Основной из них – это консенсус: насколько репрезентативно выражает Из мнение членов коллектива, от имени которого приносится Из; кто именно считается членом коллектива; был ли текст Из согласован с членами коллектива; насколько Из ориентировано на третьих лиц, а не только на Обж; выражены ли в Из Сожаление и Со-

чувствие к Обж; признаются ли Обж морально равными коллективу-Обж; выражены ли в Из варианты Репараций и обещание неповторения Проступка; какими полномочиями обладает оратор [Smith 2008: 12, 162–165, 174, 227–229, 233–247].

Согласно О. Бойер [Boyer 2010], важнейшим типом КолИз является ‘The-Many-to-the-Many’, по Н. Тавучису. Первый элемент, как правило, означает официальное лицо, приносящее Из от имени группы. Делегированные полномочия на Из в таких случаях должны быть реальными, хотя иногда сам институциональный статус лица не требует их формального делегирования (как в случаях государственных/президентских Из).

КолИз – это Сожаление и, по мнению О. Бойер, оно имеет существенные отличия от личного Из уже потому, что само понятие КолИз может означать достаточно разные вещи. К таким случаям, по мнению автора, относятся следующие.

Не-репрезентативное КолИз за коллектив – когда у оратора нет полномочий на принесение Из, а он это делает по собственной инициативе. Выражается здесь обычно не Раскаяние, а Стыд или смущение по поводу Проступка виновных, а также эмпатия с Обж.

Не-репрезентативное КолИз за индивида – члена коллектива, если он не хочет или не может извиниться. Отсутствие полномочий извиняющегося снижает извинительную силу речи, особенно в случае нежелания извиниться у непосредственного виновника. В таком Из Раскаяния также нет.

Репрезентативное Из за коллектив – когда извиняются за Проступок, наносящий ущерб имиджу коллектива. Здесь уже присутствует коллективная ответственность за Из. Важнейшая черта КолИз заключается в том, что в нем субъект Из не обязательно является непосредственным Обж.

В КолИз обычно отсутствует искреннее Раскаяние (которое возможно, видимо, лишь у непосредственного виновного). Вместо этого выражается сожаление, поскольку оратор не несет личной ответственности за Проступок.

Итак, важное отличие КолИз от индивидуального, по О. Бойер, заключается в том, что при признании Проступка и стремлении возместить Вред и создать психологическое равновесие в обоих типах, в КолИз оратор обычно не берет на себя ответственности за Проступок, а выражение Сожаления и Сочувствия не является Раскаянием.

Рассмотренные в изложенных подходах проблемы касаются общих видов КолИз. Вместе с тем, есть многочисленные работы, посвященные КолИз исключительно в политической сфере.

Изучаются, например, возможности принесения Из, когда это политически наиболее выгодно самому государству-Обч, и для таких ситуаций описываются три группы факторов:

(А) фактор авторитета государства: стремление изменить свой имидж для внешних государств [Mitzen 2006; Lind 2008]; демонстрация приверженности страны к общим ценностям и повышению имиджа [Bryant 2009; Walker 2009]; соображения безопасности страны и ее признания в мире [Weyeneth 2001; Zarakol 2010]; стремление изменить свой имидж для внешних государств [Mitzen 2006; Lind 2008]; соблюдение социальной справедливости и сохранения общественного порядка, социальной гармонии и прав меньшинств [Tavuchis 1991; Teitel 2006; Nobles 2008];

(Б) социально-психологический фактор: сохранение психологической идентичности Обж [Flemming 2008]; сохранение социального лица Обч [Taft 2000]; соблюдение социальной справедливости, сохранения общественного порядка, социальной гармонии, прав меньшинств [Tavuchis 1991; Teitel 2000; Nobles 2008]; стремление приблизить политическое Из к межличностному с внедрением в него соответствующих признаков искренности, Раскаяния и т.п. [Tavuchis 1991: 7; Brooks 1999 (ed.); Govier, Verwoerd 2002: 70; Lazare 2004];

(В) фактор ситуативной целесообразности: принесение Из, когда это политически наиболее выгодно самому государству-Обч [Lowen 2010]).

Описываются [Blatz et al. 2009] также факторы неэффективности политических Из: (а) особенность самой природы таких Из, которые актуализи-

руют неактуальное или малоактуальное (давно произошедшее) [Nobles 2008]; (б) сдвиг ответственности с Обч на извиняющегося; (в) вынужденность Из (т. е. отсутствие признака добровольности, связанного с Искренностью – такие Из обычно делаются по требованию Обж); (г) смещение адресата и подключение широкой публики [Harris et al. 2006] (это коммуникативная установка на третьих лиц); (д) несоответствие активации дискурса Из имеющейся потребности [Nobles 2008]; (е) несоответствие выбираемых ориентиров – вместо ‘затрат’ и ‘выгод’ берётся ‘мораль’; (ж) неучет дифференциации – категорий Обж (по принципам: ‘кто больше пострадал’; ‘против кого несправедливость продолжается’; ‘кто выступает и кто нет против несправедливости’ [Nobles 2008: 22]; (з) неучет степени мобилизованности групп Обж – часто Из приносятся в ответ на инициативу не самих Обж, а тех, кто говорит от их имени; (и) пренебрежение к политическим интересам других стран, в т. ч. стран-Обж [Bryant 2009]; (к) неоднозначный характер Из – когда Обч не признает свою вину полностью, ограничиваясь выражением Сочувствия к страданиям Обж [Bumiller, Schmitt 2004].

Работы по Из показывают, что в политических КолИз количество одновременно встречающихся значимых элементов обычно больше, чем в межличностных. Это официальная попытка возместить серьезный и долговременный ущерб адресату. Такое Из является публичным и институциональным, т. е. ориентировано на текущих и потенциальных адресатов. Оно включает не только собственно пострадавших, но и более широкий круг лиц, т. е. адресат предстает в расширенном виде. Так, в [Blatz et al. 2009] в дополнение к 6-компонентной системе личного Из (см. предыдущий раздел) предложены 4 элемента, специфичных для политического / правительственного Из, ориентированного не на индивида, а на группу:

(7) экспликация заботы о пострадавших как части общества;

(8) вербализация Из так, чтобы не вызвать неприятие большинства населения, не пострадавшего от Проступка. Такое неприятие связано с оши-

бочной генерализацией, когда большинство расценивает себя в качестве Обч, так как Из приносится от имени всего государства [Blatz et al. 2009];

(9) похвала в адрес существующего законодательства и правительства, поскольку общество предрасположено считать, что его социальная среда отвечает моральным принципам [Jost, Banai 1994; Lerner 1980]. Знание о совершенных ранее Проступках может поколебать такую уверенность. Для этого и требуется подчеркивание моральности текущей ситуации;

(10) дистанцирование нынешней социо-политической системы от той, при которой совершен Проступок: подчеркивается иной уровень законодательства, социальных норм и ценностей нынешнего. В таком случае Из может содержать обвинения в адрес предыдущего социального устройства.

1.1.4. Сущностные характеристики Извинения в прагматическом ракурсе: некоторые итоги рефлексии

Рефлексия (см.: [Богин 1986; Щедровицкий 1974]) над зарубежными подходами к феномену Из позволяет сделать ряд выводов, значимых для дискурсивно-лингвистического рассмотрения данного коммуникативного явления.

При анализе общих сущностных характеристик Из (безотносительно к виду, регистру общения, монологического или диалогического спектров рассмотрения) мы предлагаем обращать внимание на два супер-фактора – субъектный и объектный, где субъектный – это коммуниканты и их взаимоотношения, а объектный – Проступок и нормы урегулирования конфликта.

Особенность этих супер-факторов состоит в их взаимодополнительности (например, Проступок и правила устанавливаются субъектами как членами социума).

Следовательно, наши дальнейшие рассуждения о конкретике факторов следует принимать с той оговоркой, что отнесение их к первому или ко второму супер-фактору связано с соображениями исследовательско-методического плана, т. е. не носит абсолютного характера, так что в ряде моментов допустимы или даже прогнозируемы области пересечения.

Субъектный супер-фактор

Фактор моральной составляющей коммуникативной среды. Дискурсивная ситуация Из основывается на феномене конфликта и вытекающих из него следствий. Основная цель Из – разрешение конфликта и обретение как Обч-м, так Обж-м социо-морального баланса, который существовал ранее, но пострадал в результате действий Обч. При этом природа движущего противоречия Из заключается в том, что речь идет именно об обретении прежнего баланса, а не о формировании нового. Проступок нельзя представить как несуществующий, вычеркнув его из ситуации общения, ведь именно он задает «старт» рассматриваемому дискурсивному феномену. Из тем самым тесно связано с процессами нарушения норм и примирения. При этом можно представить социо-моральный баланс не как факт, а как оценку ситуации, и тогда возможны когнитивные операции с балансом (как ретроспективные, так и проспективные), так как мы в состоянии дать разную оценку одному и тому же факту, в т. ч. и Проступку. В связи с этим представляется типичной ситуация, при которой сам баланс в условиях его наличия коммуникантами не рефлексивируется, и его осознание наступает лишь в ситуации конфликта.

Фактор необходимых условий Из. Наличие Из обусловлено: (а) негативной оценкой Проступка (это подготовительные условия [Searle 1969:66–67]), которая вынуждает Обч дать Из во избежание изгнания из социума, и (б) потребностью Обч в избавлении от имеющегося морального гнёта.

Фактор достаточных условий Из. Виновный-Обч (а) должен чувствовать Вину (условие искренности, по Дж. Серлю) и (б) должен стремиться об этом без утайки заявить (условие пропозиционального содержания). Иные типичные условия – это предложения о возмещении (морального) ущерба, о самонаказании, смущение, стыд, обещание измениться: они могут дополнять Из и заложены в состоянии Вины. Если Обж верит в искренность Из, дополнительные заверения со стороны Обч могут быть сочтены излишними.

Часто в ситуациях Из при нарушении норм у Обч возникает заинтересованность в их сокрытии, отрицании или рационализации (что нарушает

условие достаточности). В искреннем же Из (идеальном, по Н. Тавучису – от него и идет «отсчет» отклонений) признание Вины исходит от самого Обч. В качестве компенсации он часто получает даже не прощение, а лишь саму возможность выдачи сообщения, которое угрожает его коммуникативному лицу (это явление самоуничижения). В этом отличие Из от близких речевых актов: от информатива / констатива (где нет концентрации на Говорящем), от промисива (в котором отсутствует необходимое условие Проступка), и, наконец, от классического перформатива (который не является самоликующим актом). Иными словами, Обч в Из не получает ничего в терминах выгод (ср. различие ‘costs VS. benefits’, по [Leech 1983]). Компенсаторность лико-угрозы для Обч, как «вознаграждения» для Обж можно также считать существенным признаком коммуникативной ситуации Из.

Тем самым можно констатировать, что ликоугрожающий аспект приобретает особое свойство: с одной стороны, он остается речеактовым идентификатором; с другой стороны, он становится внешним компонентом необходимой процедуры. Поэтому Из – явление диалогическое, реляционное, даже в манифестационно-недостаточных условиях. Так, если отсутствует вербальный ответ на Проступок, реакция Обж в той или иной форме прогнозируется (а с позиций мета-организации диалогического единства ее прогнозистика может предполагать и амбивалентность, т. е. как наличие, так и отсутствие прощения – но едва ли индифферентность).

Интерактивный фактор – возможность возобновления общения и включения Обч обратно в социум не обязательно связана с осмыслением тяжести Проступка у Обч и со стремлением получения чего-то взамен у Обж. В этом отношении фактор рациональности малоприменим к ситуации Из. Отмеченные в литературе [Tavuchis 1991; Lasare 2004; Smith 2008; Blatz et al. 2009; Boyer 2010] черты самопожертвования в ситуации Из как для Обч (ликоугроза, связанная с постановкой себя в зависимую позицию), так и для Обж (ликоугроза, связанная с потерей свободы выбора) вообще задают почву

для разрешения конфликта, знаменуя движение коммуникантов навстречу друг другу.

Однако диалектика ситуации требует обращения к ее противоположной тенденции. С точки зрения факторов, осложняющих разрешение конфликта, отметим один собственно интерактивный момент: после принесения Из коммуникативная инициатива переходит целиком к Обж. Однако это кажущаяся 'выгода' для последнего, а в плане 'затрат' образуется некоторый дисбаланс. Он связан с различным весом, зачастую приписываемым внешнему и внутреннему аспектам конфликта. Заключается же он в ощущении Обж, что Обч просит в обмен на «просто» вербальное (внешнее) действие (Из) достаточно многого, в частности, иррационального отказа от справедливого (внутреннего) негодования и ответа добром (т. е. прощением и возвратом к общению) на зло (т. е. Проступок).

Из-за этого, если оставаться на позиции Обж, получается, что Обч фактически возлагает на Обж большую моральную обязанность, и в этом, на наш взгляд, заключается необычный и неприемлемый для ситуаций рационального риторического общения феномен функционального переноса бремени ответственности⁵.

Исходя из сказанного, можно считать, что взаимодействие названных конфликтобежной и конфликтостремительной тенденций составляет интерактивную особенность ситуации Из.

Существенным для Из представляется количественно-качественный фактор участников коммуникативной ситуации в конфликте (не путать с количеством участников от каждой из сторон – см. далее).

Дискурсивная структура Из бинарна, поскольку это продукт взаимоотношений Обч и Обж (в т. ч. коллективных). Таким образом, Из есть реляци-

⁵ Например, в состязательном диалоге строго следят за тем, чтобы 'бремя доказывания' (т.е. ответственности) оставалось за атакующей стороной и не смещалось на обороняющуюся (см.: [Неустроева и др. 2018]).

онное (соотносительное) понятие, и коммуниканты Обч и Обж в Из не совмещаются.

Существенным представляется и учет третьих лиц. Они важны, так как нарушения социальных норм редко остаются незамеченными, что влечет общественный резонанс. Третьи лица могут занимать субъектно- (за / против личности Обч, Обж) или объектно-ориентированную позицию (за / против оценки Проступка или результирующей обиды). В последнем случае они обычно либо сочувствуют Проступку, тем самым переосмысляя его прагматическое содержание, либо дистанцируются от него. При этом третьи лица не превращают межличностное Из в коллективное, являясь составляющими вторичного коммуникативного плана (за исключением ситуаций коммуникативного вмешательства – см. ниже).

В отношении аналитических процедур можно добавить, что при наличии посредника дискурс приобретает характер экспонентного расширения взаимоотношений между уже тремя сторонами коммуникативной ситуации, и эти взаимоотношения могут потребовать отдельного рассмотрения в зависимости от выбранного ракурса исследования.

Социумный фактор. К числу движущих противоречий дискурса Из следует отнести и существование определенного баланса между стремлением к коммуникативному комфорту и реальностью, т. е. дискомфорту как фактору, определяющего конфликтные условия вообще. Подразумевается, что Из требует не просто признания неприглядности Проступка и связанного с последним исповедания, но и представляет собой форму само-наказания, что связано с само-ликоугрозой, поскольку, как уже указывалось, Обч при испрашивании прощения испытывает чувство стыда, а оно возможно только если Проступок оценивается обоими коммуникантами именно как отрицательный, ведущий к тому, что Обч могут отказать от членства в социуме, т. е. к ситуации никак не менее отрицательной для Обч, чем потеря лица. При этом трактовка социума в данном случае может предусматривать весьма несхожие вещи.

Во-первых, это ситуация ‘свои – свои’, если Обч и Обж принадлежат к одному социуму, что характерно для межличностного (диадического) общения. В такой ситуации Из связано с сохранением членства в своем социуме и носит вполне инициативный и не-вынужденный характер.

Во-вторых, это ситуация ‘свои – чужие’, когда Из приносится не ради сохранения членства в своем социуме (поскольку принадлежность к нему сохраняется), а для поддержания экстра-социумного баланса с «чужими». Это характерно для Из межгосударственного характера.

В-третьих, это ситуация ‘свои – прочие’, когда Из осуществляется для сохранения членства как в своем социуме, так и в над-социумном пространстве (широкой общественности, к которой тоже принадлежит извиняющийся). Такое характерно для Из официальных лиц, адресованных широкой общественности. В терминах логических отношений эти три возможности интерпретируемы, соответственно, как ‘и ... и’, ‘или ... или’, ‘и ... или’.

Если говорить о социумно-значимом под-факторе количества участников, прибегание к Из как способу борьбы с нарушениями норм акционально не ограничено лишь непосредственными участниками конфликта. Зачастую мы заставляем извиняться других (например, детей), стремясь достигнуть межличностной гармонии, хотя бы даже поверхностно-поведенческой.

Тем не менее, в стандартных случаях по числу принципиальных (не-периферийных) участников обычно различимы ситуации единичного и множественного Обч, единичного и множественного Обж. Выделяется четыре ситуации: индивид – индивид; индивид – группа; группа – индивид; группа – группа. Об этом подробно писал Н. Тавучис (см. выше), а мы даем помимо оценки его соображений результаты собственной рефлексии над этим феноменом.

В ситуации от одного к одному (‘О – О’) Из имеет место режим диады: основная структура Из бинарна и является продуктом взаимоотношений Говорящего и Адресата. Ситуации О – О подробно описаны в собственно линг-

вистических диссертационных исследованиях Из (их анализ дается ниже), поэтому мы на них здесь не останавливаемся.

В ситуации от одного ко многим ('О – М') параметры оценки общения приобретают особую характеристику. Согласно [Gulliver 1979: 76], разделяющему жанры 'разногласие' и 'диспут', помещение разногласия в атмосферу публичности придает ему новое, агностичное осмысление и задает иные рамки его понимания. Тем самым публичная сфера противопоставляется частной и диадической. Представления индивида о Проступке меняются в зависимости от его тяжести, от моральных качеств Обч, от возможности коллектива наложить санкции и т.п.: в целом, индивид подчиняется коллективу.

В ситуации 'О – М' Обч является объектом внимания сразу нескольких лиц, которым Обч нанес Вред (непосредственно им или их 'сфере'), поэтому обычно моральная тяжесть здесь выше, чем в случаях с одним Обж, в ситуациях, когда приносящий Из и Обч – одно и то же лицо. Это то, чему приходится противостоять не-члену группы в общении с членами. Такой вид общения позволяет наблюдателю (и исследователю), как и Обж, вести наблюдение, невозможное в межличностном режиме. Становится возможным непрерывное и настойчивое напоминание Обч о его Вине и выдвижение требования извиниться. Таким образом имитируется сценарий подобия судебного разбирательства, когда индивид предстает перед группой. Однако близость такой ситуации юридическому жанру (*genus iudiciale*) не всегда отражает ее существо (см. об этом в Главе второй).

Еще один важный момент ситуации 'О – М', не охарактеризованный у Н. Тавучиса, состоит в возможности понимания определенных случаев Из как пограничных с ситуацией М – М. Речь идет об Из официального лица за собственный Проступок (например, адюльтер). Хотя оно действительно приносится индивидуально, ситуация Из во многом зависит от этосных характеристик оратора, а конкретно – от того, воспринимается ли он аудиторией как просто индивид или же как представитель организации – причем, в подавляющем большинстве своих поступков восприятие происходит по принципу

социального типажа (представлений о том, каким должен быть носитель институционального статуса). Такое восприятие особенно характерно для политиков, включая руководителя государства.

Ситуация от многих к одному ('М – О'). Характерная черта такого Из состоит, очевидно, в коммуникаторо-имитационном сдвиге, который заключается в том, что Из обычно приносится индивидом от имени коллектива и может подаваться в форме, которая затеняет не-личностный и абстрактный характер коллектива. Иначе говоря, коллектив представляет себя как индивидуальную сущность. В этом случае адресат может расценивать Из как межличностное, с наличием у названного квази-индивида моральной ответственности, которая может заменить юридическую (см. [Tavuchis 1991; Smith 2010]). Именно в этом, на наш взгляд, состоит стратегическая цель подобных Из. Они обретают признаки фатичности, подменяющие фактуальные черты. Такая стратегия сопоставима с аргументативной ошибкой 'несуществующего субъекта' (*straw man*) (см.: [Васильев 2016: 114]).

Ситуация от многих ко многим ('М – М'). Этот дискурс выполняет функцию доверенности с двойной ориентацией: как уполномоченного от Многих и как свободного индивида. Делегированная речь, в т. ч. Из, вторична и обладает санкционированной структурой. Такие черты конфигурации коммуникации 'М – М' выводят нас в область формального, официального и публичного дискурса. Собеседники не являются автономными, и потому действуют в соответствии не с личными моральными принципами, а с интересами группы. Соответственно, отпадает вопрос о возможностях исследования индивидуальной языковой личности «солиста» – точнее будет говорить о личности коллективной (под маской индивидуальной). Именно такой коллективный статус задает Из соответствующий стилевой регистр. Так, он обычно не допускает спонтанности, гибкости или импровизации, характерной для обычной речи. Лексика, синтаксические особенности, тактико-стратегическое построение и тональность подобного Из тщательно продумываются.

Как показывает анализ научной литературы и самих речей-Из, в отличие от межличностного Из, где наиболее важная роль отведена Сожалению и Раскаянию, в Из вида ‘М – М’ (а также и ‘О – М’, если под О понимать скрыто-коллективную, институциональную личность) названные компоненты уже не расцениваются как основные. В Из ‘М – М’ имеет место функционально-прагматический сдвиг: это особый вид Из с особым знаковым представлением пропозиционального содержания – обязательной фиксацией, доказывающей, что Из принесено; возможно, именно этим фактором и обусловлено отсутствие необходимости выражения Сожаления и Раскаяния.

Объектный супер-фактор

Фактор темпоральной ориентации. Поскольку дискурс Из реализуется в пространстве общественной морали, он противоположен, например, ситуации забвения, когда мы сожалеем о том, что прошлое не вернуть, и мало устремлены в непредсказуемое будущее. В Из фактически акцентируется то, какими мы можем и должны быть, а не только к тому, что мы сделали.

Само разграничение ретроспективного и проспективного Из можно отнести к [Schneider 1977: 22], где разграничиваются, соответственно, *disgrace-shame* и *discretion-shame*. В первом происходит рассогласование субъекта с миром и с самим собой, во втором, наоборот, присутствует стремление соблюсти необходимые нормы и тем самым обрести социальное спокойствие.

Существует критический, но неопределенный по времени период после Проступка, когда нужно принести Из, так как после него Из не достигнет своей цели – ср. греч. *καιρος* (совр. *погода*, в переносном значении – *своевременность*). Значимость временного периода имеет здесь структурный, а не хронологический смысл, т. е. это *дискурсивный* период, в который должно произойти некоторое речевое событие. По-видимому, можно обозначить два полюса, каждый с определенной протяженностью – ‘(слишком) рано’ и ‘(слишком) поздно’. Соответственно, если одна из важнейших функций Из – вернуться к Проступку и преобразовать его в основание для печали, искупления и прощения, то оно не достигнет своей цели, если будет выполнено не-

своевременно и есть опасность, что Обж его расценит как формальное, неискреннее (см.: [Tavuchis 1991; Lasare 2004]).

Фактор ритуальности. По М. Фуко, сопоставимое с Из понятие 'исповедание' (confession) – это ритуальный дискурс, в котором говорящий является не только субъектом, но и объектом высказывания; это ритуал в условиях отношений власти, так как исповедание произносится перед облеченным полномочиями человеком, который требует исповеди (в нашем случае, Из – М.В.), имплицитно или эксплицитно желая относительно ее формы, оценивает ее, вмешивается, чтобы оценить, наказать, простить, утешить. Это ритуал (перформативного плана – М.В.), в котором выражение само по себе изменяет говорящего, «очищая его» [Foucault 1978: 61–62].

Из – это символическая (дискурсивная) реализация социальных ритуалов мелиоративной коррекции ситуации (и уже в этом видится фактор объективности), которые подтверждают приверженность моральным кодам поведения и верополаганиям социума, целостность которых подверглась испытанию Проступком. Такие коды поведения могут быть зафиксированы в руководствах и священных книгах. Если письменная фиксация отсутствует, мы обращаемся к научным изысканиям, в частности, к этике, к истории культуры и т.п.

Из – это ритуально требуемое, реактивное действие на социально ненормативный акт, подкрепленный или не подкрепленный формальным требованием извиниться, который нельзя отменить, но который не остается незамеченным, потому что это угрожало бы взаимоотношениям между сторонами.

Объектные характеристики собственно Из можно уточнить на основе сопоставления Из с иными подобными ему формами взаимодействия.

Из, в отличие от (религиозного) *покаяния*, не содержит компоненты *удовлетворение* и *епитимья*. К тому же, в покаянии нужен авторитетный посредник, уполномоченный дать отпущение грехов, а в Из предполагается прямое общение между сторонами. Отличие собственно Из от *разъяснения* и *само-оправдания* (самозащиты, снятия с себя ответственности) заключается,

на наш взгляд, в том, что последние предполагают, что извиняющийся должен быть рациональным, т. е. концентрироваться на причине Проступка, а это переносит акцент с самого нарушителя (этический фактор) на действие (логосный фактор). В искреннем же Из (здесь мы принимаем позицию Н. Тавучиса) обращение к причинам не релевантно, важно не-рациональное испрашивание Прощения, т. е. фактор здесь не логосный, а этосно-пафосный.

Содержательные компоненты Из типа 'О – О', 'О – М' (в том числе, когда компонент Один перенимает институциональные черты 'М') (см. выше: [Blatz et al. 2009]), как представляется, можно описывать с позиций концепции коммуникативных установок (см.: [Богданов 1990]); при этом, коммуникативные установки охватывают как субъектный, так и объектный супер-факторы и не ограничены каким-либо видом дискурса (институциональным или не-институциональным). Такое описание может приобретать как эксплицитную (при постановке соответствующей задачи), так и имплицитную форму (если приоритет отдается задачам иного плана) с возможностью экспликации в случае необходимости; в исследовательской части настоящей диссертации, например, выбран второй вариант. Итак, обратимся к основным коммуникативным установкам важнейших компонентов Из.

Раскаяние. Основные установки: на себя (экспликация психологического состояния); на адресата (он видит это Раскаяние); на межличностные отношения (в результате адресат-Обж видит, что Обч стремится сохранить взаимоотношения); на референтное содержание (признание наличия самого действия, которое расценивается далее как Проступок); на оценку референтного содержания (признание действия как Проступка); на вербализацию пропозиционального содержания (приемлемая / стандартная вербализация состояния Автора-Обч).

Признание Вины и ответственности. Основные установки: на себя (честность, уход от тенденции обвинять Обж за создавшуюся негативную ситуацию); на адресата-Обж (прямое высказывание создает впечатление искренности, а значит, уважения к собеседнику); на межличностные отноше-

ния (в результате адресат видит, что Обч расценивает пострадавших как жертв его Проступка и стремится сохранить место в социуме, а, по возможности – и прежние взаимоотношения); на референтное содержание (двойное – описывается как само действие-Проступок, так и его инициатор), на пропозициональное содержание (описываются актанты (преимущественно Обж и Обч), предикат или сирконстанты / обстоятельства (если преследуется направленность на Разъяснение)).

Признание и оценка Проступка. Основные установки: на референтное содержание (самого действия и его квалификацию как Проступка); на межличностные отношения (в результате адресат видит, что Обч правильно оценивает социальную сущность проступка, т. е. нарушение норм поведения, а значит, стремится сохранить взаимоотношения).

Признание Вреда (в том числе, страданий Обж). Основные установки: на адресата-Обж (демонстрируется понимание нанесенного Проступком Вреда и его степени); на межличностные отношения (в результате адресат видит, что Обч правильно оценивает последствия Проступка и его пагубность для взаимоотношений); на пропозициональное содержание (описывается встроенная пропозиция или обстоятельства дела).

Обещание неповторения подобных действий впредь. Основные установки: на себя (достигается внутреннее равновесие и деятельностная ориентация); на адресата (учитываются опасения адресата относительно искренности намерений Обч, могущие повлечь отказ принять Из); на межличностные отношения (в результате адресат видит, что Обч правильно оценивает социальную сущность проступка, т.е. нарушение норм поведения, а значит, стремится сохранить взаимоотношения).

Предложение о возмещении ущерба. Основные установки: на себя (демонстрируется искренность, что повышает самооценку субъекта); на адресата (выражается понимание нанесенного Проступком Вреда и его степени и тем самым – уважения к адресату, а также этоса (ответственности) автора);

на коллективного адресата / межгрупповые отношения (признание, что отсутствие предшествующих Из означает забвение интересов Адресата, что влечет нарушение социальной гармонии).

Можно дополнить эту интерпретированную нами систему еще двумя компонентами, связанными с институциональными, публичными Из с объяснением специфики установок в них. Имеется в виду также, что набор компонентов Из в конкретных речах может незначительно меняться. Первый компонент связан с конкретной стратегией – самопрезентацией, второй представляет собой мета-компонент, типичный для подготовленных публичных речей вообще, не обязательно связанных с Из.

Похвала существующему управлению. Основные установки: на себя (как принадлежащего к существующей власти, действующей в соответствии с ценностями общества); на референтное содержание (добавление информации о конкретных позитивных действиях); на пропозициональное содержание (отбор информации, не допускающей ассоциации, или воспоминания о предыдущих отрицательных действиях управляющего органа).

Оптимальная вербализация Из. Основные установки: на себя (преследование цели достижения положительной реакции на выступление с соответствующим повышением собственного имиджа); на коллективного адресата (вербализация сообщения с помощью эмпатийных средств); на пропозициональное содержание (выбор тематических точек, не позволяющих перевести интерпретацию в нежелательное направление).

Таким образом, учет двух охарактеризованных супер-факторов позволяет определить коммуникативные установки содержательных компонентов Из. Теперь от прагматико-дискурсивного описания особенностей Из можно перейти к особенностям его манифестационных характеристик, которые могут рефлексироваться как в теоретическом (объяснительном), так и в практико-описательном отношениях. Оба этих аспекта представлены в лингвистических подходах к Из.

1.2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗВИНЕНИЯ

1.2.1. Изучение Извинения в зарубежной лингвистике

В зарубежных открытых лингвистических источниках работы по Извинению представлены преимущественно в статьях и, учитывая его разработку в социологии и социопсихологии, затрагивают, как правило, частные вопросы этого явления в разных языках. Англо-, немецко- и франкоязычные источники представлены в основном в событийном и сопоставительном аспектах.

Сущностные характеристики Извинения освещены лишь в нескольких работах. Так, статья [Fraser 1981] характеризует неоднозначность проблемы манифестации Извинения на основе основополагающих характеристик последнего и принципов и возможностей его использования в стандартных коммуникативных ситуациях. В [Sulaimankulova 2011] Извинение трактуется как акт сожаления или оправдания (т. е. Разъяснения) собственных действий или действий, выдаваемых за собственные, выраженных в типовых формулах в немецком, английском и киргизском языках. В [Staffeldt 2013] описывается стандарт писем-Извинений в немецкой культуре, характеризуется функциональная последовательность элементов Извинения: само выражение надежды, что Проступок был не слишком серьезным, сожаления и ответственности за Проступок, причины его совершения, обещания неповторения впредь. В [Metzer 2018] лексема *pardon* рассматривается с аргументативных позиций как компонент пары ‘Извинение – Прощение’ и элемент континуума ‘состояние – процесс – завершение’. Перформативная функция глагола отделяется от функции вежливости. Перлокутивный эффект Извинения меняется от прощения к примирению.

Социособытийные параметры Извинения, выраженные лингвистически, наиболее частотны при описании.

Работа [Olshtain, Cohen 1983] представляет собой социолингвистическую трактовку Извинения как комплексного коммуникативного события и, одновременно, компонента этого события с неодинаковыми методическими приемами изучения Извинения. В [Holmes 1990] дается характеристика содержательных и манифестационных особенностей Извинения в культуре Новой Зеландии в ориен-

тации на прагматический фактор принципа вежливости с учетом пересечения социумных факторов. В [Scher, Darley 1997] предлагается психолингвистическая трактовка принципа прагматической эффективности Из в различных коммуникативных ситуациях, а также показаны особенности и различия осмысления Из в зависимости от условий его использования. В [Daussaint-Donex 2004] рассматривается употребление слова *pardon*: помимо Из оно имеет религиозное, секуляризованное значение, используется как простая форма вежливости, междометие, упрек и контраргумент. В [Bellachhab 2009] исследуются когнитивные механизмы, лежащие в основе Из на французском и на марокканском языках, а также их лингвистическое выражение. Построение смысла Из происходит заранее на когнитивном уровне. Затем в ракурсе «семантики аргументативных вероятностей» значение обсуждается, актуализируется, модифицируется и реализуется в ходе вербального взаимодействия. В [Turbide 2017] разбирается проблема принесения Из он-лайн. Анализ направлен на определение того, сопровождаются ли Из в цифровой среде взаимодействием с пользователями интернета в разговорном или ином формате а также на сравнение способов выражения Из в этих контекстах. В [Grossmann, Krzyżanowska 2018] изучены дискурсивные процедуры Из в интернет-переписке на основе когнитивного подхода Р. Ленекера [Langacker 2008] и теории вежливости. Установлено общее и особенное в конфигурациях семантических компонентов Из для французского и польского языков. В [Hodeib 2019] исследуются вербализации Из в сирийском арабском языке. Помимо стандартных Из, в этой работе задействованы обращения к Богу, использование паремий, а увеличение средств маркирования иллокутивной силы прямо пропорционально возрастному фактору Обж.

Сопоставительный анализ средств Из с ориентацией на этнокультурные параметры коммуникантов представлен в следующих работах.

В [Cohen, Olshtain 1981; 1985] дается сравнительное исследование форм и содержания Из в нескольких языковых ареалах и делается вывод о необходимости учета содержательных несовпадений; предлагается измери-

тельный индекс для сравнения названных различий. В [Blum-Kulka, Olshtain 1984] описаны стратегии и средства реализации Из: (а) Разъяснения, (б) признания ответственности за Вред, (в) предложения Репарации, (г) обещания неповторения Проступка. Выявлены речевые и языковые средства Из в американской и израильской культурах. В [Barnlund, Yoshioka 1990] в рамках лингвокультурного подхода охарактеризованы общие черты и несовпадения стилей Из в американской и японской межличностной коммуникации. В статье [Mehrotra 1995] рассматривается проблема культурной ситуативности индийского варианта английского языка и возможностей оптимизации общения с учетом особенностей этого культурно-языкового ареала. В [Susczynska 1999] предлагается прагмалингвистическое представление особенностей Из в трех европейских культурах – британской, венгерской и польской – и показано различие в осмыслении ситуаций Из и соответствующего манифестирования релевантных стратегий. В [Istifçi 2009] описано влияние родного (турецкого) языка и культуры на использование англоязычных Из в процессе овладения иностранным языком (преобладание обвинений в адрес самих Обж). В [Seong et al. 2018] изучается Из в корейском, немецком и английском. Из рассматривается как самооправдание, и его стратегии различаются в зависимости от степени признания ответственности за Проступок, социального статуса говорящего, степени близости отношений, ответственности (они прямо пропорциональны в корейском). В [Drescher 2018] рассматриваются прагматические черты слова *pardon*, взятого в междометной форме в камерунском и французском языках Буркинабе в Африке. Фатический приоритет рассмотрения обусловлен взаимодействием контактных языков и культурными условиями вежливости.

Речеактовая трактовка Из представлена в следующих статьях.

Работа [Norrick 1978] относится к ранним лингвистическим исследованиям проблемы Из, которое рассматривается в рамках парадигмы речевых актов Дж. Сёрля. В работе характеризуются черты Из как экспрессива. В [Coulmas 1981] предлагается изучение формул Из в комплексе с выражения-

ми благодарности, там же установлено, что стандартизированные варианты этих речевых актов ситуативно неодинаковы и могут иметь зоны пересечения в содержании. В статье [Abadi 1990] Из рассматривается в ракурсе политической лингвистики как особый речевой акт с характерными для него признаками, восходящими к концепции Дж. Сёрля.

Лингводидактические характеристики Из представлены в нескольких статьях. В [Borkin, Reinhart 1978] освещаются особенности употребления продуктивных англоязычных форм Из в ориентации на обучение иностранному языку. В [Trosborg 1987] рассматриваются общие параметры Из в европейском ареале и его культурно-специфические особенности и сложности при обучении английскому языку как иностранному датских обучающихся. Работа [Lipson 1994] посвящена характеристике аспектов Из для сопоставительного преподавания иностранного языка применительно к американской и итальянской культурам.

1.2.2. Исследование Извинения в отечественной лингвистике

Исследованию явления Из в российской лингвистике дало мощный толчок появление перевода книги Р. Ратмайр о прагматике Из в русском языке [Ратмайр 2003]. Идеи этого автора основаны на взглядах Дж. Сёрля о природе речевых актов. Их также можно, на наш взгляд, отнести к социо-прагматической концепции М. Даскала [Dascal 1983]. Основные положения подхода Р. Ратмайр, давшие стимул широкому изучению Из в отечественной литературе⁶, можно свести к следующим.

1. Из – это разновидность директивных речевых актов-реквестивов, требующих диалогического единства в коммуникативной ситуации и обращенных к другим лицам. Эта идея воплотилась в изучение не коллаборативного, а эмитентного локутивно-ориентированного аспекта речевого акта, в связи с чем в некоторых подходах Из трактуется уже как экспрессив, например, в подходе Дж. Лича [Leech 1983].

⁶ В силу языкового – русскоязычного – материала и русскоязычного варианта книги, мы условно причисляем этот подход к отечественным.

2. Перлокутивная эффективность Из определяется степенью убедительности локутивного аспекта Из. Неверно выбранная тональность или подбор слов и конструкций могут усилить или, наоборот, ослабить речевоздействующий результат, иногда в значительной мере.

3. Эмитентный аспект прагматики (прагматика говорящего) задает ряд условий удачи ('*felicity conditions*', в американской лингво-прагматической терминосистеме), которые составляют отдельный, если не решающий пласт всех условий успешности диалогического коммуникативного события.

Книга Р. Ратмайр помимо собственно исследовательских оригинальных достижений вбирает в себя ряд идей, сформулированных в науке на рубеже XX и XXI вв. При этом современные собственно лингвистические исследования по проблеме Из, не охарактеризованные специально у Р. Ратмайр, могут прямо или косвенно наследовать идеи, выдвинутые учеными, занимавшимися более общими вопросами – что отвечает общему принципу научной парадигмальности (см.: [Васильев 2016]).

Наше дальнейшее изложение будет касаться рассмотрения лишь диссертационных работ, сначала – не посвященных специально изучению Из, а затем – тех, в которых Из является собственно предметом изучения в самых разнообразных ракурсах.

В качестве не-основного предмета исследования Из в лингвистических диссертациях трактуется в нескольких основных ракурсах, которые по признаку вхождения в подход диссертационного рассмотрения можно разделить на следующие: (1) как категория речевого этикета; (2) как обеспечивающий элемент динамической структуры дискурса; (3) как метакоммуникативная составляющая общения и манифестационная характеристика взаимоотношений между коммуникантами. При этом возможно вхождение конкретной концепции одновременно более чем в один ракурс, поскольку они представляют собою не онтологические сущности, а понимание единой коммуникативной действительности, лишь рассматриваемой с разных позиций.

Ракурс (1). С точки зрения категориальной принадлежности Из примат принадлежит рассмотрению его в рамках этикета: кооперативно-манифестационному – специфики речевых формул [Луцева 1999]; прототипа как разновидности микрополя, не имеющего периферийной зоны [Топка 2000]; речежанровому – как первичного жанра этикетного общения [Мосейко 2005]; реализации категории вежливости в клише [Демченко 2007]; как этикетного речевого акта, предназначенного для поддержания ритуально-этикетных отношений в сфере вежливой коммуникации [Щербинина 2007]; манифестационному – как описания фразеологического клише в составе этикетного фрейма ‘Из’ [Аверкиева 2009]; интерактивному – как результата взаимодействия с англо-американской этикетной системой [Лунева 2011]; как этикетной речеповеденческой тактики «сглаживания» деликта с компонентами ‘принесение Из’ и ‘просьба о прощении’ [Нуриева 2012]; как этикетной тактики позитивной вежливости [Тельминов 2013].

Ракурс (2). В регулятивном аспекте Из рассматривается как: перформативная коллокутивная формула зачина [Погорелова 1998]; реализация постулата такта/великодушия [Шилова 1998]; сигнал-маркер начала/конца диалогической единицы [Иванова 1999]; координация речевых действий коммуникантов [Плотников 1999]; компонент структуры речевого акта несогласия/отказа наряду с компонентами формального отрицания и аргументации отказа [Постоеенко 2001]; носитель фатической функции с катафорическим дейксисом [Кульнина 2002]; средство восстановления гармоничных отношений между коммуникантами [Давыдова 2003]; симбиотический речевой акт [Сальникова 2003]; часть минимального интеракционного единства – с точки зрения установки говорящего [Доброва 2004]; регулятив контактоустановления в начальной стадии общения [Синицина 2005]; клишированный фрагмент входа в общение [Власова 2008]; социатив с доминированием в нем интенциональных и реляционных компонентов и отведением на задний план пропозиционального и эмоционального аспектов [Трофимова 2009]; средство преодоления конфликта [Иванова 2010]; вид экспрессива – реализатора взаи-

моотношений вежливости [Газизов 2011]; сопровождение речевого акта отказа для снятия негативного эмоционального фона [Симонова 2011]; регулятор поддержания контакта [Науменко 2012].

Ракурс (3). Вербализационная составляющая описывается с опорой на модельность события Из: с позиций конкретизации степени фатичности и описания соответствующих глагольных средств [Ивановский 1999]; как демонстрация партнеру своей нормативности или своего оценочного отношения [Лопатина 2003]; просто с точки зрения описания лексико-грамматических характеристик Из [Реукова 2005]; как метакоммуникативное клише для реализации Принципа вежливости [Стрибижев 2005]; как обезличенный и шаблонный текст-формула [Имас 2011].

В монографических (диссертационных) исследованиях, специально посвященных феномену Из можно условно выделить четыре трактовки (снова оговоримся, что это разделение умозрительное, так что некоторые концепции могут быть отнесены более чем к одной группе).

Моделирующие трактовки.

В подходе С.В. Сковородиной [2004] Из изучается в рамках речеактовой теории, но с привлечением ряда экстралингвистических параметров в диалогической коммуникации. Акцент делается на изучении природы и специфики ответной реплики как полноценного речевого акта, обладающего коммуникативной целью, формой и задающего перлокутивный эффект.

В числе принципиальных экстралингвистических параметров исследования речевоздействующего потенциала Из подробно описывается фактор коммуниканта, который реализуется как на языковом, так и на прагматическом уровне. Языковой уровень позволяет представить инвариантные статичные сведения об общающихся. Он представлен средствами манифестации речевых актов – формами сказуемого, эпитетов, обращений. Прагматический уровень характеризует одного из партнеров по общению с позиций мотивов, намерений и способов выражения речевых актов, а второго партнера – с точки зрения реагирования на них. Этот уровень считается динамичным, по-

сколькx специфичен для реализации и хода любой коммуникативной ситуации. Прагматический уровень признается более существенным, чем языковой – в частности, потому, что является во многом определяющим для выбора и использования собственно языковых средств.

Лингвопрагматический анализ расценивается не как разбор высказывания, а как анализ прагматических факторов коммуникативной ситуации. Языковые и прагматические факторы могут находиться в корреспондирующих и противительных отношениях. Причем наличие последних позволяет утверждать, что определяющими для распознавания смысла Из являются именно внеязыковые факторы. Признание приоритета прагматических факторов позволяет автору сделать вывод о внеязыковой сущности феномена перформативности и потому о несущественности рассуждений о степени полноты перформативной формулы в разных коммуникативных условиях, а также о проблеме перехода перформативов в констативы. На основе наблюдений над феноменом Из утверждается, что основа перформативности – специфика не языковой, а речевой манифестации, совпадение локутивного и иллюкутивного аспектов речевого акта как такового. Перформативность детерминируется речевыми нормами и конвенциями, а конкретно – намерением адресата принять воспринимаемое высказывание именно как Из.

Автор производит прагматический анализ манифестаций Из и представляет выявленные языковые средства в виде лингвопрагматического поля Из, задающей их упорядочивание. В качестве критерия конструирования названного поля выбрано понятие интенции. Это поле в качестве ядра содержит языковые экспликатory модусного значения – конструкторы *Verzeich* и *Entschuldigen Sie*. В околоядерный слой попадают экспликатory модуса и диктума – выражение адресата, адресанта и стимула. Периферия состоит из трех слоев: на первом располагаются конструкторы с полисемией иллюкутивных (модусных) значений; на втором – окказиональные языковые экспликатory интенции; на третьем – неязыковые экспликатory модуса и диктума.

Рассмотрена прагматико-логическая типология стимула реактивности в Из – сознательные и неосознанные действия. Источниками информации о стимуле для художественного текста признаются не только говорящий и адресат, но и автор. Проанализирован фактор коммуникантов, в частности, их типы и коммуникативно-прагматическая характеристика – средства усиления намерения Из и типология реакций на Из.

Данный подход ценен тем, что проведенное в нем исследование Из осуществлено с помощью одновременного применения нескольких экстралингвистических параметров и установлены характеристики реактивного речевого акта, в том числе, параметры его формы, реализации и речевоздействия. Однако когнитивная, или концептная сущность Из, несмотря на заявленность в теме, остается несколько в тени собственно прагматической.

Исследование Е.В. Артамоновой [2008] выполнено в рамках жанроведческого подхода. Его цель – предложить модель принесения Из в опоре на светские и церковные коммуникативные ценности. Предваряющая Из ситуация Проступка именуется пресуппозицией. Она имеет оценочную коннотацию – *грех* для религиозного контекста («внутреннее»), *вина* – для светского («внешнее»). Светский РЖ Из описывается на основе его контраста с просьбой о прощении. Описываемый жанр противопоставлен информативным и отнесен к разряду фатических и этикетных. Данный РЖ реализуется языковой личностью кооперативно-актуализаторского типа (по К.Ф. Седову).

Классификация Из строится на основе маркеров ‘языковое воплощение’ и ‘коммуникативная цель’. Характеристика РЖ строится на основе 7-компонентной речевжанровой модели [Шмелева 1997], включающей ‘коммуникативную цель’, ‘образ автора’, ‘образ адресата’, коммуникативные факторы ‘прошлого’ и ‘будущего’, ‘диктумное содержание’, ‘языковое воплощение’. При этом Е.В. Артамонова добавляет еще один компонент – ‘мотив’, определяющий коммуникативные интенции: это боязнь осуждения или публичного порицания. Коммуникативная цель просьбы о прощении – это побуждение адресата, ориентированное на изменение его отношения к Обч.

Коммуникативная же цель Из не связывается с прощением от адресата. Это лишь действие, соответствующее социальным ожиданиям окружающих.

Образ автора в светской Просьбе о прощении – человек, правильно оценивающий свой Проступок как вину, а в Из – это человек, правильно распознающий нормы социума. Образ адресата в обоих случаях – человек как исполнитель. При этом, на наш взгляд, составляющая активности здесь не одинакова: для просьбы о прощении экспликация действия исполнителя является обязательной, а для Из – нет. Фактор прошлого для обоих РЖ – Проступок, однако стоит отметить, что это, скорее, референтное содержание Проступка, поскольку оно не подлежит сомнению, хотя модусное содержание Проступка в Из (как оно трактуется у автора) явно отличается от содержания в Просьбе о прощении. Это модусное содержание, на наш взгляд, сопряжено с фактором будущего. Фактор будущего у Просьбы о прощении – неперменное ее удовлетворение, у Из же перлокутивный эффект не обязательно выражен. Диктумное содержание в Просьбе о прощении – оценка адресантом собственной Вины как тяжелой, предполагающей ее экспликацию, ориентированную на социальную норму и связанную с самоуничижением. При этом в принесении Из диктумное содержание – это во многом этикетный знак, рассчитанный на окружающих, в котором чувства адресанта выражения не получают. По Е.В. Артамоновой, Просьба о прощении в целом ориентирована на адресата, а Из – на себя и окружающих, поэтому для Из не характерен сопутствующий для Просьбы о прощении признак – отнесенность события к сфере автора и оценка автором степени тяжести Проступка.

В целом, данному подходу при всей его глубине недостает методологической чёткости в речезанровом разграничении Просьбы о прощении и принесения Из. Представляется, что предложенная автором трактовка этих РЖ позволяет отнести первый если не информационным, то к «информационно-фатическим» жанрам, а второй – к фатическим (если несколько модифицировать таксономию В.В. Дементьева [2010]).

В подходе Ю.В. Туфановой [2010] Из рассматривается с позиций социального баланса и сохранения бесконфликтности общения в ориентации на проявления личностных речепроизводных в интерактивной ситуации Из. Предлагается решение данного вопроса в рамках когнитивной прагматики, где субъект рассматривается с многоаспектной персонологической позиции как одновременно психологическая, социальная, гендерная и этнокультурная языковая личность. Описаны как кооперативный, так и конфликтивный аспекты поведения партнеров в ситуации Из с попыткой выявления прототипического и не-прототипических ракурсов этой ситуации. Ставится весьма обширная задача комплексного системного анализа выражения коммуникативного поведения партнеров. К специфическим доказываемым положениям можно отнести выделение кооперативного типа прототипичного Из и некооперативного типа не-прототипических ситуаций. Оппозицию 'кооперативность :: конфликтность' следует, на наш взгляд, заменить более строгой привативной 'кооперативность :: не-кооперативность', так как конфликтность является лишь разновидностью второго противочлена и не обязательно проявляется, например, когда адресат невербально реагирует на Из. Такую реакцию можно считать некооперативной, если, например, адресант не является визуалом или если невербалика допускает неоднозначную трактовку.

Из связывается Ю.В. Туфановой с аксиологическим параметром общения с целью изменить оценку адресатом предшествующего события во избежание конфликта. Заметим, однако, что ситуация Из не обязательно связана с опасением конфликтности: адресант может извиниться, если, например, полагает, что его могли неверно понять в силу особенностей предпринятой предшествующей вербализации – он говорил слишком тихо, вычурно и т. п.

Предложенная инвариантная прототипная модель Из тогда содержит пять компонентов; это (а) минимум два коммуниканта, (б) ущерб, (в) цель общения, (г) коммуникативные условия общения, (д) манифестация коммуникативных интенций общающихся. Основопологающим для рассматриваемой коммуникативной ситуации является предшествующее событие (ущерб),

которое может иметь как коммуникативную, так и некоммуникативную природу⁷. Разграничиваются ретроспективный (а, по сути, имеющийся) и проспективный конфликты. Модель Из процессуальна, и предполагает алгоритм, являющийся конвенциональным и потому прототипичным.

В основу принципа прототипичности кладется признак полноты представленности компонентов. Эта ситуация характеризуется кооперативностью интенций, эксплицитным Из, сочетанием характерных этикетных формул (достаточных при малом ущербе) и свободных высказываний (при крупном ущербе), эксплицитной этикетной вербализацией принятия Из адресатом.

Прототипическая ситуация Из считается однородной, не-прототипические – с примесью других, не-ингерентных свойств. В диссертации описываются 11 вариантов не-прототипических ситуаций Из: (1) имплицитное выражение Из; (2) имплицитная реакция адресата на Из; (3) Из за третье лицо; (4) Из как средство привлечения внимания адресата; (5) Из как сигнал сбоя в общении; (6) Из как сигнал об окончании разговора; (7) не-принятие Из адресатом; (8) обмен встречными Из; (9) затребование Из адресатом; (10) невербальное выражение Из эмитентом; (11) невербальная реакция на Из адресатом. В этой таксономии, однако, нет единого критерия – их несколько, и они не модульные, ср.: ‘использование семиотического кода’ – варианты (1), (2); ‘семиотический характер кода’ – (10), (11); ‘фатика’ – (4), (5), (6); ‘метакоммуникативность’ – (3); ‘инициативность партнеров’ – (9); ‘этикетность общения’ – (8); ‘собственно не-кооперативность’ – (7).

Выявлены основные черты личности ‘человека извиняющегося’ – кооперативность, мягкость, некатегоричность, эмоциональность, стремление к компромиссу, установка на позитивную тональность общения с собеседником, стремление продемонстрировать партнеру добрые намерения, скромность, сдержанность, правдолюбие, вежливость. Отдельно описаны средства

⁷ Степень ущерба задает, по нашему мнению, возможность как прототипической, так и не-прототипической реакции – от кооперативности к не-кооперативности и далее до конфликта.

невербального выражения Из – фонация, взгляд и мимика, жесты, молчание, которые могут употребляться как в сочетании с вербальными средствами, так и самостоятельно, что свидетельствует о полисемиотичности Из.

В целом, подход Ю.В. Туфановой характеризуется целостностью и многоаспектностью описания Из как коммуникативной ситуации.

В подходе В.А. Литвиновой [2015] рассматриваются лингвопрагматические, этнокультурные и языковые характеристики скрипта Из. Выдвигаются идеи: (А) о нормативности реальной коммуникации и о степени точности следования образцу; (Б) об условности стереотипного поведения (прагматической конвенциональности), восходящей, на наш взгляд, к философско-этической идее общественного договора Руссо; (В) о многоаспектном строении конвенциональности, предусматривающем её 4 ракурса: (а) социогенетический (идея стереотипности восприятия мира и человека, на основе чего формируются представления, оценки и ценностные установки); (б) когнитивно-психологический (идеи о привычности моделей мышления, о социально-значимых аспектах дискурсивной практики, о личном выборе типа поведения в \pm соответствии с социокультурными нормами и коммуникативными установками); (в) ценностный (соотнесение конвенциональности речевого поведения с представлениями о вежливости и этикете и о возможности выбора соответствующих стратегий); (г) дискурсивно-прагматический, который напрямую связан с ценностным и эксплицирует конвенциональность как проявление возможности выбора стратегий учтивости и вежливости в соответствии с нормативными ожиданиями партнера и общества в целом.

Делается предположение, что манифестация Из подчинена адаптивно-нечеткому алгоритму речевого поведения с возможностью фатических коррекций межличностных отношений при наличии угрозы социальному этикету, нравственности и морали. Из расценивается как форма фатического общения с его первичностью обеспечения безразрывности общения и связывается с социальным имиджем личности, а также с ее эмоциональной сферой.

Будучи социально-значимым, Из предусматривает инструментарий средств восстановления социального имиджа лица, виновного в Проступке. Проступок оценивается через саморефлексию, но мотивом Из, который также может рефлексироваться, считается не собственно Проступок, а его социальная оценка – в плане ответственности Обч как обладателя социального имиджа ‘человека воспитанного’, что и предполагает принесение Из.

Любопытна трактовка автором сценарности Из. Оно понимается не только как структурный скрипт, но и как потенциально вариативный феномен, связанный с принципом стратегичности. Последний, в свою очередь, основан на более общем принципе ассимиляции, который у В.А. Литвиновой именуется адаптивностью. Адаптивность к конкретно-контекстным условиям, к личностным предпочтениям эмитента Из, к социально-статусной стратификационной специфике норм, которые могут варьироваться, является предпосылкой вариативности цепочки коммуникативных шагов, которые направлены на урегулирование межличностных отношений.

Сценарий этикетного Из запускается в случае отступления от норм вежливости. Сценарий метакоммуникативного Из используется при нарушении конвенций кооперации в общении (по максимумам П. Грайса) и правил этикета (к ним отнесены внимание, терпеливость, такт, скромность, одобрение, согласие, нормы паралингвистической организации речи). С помощью этого типа сценария эксплицируются нарушения норм речевого поведения, не сопровождающиеся эмоциональным дискомфортом для говорящего. Сценарий этического Из реализуется при нарушениях морально-нравственного плана: активизируются чувства и эмоции, сигнализирующие о личных переживаниях, сожалении о Проступке и о Раскаянии. Здесь степень эмоциональности обычно пропорциональна степени нанесенного морального урона.

В типичный набор речевых действий при Из включены акты: (а) признания Вины и собственно принесения Из (у В.А. Литвиновой принесение Из трактуется как признание Вины, что представляется ошибочным); (б) описания сожаления о Проступке; (в) Раскаяния; (г) эксплицитной негативной са-

мооценки; (д) объяснения мотива / причины Проступка; (е) описания чувств и эмоций; (ж) просьбы о прощении. Из рассматривается как самодостаточный коммуникативный ход, когда типовая ситуация не требует реакции адресата, и как его компонент, когда реакция адресата предполагается.

Данный подход ценен новизной трактовки моделирования алгоритма речевого поведения, подробной характеристикой сценариев Из и их мотивов. Исследование отличается проработанностью и глубиной; вместе с тем, некоторые наблюдения (например, метакоммуникативные Из) во многом повторяют трактовку таковых у Р. Ратмайр [2003].

Исследование Т.И. Толкачевой [1999] выполнено в рамках эмотивной лингвистики. Проанализирован эмоционально-прагматический аспект языковой личности в ситуации 'признание Вины', которая смоделирована отдельно. Эта коммуникативная ситуация считается типовой, инвариантом конкретной ситуации осознания участниками Проступка и сообщения об этом осознании. Факторами, характеризующими соответствующее коммуникативное поведение языковой личности, считаются эксплицитность / имплицитность, искренность / неискренность, доминирование вербальных / невербальных способов и средств признания Вины. Эти факторы позволяют выделить два основных типа коммуникативных актов признания Вины – прямой и непрямой. При этом параметр 'искренность / неискренность' оказывается весьма значимым в объяснении специфики признания Вины: лишь в 35% ситуаций такое признание осуществлялось искренне.

В актах прямого (вербального) признания Вины (60% от общего числа примеров) используется лексика, выражающая самопризнание / самообвинение, а также Из и просьбу о прощении. Прототипическая модель описывает самопризнание / самообвинение, Из/сожаление, оправдание своих действий, обещание больше не совершать действий, вызвавших чувство вины.

В непрямых актах признание Вины осуществляется как вербально, так и невербально. При вербальном признании не эксплицируется упоминание о собственной Вине, но присутствуют лексические единицы, которые косвенно

сигнализируют о том, что виновник признает свой Проступок. При невербальном признании наблюдается либо полное отсутствие соответствующих вербальных сигналов, либо их неуместность.

Важным результатом этого исследования следует, на наш взгляд, считать выявление коммуникативных функций признания Вины. В порядке убывания частотности они располагаются следующим образом: (а) регулятивная (желание получить поддержку, понимание близких и/или прощение); (б) саморегулятивная (стремление обрести эмоциональный комфорт); (в) эмотивная и экспрессивная (желание поделиться чувствами, сообщить о них); (г) презентативная (стремление повысить собственную значимость), (д) манипулятивная; (е) информативная (эта функция у Т.И. Толкачевой упомянута в числе 6 основных, но конкретно не описана – скорее всего, она представляет собой простую трансляцию эмоций, которая, по-видимому, в большей мере характерна не для субъекта эмоции, а для повествующего о ней).

Т.И. Толкачева в своих рассуждениях и наблюдениях исходит из важной предпосылки – что поведение людей (в данном случае – персонажей художественных произведений) в исследуемой коммуникативной ситуации обусловлено двумя факторами: (1) представлениями о Вине как о неправомерности некоторого поступка; (2) следующим из этого особым комплексным эмоциональным состоянием виновного, в котором сочетаются разные эмоции. В связи с этим в диссертации выявлены важнейшие кластеры эмоций, характерные для ситуации признания Вины. Мы излагаем их в порядке убывания представленности в проанализированных текстах: стыд (раскаяние, сожаление, смущение, неловкость); симпатия (сопереживание, сочувствие, благодарность, уважение, любовь); страх (робость, сомнение, нерешительность, неуверенность, опасение); тоска (расстройство, безысходность, отчаяние, грусть, скорбь, страдание); злость (нервозность, ненависть, возмущение, недовольство, негодование, гнев).

Подробно описаны вербальные и невербальные средства выражения названных эмоций: на вербальном уровне наиболее разнообразно выражены

‘злость’ и ‘симпатия’, на невербальном – ‘стыд’ и ‘страх’. При этом соматические проявления в основном касаются кластера ‘страх’. Универсальным способом выражения эмоциональных состояний признания Вины автор считает вокальную невербалику в виде пауз и заминок, а также производные эмоций в виде слез. При этом автор принимает, что изучение эмоциональных состояний должно идти в направлении от типа коммуникативной ситуации к эмоциям, а не наоборот, т. е. по эмоциональным проявлениям невозможно однозначно определить тип референтной ситуации общения.

Следует отметить подробное изложение автором собственно вербальных средств выражения эмоций персонажами художественных текстов – это условно-сослагательное наклонение, повторы, междометия, незаконченные предложения, специфические грамматические конструкции и использование особых речевых формул, стилистические средства (метафоры и оценочные сравнения), а также лексические маркеры эмоций (ласкательная и бранная лексика, эвфемизмы, вокативы).

Достоинство данного подхода заключается, на наш взгляд, прежде всего в том, что в нем системно представлена картина коммуникативных актов признания Вины и типы их эмотивных манифестаций с подробным описанием вербальных и невербальных составляющих.

Контекстно-ориентированные трактовки.

В подходе М.В. Лисенко [1999] Из рассматривается как стратегия Принципа вежливости и в целом – гармонизации межличностных отношений. Вежливость расценивается как вид вербального поведения, не ограниченный рамками этикета. К средствам реализации вежливости причислены помимо этикетных формул любые речения, которые можно трактовать в рамках негативной вежливости, как признание говорящим факта нарушения либо намерения нарушить этические права партнера по общению.

Ретроспективное и проспективное Из рассматриваются как средства, соответственно, улаживания и предотвращения конфликта. Дается характеристика ситуаций, которые предусматривают употребление вербального Из –

это делается с помощью базисных взаимовлияющих концептов ‘власть’, ‘дистанция’, ‘степень ущерба’, которые используются в ситуации Из как компенсация Вреда. При этом ‘власть’ и ‘степень ущерба’ пропорциональны степени интенсивности Из, а концепт ‘дистанция’ в этом отношении нуждается, по-видимому, в дополнительном описании.

Прототипическая ситуация принесения проспективного Из ориентирована на профилактику возможного конфликта и предусматривает ряд стратегий говорящего – (а) испрашивание прощения, (б_п) признание факта возможного нанесения ущерба адресату и ответственности за это, (в_п) выражение нежелания причинить ущерб, (г_п) демонстрация конструктивности взаимоотношений, (д_п) приведение причин, оправдывающих нанесение ущерба.

Ретроспективное Из выступает как компенсация за причиненный ущерб с целью восстановления межличностной гармонии. Прототипические стратегии здесь – (а) испрашивание прощения, (б_р) признание Вины / принятие ответственности; (в_р) обещание не совершать подобных поступков впредь, (г_р) предложение о компенсации, (д_р) объяснение причин, (е_р) демонстрация добрых намерений.

В обеих ситуациях предполагается наличие сигнала того, что адресат принял Из, но, по мнению автора, перлокутивный акт проспективной ситуации может не получить вербального выражения, а в ретроспективной для этого требуется отдельная вербальная манифестация.

Любопытным представляется изучение степени интенсивности Из. Она обратно пропорциональна степени сохранения ‘лица’ говорящего, но прямо пропорциональна сохранению ‘лица’ адресата. При этом Из может ориентироваться на разные аспекты ‘лица’, отсюда разная степень и качество компенсации. Автор приводит скалярные характеристики излагаемого параметра: на центральном участке шкалы степени компенсации размещается общая для ретроспективного и проспективного Из стратегия (а) испрашивание прощения, а на крайних противоположных участках – максимальная и минимальная компенсаторные стратегии, соответственно: (в_р) обещание не совер-

шать подобных поступков впредь; Из в сочетании с требованием ответного Из (последняя стратегия не включена автором в число прототипических).

Изучены стереотипные ситуации Из. Проспективные связаны так или иначе с ликоугрожающими действиями в отношении адресата, совершаемыми эмитентом осознанно, но без намерения нанести ущерб. Для ретроспективных Из стереотипных ситуаций не выделено. Для проспективной ситуации в англоязычной культуре с выраженной личностной дистанцией более характерны стереотипные Из, чем в русскоязычной, для которой негативная вежливость не относится к числу характерных или преобладающих.

В собственно фатических формулах Из (для управления ходом дискурса) может присутствовать значение компенсации, характерное для собственно Из; автор относит такие ситуации к нарушению принципа искренности, хотя, думается, они больше отвечают принципу функциональной омонимии.

Описанный подход привлекает глубиной понимания проблемы интересными результатами, важнейший из которых – подробное и аргументированное описание различий проспективного и ретроспективного типов Из.

В подходе Е.А. Плетневой [2009] изучено функционирование формул Из как средств реализации речевых действий. Анализируется коммуникативно-прагматический потенциал речевых актов, реализуемых посредством особых конвенциональных формул Из.

Формулы Из представляют собой, согласно Е.А. Плетневой, образования как прямого, так и непрямого характера. Во втором случае названные формулы не связаны напрямую с собственно речевым событием Из. Поэтому они являются образованиями полисемантического или даже омонимического плана и выступают средством кодирования: (а) сочувствия, соболезнования, сожаления (установки на референт); (б) переспроса, уточнения сказанного, установления, прерывания и размыкания речевого контакта, вмешательства в разговор (фатические установки); (в) просьбы, выражения упрека и т. п. (установки на адресата). В связи с этим анализ содержания этих формул связан с прагматическим аспектом коммуникативной ситуации.

Собственно Из трактуется автором, вслед за Дж. Серлем и Дж. Личем, как социально значимый экспрессив, направленный на реализацию социального баланса, требуемого в условиях нарушений принципов социального взаимодействия. К числу предваряющих условий употребления Из Е.А. Плетнева относит нанесение ущерба адресату со стороны говорящего, осознание говорящим своей Вины, рефлекслируемый им психологический дискомфорт от этого и стремление восстановить коммуникативную гармонию.

Для британской языковой культуры выделены три разновидности акта Из – эмфатическое, фатическое и официальное. Первая, как представляется, связана с установкой на адресата, вторая – с установкой на коммуникативную ситуацию, а третья – на социумные условия осуществления коммуникации. Языковые формулы трех разновидностей Из следующие. Универсальной и безусловно приемлемой для всех трех типов признается формула (*I am*) *sorry*. Языковая формула *Forgive me* применяется исключительно для эмфатического Из. Формулы *I apologise* / (*My/Our*) *Apologies* считаются наиболее семантически полно выражающими собственно Из за нанесенный ущерб и используется преимущественно для официального Из. В этих трех разновидностях названное распределение является строгим и невариативным.

Представляется, что причисление у Е.А. Плетневой названных формул к речевым (в тексте диссертации они именуется то речевыми, то языковыми – см. Выводы 3 и 6 по Главе 2) можно признать правомерным только при отнесении их к ситуативным клише. Однако эти формулы используются в крайне широком спектре ситуаций, а их вербалика практически не подвергается модификациям. Поэтому если рассматривать их в отношении к названным трем бесспорным актам Из, то это формулы не речевые, а языковые. Другое дело – функциональная транспозиция. В этом отношении формулы целесообразно считать речезыковыми: языковыми по уже названным причинам неизменности формы, а речевыми – поскольку их отнесение к конкретной ситуации связано с экстралингвистическими условиями обретения разнообразных смыслов.

Предложенный подход достаточно традиционен в смысле отсутствия в нем выраженных трансдисциплинарных признаков. Его сильной стороной можно признать основанное на экспериментальных данных подробное описание закономерностей использования клишированных речевых единиц в разнообразных типах ситуаций. Из вполне доказательно рассматривается как социокультурно-детерминированный феномен, обладающий вариативным стратегическим потенциалом.

В диссертации С.С. Авакимян [2011] Из исследуется с позиций теории речевых актов и идеи о контекстном определении их восприятия. Тогда акцент в описании смещается с традиционного *homo loquens* на *homo audiens*, что требует применения особых методик, особенно в условиях межкультурного общения, когда восприятие смысла представляет отдельную проблему. Акцент на 'грамматике слушающего' связывается автором с восприятием как исходным моментом в когнитивной деятельности, а проблемы адекватной интерпретации искренности и вежливости считаются принципиальными для понимания существа Из. При этом восприятие этих двух факторов носителями и не-носителями иностранного языка различно, в том числе, при наличии и при отсутствии контекста в его многослойном понимании.

На восприятие Из, по мнению С.С. Авакимян, влияют четыре уровня / слоя контекста. Два локальных (лингвистический и ситуационный) отвечают, соответственно, за лексико-грамматические, просодические, функционально-стилистические черты Из и за особенности коммуникантов, их взаимоотношений, хронотопа и невербалики. Два более широких, лингвистический (интертекстуальность) и социокультурный, связаны с искренностью и уместностью Из. Коммуникативно-функциональная эквивалентность переводных высказываний Из достигается при учете всех четырех уровней.

Из подразделяются на четыре типа. Два важнейших – реальное и конвенциональное Из. Первое соотносится с искренностью, второе – с вежливостью. Третий (сочетание двух первых типов) имеет место в ликоугрожающих Из, которые могут восприниматься как неискренние и невежливые одновре-

менно, но первый параметр менее значим, чем второй. Четвертый тип – это конвенциональные Из с дополнительными функциями, где ущерб невелик, а Из обеспечивает смягчение просьбы или привлечение внимания.

Категория вежливости легче объективируется в языке и имеет культурно-специфические черты; в силу наличия маркеров она легче распознается по сравнению с искренностью. Вежливость рассматривается С. С. Авакимян как совокупность следующих параметров: (а) способа сохранения / восстановления социальной гармонии; (б) средства повышения самооценки эго; (в) социально приемлемого поведения / регулятора такового. Изменение принципиального контекста Из кодированием на другом языке меняет восприятие прежде всего вежливости, но не искренности. Поэтому искренность и вежливость не считаются взаимозависимыми параметрами. Искренность Из описывается в диссертации скалярно с выделением саркастических, вызывающих, обиденных и собственно искренних разновидностей.

Наряду с объективными характеристиками контекста, в том числе, языковым кодом, выделены субъективные, включающие жизненный опыт, эмоциональное состояние реципиента, систему его знаний и убеждений. Эти характеристики задают рассмотрение контекста как индивидуально-когнитивных (субъективно-ментальных) моделей.

В исследовании описываются результаты восприятия искренности и вежливости Из при наличии и отсутствии локальных лингвистического и ситуационного контекстов. Как носители, так и не-носители языка намного хуже распознают эти параметры в не-контекстных Из.

При оценке искренности и вежливости Из коммуниканты стремятся ориентироваться на определенные контекстные факторы: (А) в локально-лингвистическом контексте: (а-1: искренность) – на просодику, лексико-грамматические черты и пре- и пост-извинительные высказывания; (а-2: вежливость) – на просодику, лексико-грамматические черты Из и иных реплик, на уровень формальности Из; (Б) в более широком лингвистическом контексте: (б-1: искренность) – на догадки о гипотетической ситуации для конкрет-

ного Из; (б-2: вежливость) – на уместность внеконтекстного Из определяемую в опоре на собственные знания о возможной ситуации, где может прозвучать данное Из; (В) в локально-ситуативном контексте: (в-1: искренность) – на эмоции участников, взаимоотношения и невербалику; (в-2: вежливость) – на воссоздание ситуации с Из, на действия и взаимоотношения собеседников, их чувства и эмоции; (Г) в более широком социокультурном контексте: (г-1: искренность) – на конкретную лингвокультуру; (г-2: вежливость) – на конкретную лингвокультуру, на связь вежливости с уровнем искренности, на уместность Из в ситуации общения (нумерация наша – *М.В.*).

При оценке искренности Из респонденты учитывают невербалику, но в оценке вежливости, что происходит намного реже, этот параметр существен в этнокультурном плане, и здесь возможны ошибки в силу различий в невербальных кодах. Искренность и вежливость в Из, по данным автора, не являются взаимозависимыми, но в британской культуре эта корреляция выше, чем в русской.

Данный подход ценен статистически значимыми результатами экспериментов и детальной проработкой двух основных параметров Из – искренности и вежливости.

В концепции Н.А. Минаевой [2012] излагается системно-прикладной аспект проблемы Из как РЖ. Изучаются лексико-грамматические закономерности реализации Из в речи детей младшего школьного возраста. Из рассматривается с точки зрения этикетных речений и одновременно – с позиций детской языковой картины мира в сопоставлении со взрослой. Акцентируется прагматическая сторона исследуемого РЖ и проводится компонентный анализ РЖ Из по модели Т.В. Шмелевой [1997].

Для РЖ Из устанавливается системообразующий концептный признак Вина, а ситуация Из трактуется традиционно с выделением виновника, готового к искуплению Вины (автора) и пострадавшей стороны (адресата). Коммуникативный фактор прошлого (негативное действие) соединяется с фактором будущего (улучшение взаимоотношений партнеров по общению) по-

средством соответствующей коммуникативной цели. Языковое воплощение РЖ Из трактуется как с языковой, так и с когнитивной точки зрения, с акцентом, соответственно, на уровневую и на полевую организацию компонентов стратумов с выделением ядра и периферии.

Особенностью Из для русской лингвокультуры считается тактика эксплицитного признания ребенком Вины, обусловленного предшествующим Раскаянием. Отдельно изучена комплексность языковых структур и сделан вывод о том, что школьнику доступно понимание обыденных, клишированных и индивидуальных выражений Из. Ядерное положение в системе названных типов выражений занимают нейтральные вербализации буквального Из, что лежит в рамках общих представлений и современных научных данных об особенностях детской языковой картины мира.

На основе проведенного качественно-количественного анализа устной и письменной речи детей и сопоставления его с особенностями взрослой языковой картины мира обозначены параметры создания коллективного речевого портрета младших школьников. Данные, полученные в результате анализа индивидуальных сведений в сопоставлении с выстроенным коллективным речевым портретом, позволяют сделать вывод об уровне речевого развития и возрастных возможностей младших школьников. Последнее важно для совершенствования методики преподавания русского языка в начальной школе, а также для вузовских методик обучения таких учителей.

Данный подход не изобилует теоретическими находками, однако ценен с практической образовательной точки зрения.

Рече-этикетные трактовки.

В подходе Т.В. Тарасенко [1999] Из описываются в ряду этикетных РЖ как устойчивых рече-языковых реакций на стандартные ситуации общения. В числе правил и признаков таких РЖ выделены соответствие «сценарию» ситуации, совпадение оценок иницирующего события собеседниками и адекватность выполнения коммуникативных ролей участниками события.

Осмысление. Оптимальным методом описания Из считается теория РЖ В.В. Дементьева [2010], описывающая факты языка как речевые действия.

Этикет трактуется автором в рамках оппозиции ‘принято / не принято’. При дихотомическом разделении по признаку инициативности выделяются группы РЖ ‘событие’ и ‘реакция’ на событие. Из отнесено к жанрам-реакциям с перфектной перспективой (т. е. Из определяется иницилирующим событием), которые относятся к миру ритуальной действительности. Однако едва ли можно согласиться с автором, что Из как этикетный РЖ носит исключительно фатический характер с коммуникативной целью ‘установление, поддержание, прерывание общения’ между участниками коммуникации. Т.В. Тарасенко считает, что реализация таких РЖ не отражается на состоянии адресата, так как «общая ситуативно-целевая задача фатического речевого поведения – говорить, чтобы высказаться и встретить понимание» [Винокур 1993: 137]. Однако, на наш взгляд, очевидно, что Из приносит облегчение эмитенту уже в том смысле, что в его последствиях осуществлена социальная потребность – соответствующее ожидание адресата (и окружающих).

Автор отмечает перформативный характер исследуемой группы РЖ, хотя принимаемое в работе отнесение Из к полноперформативной формуле едва ли оправдано, не говоря уже о наличии ликоугрозы в Из.

Представляются интересными наблюдения, позволяющие выявить общие свойства этикетных РЖ: (а) недостижение коммуникативной цели обусловлено нарушениями в осуществлении центрального акта или в его формальности; (б) возможность инициации этикетного акта путем информирования собеседника или провоцирования его на оценку события; (в) этикетный жанр предстает как пост-жанр (реактивный) с перфектным противочленом «актуальное событие» при наличии у последнего пост-коммуникативной силы. Выявлены языковые сигналы Из – настоящее актуальное время, реальная модальность, категория персональности, полисемиотичность кодирования.

Данный подход содержит ряд наблюдений, которые дают пищу для размышлений над теоретическим аппаратом изучения лингвистики Из.

Подход С. Ли [2006] предусматривает лингвокультурологическое рассмотрение концепта Из с позиций социальных признаков коммуникантов, этикетного контекста употребления концепта и способов его манифестации.

Изучение Из строится путем обращения к четырем основным типам контекстов – к словарному, к художественно-нарративному, к рече-диалоговому и к прямо-речевому, совмещенному с комментарием автора произведения. Данные контексты демонстрируют существо, функциональную направленность, речеактовую природу концепта и его проекцию на категорию вежливости. Нарративный режим рассмотрения концепта считается обладающим потенцией экспликации речевых действий и внутреннего мира говорящего и раскрытия тем самым его лингвокультурной картины мира.

Концепт Из высокочастотен и ориентирован на сохранение лица адресата, его употребление обладает выраженной фатической функцией. Концептуальное поле Из содержит конечное множество компонентов, основными из которых, по мнению С. Ли, являются вина, прощение, вежливость, уважение / воспитанность, долг, благожелание, сохранение лица.

Изложены типичные манифестации Из в нескольких аспектах – в словарном, в речеактовом (в диалоговом взаимодействии), в нарративном (как компонент высказывания автора произведения) и в речеактивно-нарративном (как компонент высказывания персонажа, комментируемого автором). Лингвокультурная специфика употребления названного концепта Из у русских и у китайцев состоит в различной частотности употребления Из, в имманентности / релятивности степени вежливости и в различиях жестового языка.

Рассмотренный подход ценен так называемой экспертной культурной позицией, когда специфичность коммуникативных практик выявляется с большей полнотой при взгляде на них с позиций сторонней культуры.

М. Шафаги [2011] основывает свое исследование на идее специализированных функций этикета – контактоустанавливающей, регулирующей, эмоционально-модальной и адресато-ориентированной (по Н. И. Формановской [2002]). Этикет считается обрамляющей конструкцией для ряда комму-

никативных принципов, в частности, вежливости. На основе учета максим такта, великодушия, скромности, одобрения, согласия, симпатии и разграничением относительной и абсолютной вежливости (по Дж. Личу) трактовка Из в части рассмотрения ‘этикет Из’ позволяет разграничивать ситуации принесения Из (Из-вежливость) и признания себя виновным (собственно Из).

Из-вежливость как относительная вежливость употребляется в типовых ситуациях привлечения внимания или предпосылки для просьбы или запроса информации. По мнению М. Шафаги, превентивные Из для актов просьбы, вопроса и совета нечасты в русской культуре, но это утверждение, на наш взгляд, нуждается в статистическом подтверждении, тем более, что автор буквально в том же абзаце [Шафаги 2011: 10–11] указывает на обратное.

Из может быть принесено не только за Проступок как таковой, но и за нарушение различных аспектов продуктивного общения, перечисленных, например, в работах П. Грайса и Дж. Лича. Нарушение постулата Качества связано с невниманием говорящего к высказываемому, ошибками и оговорками. При нарушении постулата Количества извиняются за излишние подробности при изложении существа дела. Нарушение постулата Релевантности влечет Из за отклонение от темы. При нарушениях постулата Способа Из поступают за несоблюдение, например, языковых норм при письме. Если нарушен постулат Такта (границы личной сферы), извиняются за физическое нарушение личного пространства, за коммуникативные нарушения (например, проспективное намеренное перебивание, нарушения стилевых ожиданий), за вопросы о возрасте, зарплате, убеждениях, профессиональной принадлежности, maritalном статусе и т. п. При нарушении постулата Согласия типичны Из за выражение несогласия с мнением партнера, за выражение отказа выполнить просьбу, за критику (особенно в ненадлежащем стиле).

Рассмотрение Из в связи с принципом вежливости позволяет автору установить лингвокультурные различия ситуаций Из в русском и персидском языках. В первом акт Из в большей мере связан с ситуациями признания вины (т. е. акцент – на содержательном аспекте Из), а во втором – с проявлени-

ем вежливости (акцент на форме). В персидской культуре Из более частотны и играют более важную роль для репутации говорящего, чем в русской.

Рассмотренный подход, хотя и не отличается теоретическими новинками, ценен прежде всего фактической проработкой коммуникативной ситуации Из в межкультурном аспекте.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

В главе были рассмотрены теоретические основания описания Из в гуманитарных дисциплинах. Выбранный принцип рассмотрения этого дискурса ориентирован на выявление сущностных характеристик Из, предложенных в имеющейся научной литературе, но не связан непосредственно с генристикой. При этом учитывалось то, что исследовательская практика Из в зарубежной и отечественной традициях неодинакова: в первой изучение Из рассматривается в нескольких гуманитарных областях, во второй – преимущественно в языковедении. Поэтому последовательность описания выстраивалась соответственно – от более широкого предмета к более узкому. Особое внимание было сосредоточено на фундаментальных монографических работах, в которых предпринято многоаспектное рассмотрение Из. Идеям философии, социологии и социопсихологии Из в главе уделено пристальное внимание в связи с необходимостью очертить методологические основания дальнейшего прагмалингвистического анализа Из.

В зарубежной науке установлены важнейшие параметры описания Из – Проступок, Вред, Вина (и их признание), Раскаяние, собственно вербализованное Из, Обещание неповторения Проступка, Репарации. Эти параметры представлены и описаны в основных монографиях (Н. Тавучис, А. Лазар, Н. Смит, О. Бойер) с разной степенью детализации и приоритета и могут дополняться иными признаками – Стыдом, Разъяснением, Прощением и др. Столь же неодинакова, согласно мнению ведущих авторов, и представленность названных компонентов в конкретных дискурсах.

Описание принципов функционирования Из должно ориентироваться не только на его основные черты, но и на типы коммуникантов – участников речевой ситуации. Описаны количественные и качественные характеристики участников общения с выделением прямых и косвенных. Количественный параметр изучается не в арифметическом, а в инициативно-дихотомическом отношении. Описаны блоки ‘Один – Один’, ‘Один – Многие’, ‘Многие – Один’, ‘Многие – Многие’. Прототипическим обычно считается Из диадического / межличностного плана, и в ориентации на него даются его характеристики. Три остальных типа обычно представляют публичное Из, которое во многом наследует признаки индивидуального. Акторный параметр Один в публичных Из может быть функционально близок к параметру Многие.

Предложен вариант прагматического описания Из с позиций количественно-качественного дискурсивно-ориентированного подхода. На этой основе актер публичного политического Из рассматривается как имеющий черты индивидуального институционального и коллективного институционального. В обеих разновидностях физически актер обычно является индивидуальным, а в восприятии публики актерный компонент ассоциируется с коллегиальным органом либо с должностным статусом говорящего.

Лингвистические исследования Из лишь отчасти наследуют идеи других гуманитарных наук в изучении этой научной проблемы. В зарубежной науке лингвистика Из представлена менее системно, чем в отечественной, и исследования можно распределить по пяти основным направлениям.

Из как социособытийный феномен рассматривается в [Olshtain, Cohen 1983; Holmes 1990; Scher, Darley 1997; Daussent, Doneux 2004; Bellachhab 2009; Turbide 2017; Grossman, Krzyżanowska 2018; Habieb 2019].

Сопоставительное изучение Из с учетом культурных факторов принято в [Cohen, Olshtain 1981; 1985; Blum-Kulka, Olshtain 1984; Trosboorg 1987; Barmund, Yoshioko 1990; Mehrota 1995; Suczynska 1999; Istifçi 2009; Drescher 2018; Seong et al 2018].

Менее репрезентативны исследования Из с точки зрения: его сущностных признаков [Fraser 1981; Sulaimankulova 2011; Staffeldt 2013; Metzger 2018]; теории речевых актов [Norrick 1978; Coulmas 1981; Abadi 1990]; лингводидактики [Borkin, Reinhart 1978; Trosborg 1987; Lipson 1994].

Лингвистические отечественные подходы к Из достаточно широко представлены в диссертациях и охарактеризованы в главе с точки зрения изучения Из как неосновного и основного объектов исследования.

Как неосновной объект Из изучается в трёх основных предметных ракурсах: (А) категории речевого этикета [Луцева 1999; Топка 2000; Мосейко 2005; Демченко 2007; Щербинина 2007; Аверкиева 2009; Лунева 2011; Нуриева 2012; Тельминов 2013]; (Б) регуляции структуры дискурса [Погорелова 1998; Шилова 1998; Иванова 1999; Плотников 1999; Постоенко 2001; Кульнина 2002; Давыдова 2003; Сальникова 2003; Доброва 2004; Синицина 2005; Власова 2008; Трофимова 2009; Иванова 2010; Газизов 2011; Симонова 2011; Науменко 2012; (В) манифестационных особенностей взаимоотношений между коммуникантами [Ивановский 1999; Лопатина 2003; Реукова 2005; Стрибижев 2005; Имас 2011].

Из как основной объект исследования подробно охарактеризовано в главе с распределением концепций по трем основным трактовкам:

(А) моделирующей (подходы С.В. Сковородиной (респонсивное речевое моделирование), Е.В. Артамоновой (дискурсивное моделирование), Ю.В. Туфановой (интерактивное моделирование), В.А. Литвиновой (комплексное алгоритмовое моделирование), Т.И. Толкачевой (эмотивное коммуникативное моделирование);

(Б) контекстно-ориентированной (концепции М.В. Лисенко (перспективное и ретроспективное Из), Е.А. Плетневой (функциональные формулы Из), С.С. Авакимян (перцептивные вариации Из в аспекте параметров искренности и вежливости), Н.А. Минаевой (прикладное изучение речеведческих тактик в ситуациях Из);

(В) рече-этикетной (подходы Т.В. Тарасенко (выявление общих свойств РЖ, реализующих интенцию Из), С. Ли (экспертно-культурный подход к ситуациям Из), М. Шафаги (ситуации Из-вежливости и собственно Из).

Отечественные монографические подходы опираются (с разной степенью эксплицитности) на социо-интеракционистские микропарадигмы современной прагматики (П. Грайс, Дж. Лич, Р. Ратмайр), ставя во главу угла неодинаковые ракурсы этих микропарадигм. Однако именно эта разница позволяет усмотреть не только полученные достижения, но и очертить возможные исследовательские перспективы изучения Из.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗВИНЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО АНАЛИЗА

Для определения самых общих черт публичных политических Из и принятия решения о выборе материала для детального анализа были предварительно изучены 44 речи американских политиков высшего звена (см. их список в Приложении 5) и сделан вывод, что Извинения могут быть близкими по тематическому признаку (например, посвящены угнетению, совершенной агрессии, ненадлежащему обращению с людьми, аморальным поступкам и т. п.). Однако они неодинаковы по содержательному типу: с точки зрения ориентированности на реципиента (на прямых и косвенных участников общения); с позиций принадлежности к общериторическому жанру (юридическому, совещательному, церемониальному); с точки зрения преимущественной направленности на область восприятия (логос, этос, пафос).

Подробный анализ Из проводится в последовательности от делегированного Из (речи Б. Клинтона и К. Говера) за действия, совершенные государственными органами к прямому Из за личные действия, повлекшие ущерб репутации государственной власти (речь Б. Клинтона).

2.1. РЕСПОНСИВНОЕ ИЗВИНЕНИЕ И ПРИНЦИПЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Любое Из является реагирующим событием в дискурсивном комплексе ‘Проступок – реакция Обж – Из – реакция Обж.’. Два компонента в этом комплексе связаны с Обч, два другие – с Обж. Из связано с оценкой Проступка прежде всего стороной Обж и уже потом – третьими лицами. Реакция этой стороны может получить или не получить вербальную манифестацию (запрос, требования извиниться). Вариант Из с отсутствием такой стимульной вербальной манифестации мы будем далее именовать просто Из, а с ее наличием – Респонсивным Из. Ситуация с Респонсивным Из полнее отвечает диалогическому характеру Из и в этом отношении может считаться базисной. Поэтому прагмалингвистическое рассмотрение конкретики Из мы начинаем

именно с этой базисной ситуации. В качестве материала для анализа берется речь-Из бывшего президента США Б. Клинтона по инциденту в Таскиги.

Одновременно мы принимаем монологический ракурс анализа Из, т.е. исследуются речезыковые характеристики именно этого компонента изначально парного события. Ориентация на дискурсивное (письменное, т. е. не симультанное) инициирующее событие учитывается преимущественно в содержательном отношении. Это означает, что для анализа выбираются не собственно речезыковые манифестации оценки Проступка, а преимущественно компоненты его смыслового порядка, на которые дается ответ в Из.

2.1.1. Коммуникативная ситуация

Инцидент (Проступок) в г. Таскиги, штат Алабама связан с проведением там в период 1932–1972 гг. бесчеловечного эксперимента, предусматривавшего наблюдение за развитием латентного сифилиса у 399 афроамериканцев, не получавших соответствующего лечения. Об этом общественности стало известно из статьи в Нью-Йорк Таймс от 26.07.1972 г. Эксперимент проводился медицинской комиссией по указанию федерального министерства здравоохранения. Жертвам позже были выплачены репарации, что явилось фактическим признанием Вины, но официального Из принесено не было. По этому вопросу решением Конгресса США был создан специальный Комитет по наследию, который опубликовал Послание в адрес действующей президентской администрации с требованиями принесения Из и организации возмещения Вреда (см. Приложение 1).

16.05.1997 г. Б. Клинтон, который на тот момент являлся действующим президентом США, организовал в Белом Доме встречу с пятью выжившими участниками эксперимента и членами семей еще одного и двух умерших в результате эксперимента. Он выступил с речью, в которой принес официальное Из живым и умершим жертвам эксперимента и обнародовал комплекс репарационных мероприятий, которые отвечали требованиям, изложенным в Послании Комитета (см. в деталях: [Boyer 2010: 1–10]).

Специфика разбираемого ниже президентского Из заключается прежде всего в том, что: (1) это Из носило вынужденный характер, во многом инициированный Посланием Комитета и тем самым – реакцией на действия не Обж (не на его запрос), а третьей стороны (посредника); (2) оно было принесено в ответ на неоднократные требования как Обж, так и афроамериканской общественности, остававшиеся без внимания предыдущих администраций, т. е. носило отложенный характер; (3) Проступок, по поводу которого приносилось Из получался двойным: (а) собственно циничный эксперимент; (б) отсутствие официального Из в течение нескольких десятилетий; (4) приносивший Из президент не был Обж (т.е. непосредственно виновным) по аспекту (а), но был отреагировавшим полномочным лицом по аспекту (б), где его виновность была более зримой (Из было принесено не сразу, а по истечении некоторого времени после вступления Б. Клинтона в должность президента США).

2.1.2. Специфика Извинения с элементами самопрезентации

2.1.2.1. Роль инициирующего компонента

Обращаясь к жанровой идентификации этого Из, отметим, что его инициирующий (Послание Комитета по наследию) и респонсивный (собственно речь-Из Б. Клинтона) компоненты составляют целое, отвечающее ряду признаков комплекса, который О. Бойер определяет в общериторическом плане как ‘Категория – Апология’ (т. е. ‘обвинение – ответ-оправдание’) [Boyer 2010].

Помещая это наблюдение в более конкретную – лингвориторическую – область, можно сделать наблюдения, выходящие за пределы выводов О. Бойер. Если обратить внимание на риторическую ситуацию (причина необходимости Из; его хронотоп; субъект Из) и на перлокутивный характер второго компонента рассматриваемой диалоговой пары, можно увидеть, что они в целом напоминают дискурс, который характерен для судительного жанра

(этот перевод термина *genus iudiciale* принадлежит, по-видимому, А. А. Волкову).

Так, в Послании имеются компоненты-мишени ‘атаки обвиняемого’⁸, основные из которых, на наш взгляд, это ‘ответственность виновного’ и ‘тяжесть последствий’.

В рамках мишени ‘ответственность виновного’ можно выделить: наличие ранее принесенных Б. Клинтонем официальных Из по иным поводам, запланированность Проступка медиками, осознание его последствий и намеренное введение жертв эксперимента в заблуждение о самом наличии заболевания Службой здравоохранения США.

В рамках мишени ‘тяжесть последствий’ Послание упоминает: физический, психологический и моральный Вред, причиненный невинным жертвам; расовый характер эксперимента; ущерб репутации как Института Таскиги, так и самой системе здравоохранения США.

Планируемое Посланием Из должно было содержать: (1) создание при университете Таскиги центра по увековечению памяти об эксперименте и трансформированию существа его наследия из отрицательного в доверительное; (2) организацию программы сохранения здоровья меньшинств; (3) введение расово-ориентированных программ для организаторов здравоохранения; (4) организацию информационно-координационного центра для поддержки исследований на этической основе.

Как представляется, Послание выполнено с ориентацией на осознание Б. Клинтонем двух факторов. Первый можно возвести к фактору риторической ситуации (по [Bitzer 1968: 6–8]) – это рефлексивизация несовершенства обсуждаемой ситуации и поиск ее улучшения. Вторым фактором тесно связан с первым и состоит в учете четырех локусных (‘стазисных’, по Гермагору – см.: [Hohman 2001:741]) компонентов, представленных в иницирующем

⁸ По многофакторной системе из [Benoit, Dorries 1966], полный набор мишеней – это наличие неоднократности Проступка, его спланированности, осознаваемости Обч-м тяжести последствий, ответственность Обч, наличие у Обч выгод от Проступка, акцентирование/преувеличение атакующим реального Вреда от Проступка).

тексте-Послании как смягченной (не ориентированной на конфликт) разновидности Категории (см. также: [Boyer 2010: 3.3.2]).

Локус референции состоял в изложении факта многолетнего медицинского эксперимента в Алабаме и в последующем длительном отсутствии правительственного Из за его последствия [Legacy 1996: 559].

Локус оценки. Результаты эксперимента охарактеризованы как вредные, научно- и морально-необоснованные [Legacy 1996: 560–561].

Локус сигнификации. Последствия эксперимента (аспекты Вреда) затрагивали: здоровье семей и членов сообщества; репутацию Института Таскеги (ему ошибочно приписывалось авторство эксперимента); репутацию власти (длительное отсутствие Из) и возникшую отрицательную коннотацию самого слова *Tuskegee* (согласно [Boyer 2010: 57], это метафора (см. о содержании этого термина: [Крюкова 2000: Чудинов 2000]), символизирующая расизм в медицине, нарушение этики, патернализм врачей, издевательство над пациентами, недоверие к медицине у негритянского населения штата). Также, фактор сигнификации (принцип ‘стремление избежать непоследовательности’) может быть усмотрен в акцентировании в Послании (и в дискуссиях) прецедентного текста Из Б. Клинтона, адресованного ранее, в 1995 г., жертвам радиоактивных экспериментов в период холодной войны (логика ‘*non sequitur*’: в одном случае Из приносится, а в другом нет) [Legacy 1996: 562].

Локус этоса. Он может быть сформулирован как юрисдикционная ориентация авторов Послания – на институционально полномочное лицо, представляющее правительство как орган, в конечном счете ответственный за проведение эксперимента [там же].

Представляется, что рассматриваемая ситуация не позволяет расценить рассматриваемый дискурсный комплекс в риторико-жанровом отношении как собственно судительный хотя бы потому, что он, согласно О. Бойер, не касается судебной ситуации и не выполнен в юридическом ракурсе предъявления обвинения [Boyer 2010: 2.4]. В этом иницирующем компоненте дискурсной пары можно усмотреть признаки церемониального (*genus*

demonstrativum) и совещательного (*genus deliberativum*) жанров: указывается существо Проступка не вообще, а вполне конкретного, и его Вред не только для минувшей (как это было бы в судительном жанре), а во многом и для те-перешней ситуации.

Близость парного комплекса к церемониальному жанру определяется:

(а) использованием в иницирующем тексте не общей обвинительной схемы (что было бы присуще судительному жанру – по типу юридической максимы ‘все действующие подобным образом, должны быть признаны виновными’), а принципа ‘ad hoc’ – применительно лишь к конкретному субъекту (правительству США); это создавало простор выбору действий Б. Клинтона, который уже не обязан был давать исключительно оправдание (из-за двусмысленности адресации: к какому именно правительству обращены претензии – прежнему или нынешнему?) и который поэтому соединил Из с самопрезентацией, придав последней особый гибридный характер путем соединения ее со стратегией, реализуя последнюю, в частности, в существенном по размеру фатическом блоке в начале речи, который носил почти исключительно церемониальный (во всяком случае, никак не оправдательный) характер;

(б) выбором в Послании в качестве объекта воздействия не собственно Обч (в силу его отсутствия), а полномочного лица (назовем это институциональным делегирующим дейксисом), что не просто меняет этос дискурса, но и позволяет в респонсивном тексте использовать моменты, связанные с персональным дейксисом, в частности, самопрезентацию; при этом выбор тактик для самопрезентации остается за реагирующим.

Рассмотрим теперь факторы, сближающие разбираемый дискурсный комплекс с совещательным жанром. Совещательность предполагает наличие симультанного или отсроченного диалога – в данном случае наличия (помимо Из) Послания Комитета. Цель Послания была двоякой:

(1) убедить президента в необходимости принесения Из за Проступок перед комплексным адресатом-Обж – оставшимися в живых участника-

ми эксперимента, их семьями, институтом в Таскиги и населением штата; реализовать этот компонент цели было несложно в силу (а) не-личностного характера предстоящего Из за Проступок *в целом* (Б. Клинтону не требовался вариант Из-самооправдания), (б) непричастности самого Б. Клинтона (даже в институциональном отношении) к Проступку *в частном*, экспериментном аспекте; (в) существенно меньшим для ликоугрозы признанием ответственности за задержку с Из, по сравнению с ответственностью за нанесение прямого Вреда – тем более, что Из не приносилось десятилетиями до Б. Клинтона;

(2) заставить президента принять меры по возмещению Вреда, вызванного Проступком; этот компонент цели также было несложно реализовать в силу предложений в Послании по компенсациям – хотя они могли быть приняты адресатом и не в полном объеме (чего, впрочем, не произошло).

Тем самым, сотрунический в целом характер цели, присущий совещательному жанру (в отличие от состязательного в судительном жанре), давал возможность президенту сохранить лицо, что изначально обуславливало успех Послания и кооперативности последующего Из. Вербальная реализация Послания отвечала охарактеризованной цели и включала доводы трех порядков: (а) социального-ориентированного (почему Из нужно); (б) полидейксисного (почему Из надо принести безотлагательно, перед кем именно и в какой обстановке); (в) институционального (по принципу ‘положение обязывает’).

Результирующий (в случае принесения Из) социолингвистический характер совещательности видится в ориентации на Послание в следующем: (1) референтный аспект не затронут (чтобы «не беречь раны»), семантизируется лишь общий Вред от Проступка, и не обязательно для Обж, а шире и со сдвигом – для репутации государственной власти; (2) налицо аспект уместности: Из может положительно охарактеризовать проницательность президента и его умение чувствовать ситуацию; (3) подразумевается задействова-

ние этического аспекта – авторитета, профессионализма и ответственности главы страны.

При этом в аспекте кооперативности выгодность ситуации для Б. Клинтона состояла в том, что Послание, по свидетельству О. Бойер, не было широко обнародовано [Boyer 2010: 103]. По-видимому, в названном отношении задумка авторов Послания, которые ориентировались на достижение своих политических целей, состояла, как уже сказано, в укреплении институционального этоса президента (что в качестве ответной меры должно было повлечь принятие предлагаемых мер): и меры по исправлению Вреда и Репарации, с которыми согласился президент, для многих выглядели инициативными, а не респонсивными, и создавали иллюзию самостоятельности принятия решений.

2.1.2.2. Роль и особенности респонсивного компонента

Респонсивный компонент (собственно Из) разбираемого дискурса, как и иницирующий, содержит признаки всех трех риторических жанров.

Признаки судительного жанра в Из. Для самой речи Б. Клинтона уровень задан не просто формальным Посланием и высокой значимостью события Из, но и приданием ему уже президентом большей воздействующей силы на основе намеренного сдвига в физических условиях коммуникативной ситуации и, соответственно, в жанре: речь произнесена в крайне формальной, но привычной Б. Клинтону обстановке – в Восточном зале Белого дома. Эта обстановка подчеркивала его институциональный статус и не отвечала соответствующему запросу в Послании о проведении встречи в Алабаме [Boyer 2010:3.3.1]. Это – фактор судительности, связанный с инициативностью ‘ответчика’.

Еще один фактор связан с типичным для оправдания / защиты (т.е. в компоненте Апология) инициативным использованием рефрейминга (см.: [Goffman 1974; Lakoff 2004]), когда Б. Клинтон основной акцент делает на проблеме расовой дисфункции (т. е. не только действия, но и общей атмо-

сферы), а не на проблеме бесчеловечности медицинского эксперимента (т. е. как раз действия). Если это так (а это подтверждают мнения исследователей – см.: [Harter et al. 2000: 29; Boyer 2010: 106]), то вина правительственных структур искусственно снижается, так как повлиять на *атмосферу* существенно сложнее, чем скорректировать *действия*.

В рамках защитного компонента Из Б. Клинтон предлагает: (1) грантовую поддержку в строительстве мемориала в память об эксперименте и создание исследовательского центра и музея по биоэтике на базе университета в Таскиги; (2) финансирование (федеральное, а не из смешанных, как рекомендовано в Послании, источников) научных исследований в центре с участием местного сообщества и пропаганду честных медицинских освидетельствований; (3) улучшение исследований по биоэтике путем создания учебных материалов для исследователей-медиков; (4) организацию для перспективных выпускников университета аспирантских программ (а не просто информационно-координационного центра) по пропаганде и обучению биоэтике населения, прежде всего, меньшинств; (5) расширение президентским указом полномочий национальной консультативной комиссии по биоэтике. Сравнение мер в категорийном и апологетическом компонентах дискурса говорит об эффективности первого: практически ни одно из предложений Комитета не осталось без внимания.

Обещанное же Б. Клинтонотом превышение мер по сравнению с изложенными в Послании выводит Из за узкие пределы Апологии – в совещательный жанр. Оно, как, видимо, и задумывалось в Послании, имеет этосную ориентацию, так как его действия связаны с имиджем социального института федеральной системы власти в целом (ср. упомянутую выше стратегию самопрезентации как одну из опор речи): (а) проявлением заботы о народе (улучшение медобслуживания); (б) ответственностью (Из за действия государства); (в) инициативностью (предложено больше мер, чем ожидалось); (г) обеспечением равных прав и возможностей (участие афроамериканцев в исследованиях, т. е. в достижении прогресса сообществом и, потому, страной в

целом). Одновременно предложенные меры связаны с имиджем институциональной личности: (д) действовать в духе предвыборных обещаний, т. е. честно (в речи не эксплицировано, но ориентировано на ценности аудитории); (е) мужества – взятие на себя ответственности за неблагоприятные действия других (предыдущих правительств); (ж) сострадания и заботы о ближнем.

Близость к совещательному жанру определяется характером респонсивного Из, вызванного тональностью исходного (в Послании) не обвинения-осуждения (как в судительном жанре), а, скорее, обвинения-предостережения, для которого характерны иные черты фатичности – стремление не к доминированию или разрыву отношений, а к возможности сотрудничества. Именно в ориентации на последнее видится диалогический аспект коммуникативной ситуации, и Апология, которой присущи защитительно-оправдательные признаки в ответ на требования Категорийной части [Boyer 2010], уступает место собственно Из как феномену кооперативному и социумно-стабилизирующему.

Изменившийся характер риторического жанра влечет изменения в возможностях, предоставляемых Обч. Поскольку Б. Клинтон выступает не как институциональный объект обвинения (Обч), а как лишь его представитель, он обладает возможностями снабдить Из дополнительными компонентами, позволяющими ему (и, видимо, обязывающие его) реализовывать свои политические задачи, заявленные задолго до данного риторического события – ‘открытость’ и ‘недопущение расовой дискриминации’.

Из как реакция на Послание не могло задумываться Б. Клинтонем как ответ на ликоугрожающее действие – последнего просто не было. Напротив, Послание, правильно расшифровано президентом не как претензия-Категория, а как кооперативный стимул, дающий ему возможность посредством Из исправить сложившийся негативный образ власти и представить ее как готовую к диалогу, самокритичную и ответственную.

Тем не менее, жанровая специфика Из не ограничивается парой ‘судительность + совещательность’. В рефрейминге есть еще один аспект, уже не связанный с судительным жанром – это колатерализация, когда президент приносит Из от лица не конкретного федерального агентства, а от правительства в целом (*Federal Government orchestrated a study so clearly racist*) и даже от всего американского народа (*...say on behalf of the American people; the American people are sorry ...*). Эта риторическая техника использована уже не для обороны, а отвечает признакам эпидейктической ораторики, т.е. церемониального жанра. К тому же, Из Б. Клинтона было произнесено к 25-летнему юбилею окончания эксперимента в Таскиги (см.: [Boyer 2010: 67]), что подтверждает его церемониальный характер. Таким образом, речь-Из Б. Клинтона содержит признаки трех риторических жанров при главенстве совещательного.

2.1.3. Дискурсивные характеристики речи и их анализ

2.1.3.1. Общие особенности речевоздействия

Рассматриваемая речь Б. Клинтона принадлежит к весьма частотному типу политических Из, при котором последнее приносится за реально совершенный Проступок, и Из строится в соответствии с определенными канонами. Тем не менее, при всей внешней конструктивности, такие Из имеют признаки речевого воздействия (далее – РВ) и манипулирования сознанием Адресата и иных коммуникантов. При этом подобный тип публичных выступлений (не ограничивающийся Из) следует отделять от того, что именуется ‘вздором’ (*humbug*) или ‘пустозвонством’ (*bullshit* – см.: [Frankfurt 1986]).

РВ в разбираемой разновидности жанра Из таково, что манипулирование на самом деле связано не с введением в заблуждение и не является целью речи. Для Говорящего важно оставить о себе благоприятное впечатление, и поэтому ‘введение в заблуждение’ в данном случае понимается в семиотическом плане не референтно, не как несоответствие излагаемого в речи и реального положения дел, а как намеренный сдвиг, связанный с планируемым

смещением внимания аудитории с семантического аспекта на прагматический. На передний план выдвигается оценивание вовсе не истинности и даже не полноты Проступка: здесь референтный фактор играет сравнительно незначительную роль, так как факт Проступка и его деталей обычно известны всем коммуникантам. Поскольку Из почти полностью перформативно, категория истинности меняется на категорию искренности, того, как аудитория восприняла Из (чистосердечно ли оно) и как оценила (а) этос – авторитетность и полномочия оратора, и (б) логос – качество (убедительность и «подачу») самого Из. Это самопрезентационный аспект Из, и именно он напрямую соседствует с собственно извинительным аспектом в речи Б. Клинтона.

Соответственно, иное ранжирование приобретают и коммуникативные установки, и поэтому в добавление к разделению не-акторных коммуникантов на Адресатов, Слушающих и Третьих лиц [Неустроева и др. 2018] можно в рамках последних говорить о прогнозируемых и непрогнозируемых.

Адресаты в Из предполагают собственно пострадавших от действий Обч и тех, кто входит в сферу ('self') Адресатов – членов семей, друзей и т.д.

Слушающими будут свидетели как самого Проступка, так и события Из; они не обязательно принадлежат сфере Адресата.

Третьи лица обычно не входят в сферу Адресата. Следует учесть, что сферы Говорящего и Адресата в Из не совпадают – во всяком случае, существует вероятность, что некоторые составляющие этих сфер могут быть даже кардинально противоположны. В таком противостоянии находятся лица, потенциально (и прогнозируемо) принимающие и не принимающие Из (в данном случае принятие Из рассматривается не только как умиротворяющий акт (для пары Говорящий :: Адресат), но и с точки зрения его уместности, своевременности, качества (для триады Говорящий :: Слушающие + Третьи лица)).

Представляется, что с учетом данного соображения понятие не-прямых участников общения должно быть уточнено с точки зрения того, о каких типах их реакций (и, соответственно, каких коммуникантах) идет речь: (а) о не-

принимающих Из, но сочувствующих Адресату («он, бедняга, пострадал, (а-1) и никакие извинения тут не уместны / (а-2) а принесенное ему извинение никуда не годится»); (б) о не-принимающих Из, но и не сочувствующих Адресату («пострадавший сам виноват, (б-1) но извинениями дела не поправить / (б-2) но такое извинение никуда не годится»); (в) о не-принимающих Из, но сочувствующих Говорящему («он поступил так под давлением обстоятельств, (в-1) но извинениями дела не поправить / (в-2) надо извиняться, но не так, как он это сделал»); (г) о не-принимающих Из, но и не сочувствующих Говорящему («он поступил гадко, (г-1) и никакие извинения тут не уместны / (г-2) а его извинение никуда не годится»).

Понятно, что Говорящий должен минимизировать влияние негативных пре-диспозиций (индекс ‘-2’, обозначающий конкретику Из, в отличие от общего суждения ‘-1’ в приведенных примерах) на принятие Из. Для этого может использоваться техника рефрейминга. Помещение Из в определенную концептную среду проистекает из самой конфликтогенной природы Из: деяние-Проступок, представляющее возможную выгоду для Обч, оборачивается ‘затратами’ (пусть даже отрицательно-оценочными) для Обж.

Тогда Из связывается со стремлением Говорящего ‘перформатировать’ позицию противной стороны (как непосредственных, так и опосредованных участников общения) – добиться повторного восприятия, поместить в нужный контекст и оценить ситуацию либо самого Проступка, либо непосредственно Из. Оценка Проступка связана с пересмотром степени виновности Обч: в политических Из обычно затрагиваются события давно минувших дней, и поэтому представитель Обч / Извиняющийся как бы стоит ‘над ситуацией’ – обида направлена не против него персонально, а против тех, кого зачастую уже нет, будь то конкретное официальное лицо или коллегиальный орган, а это увеличивает шансы на получении прощения – см.: [Lazare 2004]. В этом заключается перформативная черта политического Из – оно приносится полномочным лицом, институциональной языковой личностью.

В анализируемой речи Б. Клинтона рефрейминг в одном из своих аспектов связан с принципом устранения темпоральной изоляции прошлого [Boyer 2010: 3.3.6]. В этом случае создается своеобразная панхроническая супер-синтагма, континуум.

На наш взгляд, механизм рефрейминга у Б. Клинтона связан с когнитивными принципами создания как единства, так и различия (или с риторическими – соответственно, ассоциации и диссоциации (см. об этих макростратегиях как базовых риторико-аргументативных принципах: [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1959])). Поскольку прошлое подчеркнуто связывается с настоящим и будущим (ср. важность помнить прошлое для обеспечения будущего – “*(to) build a better present and future*”), участники действия из прошлого (ответственные за Проступок) помещаются в единый континуум с людьми из настоящего. Отсюда – Из даже не от имени теперешнего президента (как институциональной языковой личности), а от имени всего органа государственного управления (правительства) – ср. частотное использование артикля *the* и личных местоимений *your, their, our* в таксемах с *government* (9 случаев употребления)) и даже от всей нации (местоимение *we* употреблено в речи 34 раза).

Такой риторический механизм ассоциации используется в речевоздействующем плане для того, чтобы на ее основе провести диссоциацию (ведь разделить, по-видимому, можно только то, что существует совместно). При этом ассоциация проводится, очевидно, на основе некоторого представления, подсознательно существующего на уровне ценностей и потому не требующего отдельного решения на активацию (например, словосочетание *our country* употреблено Б. Клинтонем только однажды). Диссоциативная же цель, на наш взгляд, достаточно прозрачна – отделить свое правительство от предыдущих (по принципу строгой дизъюнкции): поскольку предыдущие виновны в Проступке (как собственно в действии, так и в не-принесении Из), т. е. аморальны, ибо допустили несправедливость (ср. в речи ниже: “*it is against everything our country stands for and what we must stand against is what it was*”),

нынешнее (приносящее Из) правительство, напротив, высокоморально, ибо исповедует принципы справедливости и заботится о здоровье нации.

2.1.3.2. Конститутивные и вспомогательные факторы

Перейдем теперь к рассмотрению речезыковой конкретики Из Б. Клинтона. Отличительной чертой этого Из (по-видимому, выполненного спичрайтером-профессионалом) является его весьма продуманный характер и, соответственно, высокий потенциал принятия аудиторией; последний манифестируется, в частности, реакцией аудитории (аплодисментами) на речь: аплодисменты – это влияние «горячей» среды телевидения, по М. Мак-Люэну [McLuhan 1964], когда аудитория «ведется» на внешний антураж выступления.

Текст речи (см. Приложение 2) взят из официального источника [Clinton 1997], а для удобства восприятия и отсылок мы добавляем нумерацию абзацев (в квадратных скобках) и разбиение их на вербализованные пропозиции и сирконстанты (обозначены буквами в круглых скобках).

Рассмотрение речевоздействующего потенциала речи здесь проводится с двух сторон – (1) конститутивных факторов Из и (2) вспомогательных дискурсивных факторов, которые нашли выражение в речи Б. Клинтона.

Факторы Из соотносятся с их существенными свойствами, но в различных Из количественное присутствие таких факторов может различаться.

Присутствие ситуативно-специфичных тактик не должно связываться напрямую с принципом их последовательно-блоковой манифестации: соответствующие высказывания могут появляться на разных участках текста, в результате чего образуется весьма затейливая структура последнего. Данный тезис нуждается в доказательстве, к которому мы сейчас и приступаем.

В интерпретации речи Б. Клинтона, проведенной Н. Романо [Romano 2012] на основе подхода [Lazare 2004] выделены компоненты, совокупность которых считается представляющим достаточное и эффективное Из – (1) Раскаяние (remorse), (2) Принятие ответственности (acceptance of

responsibility), (3) Признание Проступка (admission of injustice or transgression), (4) Признание нанесенного Вреда (acknowledgement of victim harm or suffering), (5) Обещание исправиться (forbearances), (6) Репарации (offers of repair).

Согласно Н. Романо [Romano 2012: 82–83], эти компоненты располагаются в простой линейной последовательности, маркированной нумерацией строк (приводятся в нотации Н. Романо, учитывающей произносительные особенности Б. Клинтона):

(1) Remorse:

092 Clinton: .hhh We can stOp turning our heads away. We can LOOK at you
093 Clinton: in the eye: and finally sa:y on behalf of the American
094 Clinton: people (.) what the United States government did was
095 Clinton: SHAMEful (0.2) and I:: (.) am: (.) SOrry.

(2) Acceptance of Responsibility:

097 Clinton: The American PEople (0.2) are sorry. .hhh for the loss?
098 Clinton: for the years of hurt. (0.2) You did NOthing wrong:: (0.2)
099 Clinton: but you were grievously: wro:nged.

(3) Admission of Injustice or Transgression:

082 Clinton: .hhhhh The United States government did something that was
083 Clinton: wrong:: (2.6) DEeply: proFOUndly: MORally: wROng.

(4) Acknowledgement of Victim's Harm or Suffering:

097 Clinton: The American PEople (0.2) are sorry. .hhh for the loss
098 Clinton: for the years of hurt. (0.2) You did NOthing wrong:: (0.2)
099 Clinton: but you were grievously: wro:nged.

(5) Forbearances (or Promises to Behave Better in the Future):

118 Clinton: segment of our nation has no tRUst in America. (0.2) An
119 Clinton: apology is the FIRst step. and we take it with a commitment
120 Clinton: to rebuild that broken trust. .hhh We can begIn by making
121 Clinton: SUre>there is never again another episode like this one.<
122 Clinton: .hhh>We need to do MOre to ensure that medical research

123 Clinton: *practices are sound and ethical, and that researchers work*

124 Clinton: *more closely with communities.* <

125 Clinton: *.hhh Today I would like to announce several steps (.) to*

126 Clinton: *help us achieve these goals. (0.4) First (.) we will HElp*

127 Clinton: *to build: that lasting memorial (.) at Tuskegee?*

128 Audience: *((Applause and Cheering)) (23.5)*

(6) Offers of Repair:

125 Clinton: *.hhh Today I would like to announce several steps (.) to*

126 Clinton: *help us achieve these goals. (0.4) First (.) we will HElp*

127 Clinton: *to build: that lasting memorial (.) at Tuskegee?*

Такое представление тактических блоков (стратегий, по Н. Романо) видится сомнительным, прежде всего, в силу его механистичности – неучета в нем парадигматических компонентов организации речи. «Стратегии» располагаются в этой интерпретации строго последовательно и без вкраплений из других абзацев. Это представление мы считаем ошибочным.

Приведем собственную интерпретацию расположения самих тактик Из и их манифестаций в речи Б. Клинтона.

В транскрипте речи в [Romano 2012] представлена поабзацная последовательность дискурса, и для удобства отслеживания результатов мы тоже используем нумерацию абзацев для приведенного выше транскрипта текста.

Сами компоненты (тактики) Из, трактуемого здесь как отдельная стратегия (в рамках макростратегии убеждения), наряду со вспомогательными стратегиями единения и самопрезентации (см. ниже) обозначены заглавными курсивными буквами, а их спецификация – простыми заглавными. Также для удобства восприятия мы помещаем соседствующие манифестации тактик на одной строке, а не-соседствующие – на разных.

(1) ПРИЗНАНИЕ ВРЕДА (ФАКТ) –
ПРИЧИНЫ, СТЕПЕНЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВРЕДА

Особенностью данного локуса можно считать широкую референцию речи – к пострадавшим как физически (прошлые действия), так и морально (последствия прошлых действий в настоящем).

[4]

(a) *The eight men who are survivors ...* (СТЕПЕНЬ);

[6]

... (c) *they were denied help*, (d) *and they were lied to by their government* (ПРИЧИНЫ);

(g) *Forty years, hundreds of men ...* (h) *wives and children, ...* (j) *community in Macon County, Alabama*, (k) *the City of Tuskegee*, (l) *the fine university ...* (l) *the larger African American community* (СТЕПЕНЬ);

[9]

(c) *you were grievously wronged* (СТЕПЕНЬ);

[12]

(a)... *has reached far and deep*, ... (b₁) *hurt our progress and (b₂) divide our nation* (СТЕПЕНЬ).

[14]

... (c) *sow distrust ...* (f) *abuses have been checked ...* (ПОСЛЕДСТВИЯ).

[15]

...(a) *little African American participation and African American organ donors are few*. (b₁) *This impedes efforts ...* (ПОСЛЕДСТВИЯ).

[19]]

... (a) *a challenge ...*

(e) *No ground is gained and, indeed*, (f) *much is lost if (g) we lose our moral bearings ...* (ПОСЛЕДСТВИЯ).

[20]

(a) *The people ... diminished the stature of man (b) by abandoning the most basic ethical precepts*. (СТЕПЕНЬ).

(c) *They forgot their pledge to heal and repair* (ПРИЧИНЫ).

(e)... *they did not < heal the survivors and all the others >*(ПРИЧИНЫ).

(2) РАСКАЯНИЕ

(ОЦЕНКА ФАКТА, СТЕПЕНИ И ПОСЛЕДСТВИЙ ВРЕДА)

[5]

...(g) *were betrayed* (ОЦЕНКА ФАКТА);

[6]

...(f) *their rights were trampled upon* (ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ);

[7]

...(a) *deeply, profoundly, morally wrong* (ОЦЕНКА СТЕПЕНИ);

...(b) *outrage to our commitment to integrity and equality* (ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ);

[8]

... (c) *the pain suffered*, ... (d) *the years of internal torment and anguish* (ОЦЕНКА СТЕПЕНИ);

...(i) *was shameful* (ОЦЕНКА ФАКТА);

[9]

...(a) *the loss*, ... *years of hurt*; ... (e) *apology ... so long in coming* (ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ);

[10]

...(b) *who have been wrongly associated with the events...* (ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ);

... (f) *a study so clearly racist* (ОЦЕНКА ФАКТА);

[11]

... (c₁) *how adrift we can become...* (ОЦЕНКА СТЕПЕНИ)

[12]

... (d) *a whole segment* (ОЦЕНКА СТЕПЕНИ) of our nation has *no trust* in America (ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ);

[20]

...(g) *only you have the power to forgive* (ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ)

(3) ПРИНЯТИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, СТЫД

[4]

... (a) *a time ... Americans would prefer not to remember;*

... (d) *nation failed to live up to its ideals, (e) broke the trust...;*

... (g) *remembering that shameful past;*

[5]

... (e) *they believed they had found hope when they were offered free medical care;*

[15]

...(h) *put the curse behind us.*

(4) РАЗЪЯСНЕНИЕ

(А) ПРОСТУПКА, (Б) РЕПАРАЦИЙ

[4]

(А) ... (d) *nation failed to live up to its ideals, ... (e) nation broke the trust with our people;*

(Б) ... (j) *without remembering it, (k) we cannot make amends and we cannot go forward.*

[20]

(Б)... (f) *apologize.*

(5) ОБЕЩАНИЕ НЕПОВТОРЕНИЯ ПРОСТУПКА ВПРЕДЬ

[10]

...(g) *never ... happen again. ...*

[12]

...(g) *making sure there is never again another episode like this one.*

(6) РЕПАРАЦИИ

(ИСПРАВЛЕНИЕ ВРЕДА, КОМПЕНСАЦИИ)

Принцип Репараций соотносится с компонентом Решение из модельной диады Проблема – Решение [Неустроева и др. 2018].

[4]

...(k) *we can make amends and repair our nation*

[5]

... (a) America does remember

(c) We remember them

[8]

...(f) end the silence....(g) stop turning our heads away. ... (h) look at you in the eye ...

[11]

... (a) to hold forever in our hearts and minds the memory ...

... (d) And let us resolve here and now to move forward together

[12]

...(f) commitment to rebuild that broken trust;

... (i) ensure that medical research practices are sound and ethical, and that (j) researchers work more closely with communities;

[13]

... (b) we will help to build that lasting memorial at Tuskegee;

... (e) will award a planning grant ... (f) the school can pursue establishing a center for bioethics in research and health care. (g₁) The center will serve as a museum of the study ... (g₂) support efforts to address its legacy ... (g₃) strengthen bioethics training.

[14]

...(a) to increase our community involvement ...

[15]

...(d) we can best involve communities, (e) especially minority communities, in research and health care;

... (g) every American group must be involved in medical research in ways that are positive;

... (i) now we must bring the benefits to all Americans;

[16]

...(a) we commit to strengthen researchers' training in bioethics. ...

... (b₁) working on making breakthroughs in protecting the health of our people and in (b₂) vanquishing diseases.

...(c) people must be assured that their rights and dignity will be respected;

... (d) work in partnership with higher education to prepare training materials for medical researchers;

... (f₁) build on core ethical principles of respect; ... (f₂) to use these principles effectively...;

[17]

... (a) to increase and broaden our understanding of ethical issues and clinical research;

... (b) providing postgraduate fellowships;

... (c) will offer these fellowships;

[18]

...(a) extending the charter of the National Bioethics Advisory Commission ...;

...(c) to call on the thoughtful, collective wisdom of experts and community representatives;

...(d) to further strengthen our protections ...

(7)ПОХВАЛА СУЩЕСТВУЮЩЕМУ УПРАВЛЕНИЮ

[1]

(b) *I would like to recognize the other survivors who are here today and their families;*

[3]

(b) *The White House is the people's house; (c) we are glad to have all of you here today;*

[4]

... (c) *but we dare not forget...* (g) *It is not only in remembering that shameful past that we can make amends and repair our nation, (h) but it is in remembering that past (i) that we can build a better present and a better future;*

[5]

(a) *So today America does remember the hundreds of men ... (c) We remember them and their family members;*

[8]

(f) *But we can end the silence. (g) We can stop turning our heads away. (h) We can look at you in the eye and finally say on behalf of the American people;*

[10]

(g) *That can never be allowed to happen again;*

[12]

(f) *we take it with a commitment to rebuild that broken trust;*

[14]

(a) *Second, we commit to increase our community involvement (b) so that we may begin restoring lost trust;*

[15]

(h) *We have put the curse behind us; (i) now we must bring the benefits to all Americans;*

[16]

(b₁) *We are constantly working on making breakthroughs in protecting the health of our people and (b₂) in vanquishing diseases;*

[17]

(a) *Fourth, to increase and broaden our understanding of ethical issues and clinical research, (b) we commit to providing postgraduate fellowships to train bioethicists especially among African Americans and other minority groups. (c) HHS will offer these fellowships beginning in September of 1998 to promising students enrolled in bioethics graduate programs;*

[18]

...(a) *finally, by executive order I am also today extending the charter of the National Bioethics Advisory Commission to October of 1999. (b) The need for this commission is clear;*

[19]

(c) *But with these changes we must work harder* (d) *to see that as we advance we don't leave behind our conscience.*

В этом нашем представлении используемые тактики Из отличаются от выделенных Н. Романо по семантике (например, осознание страданий (Acknowledgement of Victim's Suffering) помещено нами в Признание Вреда – причины и последствия). Добавлена также дополнительная тактика, установки которой (как и прочих) оговаривались в соответствующем методологическом разделе предыдущей главы. Однако более важно другое.

Даже беглый взгляд на нашу интерпретацию позволяет сказать, что последовательность тактик не осуществляется в строго линейном порядке (за исключением тактики Репарации). В одном абзаце могут размещаться элементы разных тактик (в абзацах (4), (5), (6), (7), (8), (9), (10), (12), (14), (15), (20)).

При этом говорить о хаотичном расположении манифестаций было бы неверно: во всех тактиках непрерывная цепочка абзацев сопровождается высказываниями из не-смежных абзацев, создавая своеобразную «паутину» репрезентации, которая, правда, неодинакова для разных тактик. Фактически, имеет место явление неравномерной представленности тактик.

Так, тактика с наибольшей связностью – это Обещание Неповторения Проступка впредь (размещение в соседних абзацах); тактика с наименьшей связностью – Разъяснение.

Схематически тактическую картину связности для данной речи можно представить в порядке убывания степени связности (отсутствие когерирующих элементов с последующим возобновлением их встречаемости назовем 'пульсированием пауз связности', а размещение пульсации оценивается не относительно когерирующих элементов-абзацев, а относительно всех абзацев текста, отсюда термины *инициальное*, *срединное*, *финальное* – по расположению в тексте) так:

Тактика Обещания неповторения Проступка впредь:

10 _ 12 (срединное однократное однокомпонентное пульсирование).

Тактика Репарации:

4, 5 _ _ 8_10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 (двух+однокомпонентное пульсирование, инициальное со срединно-финальным сохранением связности).

Тактика Раскаяния:

5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12_ _ _ _ _ 20 (срединно-финальное семикомпонентное пульсирование с начально-срединным сохранением связности).

Тактика Признания вреда:

4 _ 6 _ _ 9 _ _ 12 _ 14,15 _ _ _ 19, 20 (малокомпонентное множественное/неоднократное тотальное пульсирование).

Тактика Принятия ответственности, Стыда:

4, 5 _ _ _ _ _ _ 15 (восьмикомпонентное срединное пульсирование).

Тактика Разъяснения:

4 _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ 20 (многокомпонентное единичное/однократное тотальное пульсирование).

Тактика Похвалы существующему управлению:

1 _ 3, 4, 5 _ _ 8 _ 10 _ 12 _ 14, 15, 16, 17, 18, 19 (малокомпонентное множественное/неоднократное начально-серединное пульсирование с сохранением срединно-финальной связности).

Такое (возможно, несколько механистическое) представление картины связности может, тем не менее, позволить объективно оценить особенности организации (а следовательно, и содержания) текстов Из, которые, возможно, будут казаться очень похожими.

Оценку стратегии Из, тактики которой мы только что рассмотрели, можно дополнить анализом иных присутствующих в речи стратегий и тактик. Целесообразность этого видится в том, что Из появляется не «с потолка», а находит свое место внутри речи, которая в целом представляет собой речевоздействующий комплекс, несомненно задуманный как способствующий принятию Из. Иными словами, речь здесь идет о холистичной трактовке речи-Из, а она предполагает внимание к вспомогательным факторам, если

они направлены на достижение макростратегической цели (в данном случае – принятия Из (но не обязательно получения собственно прощения – поскольку официальный институциональный дискурс в общем случае не нацелен на это)). Холистичность представления речи, таким образом, здесь рассматривается в ограниченном ракурсе, связанном с преимущественно прагмалингвистическими задачами анализа.

Далее излагаются вспомогательные стратегии и тактики, не имеющие прямой извинительной многофакторной семантики, которая уже рассмотрена выше. Последовательность рассмотрения – прежняя, в соответствии с линейным развертыванием речи: показаны пропозиции и сирконстанты (в их буквенном представлении, соответствующем тому, что представлено в транскрипте речи), реализующие конкретные тактики.

СТРАТЕГИЯ ЕДИНЕНИЯ.

[1]

тактика похвалы (мужеству): (a) + (b); (f);

тактика подчеркивания ценностей семьи: (b);

тактика шуток: (h);

тактика коррекции (недосмотра): (j);

тактика благодарения: (j).

[2]

тактика подчеркивания ценностей семьи: (a) + (b) + (d) + (f);

тактика благодарения: (j).

[3]

тактика социумной конгломерации (населения): (a) + (d);

тактика обращения к авторитету: (b) + (e) + (f);

тактика благодарения: (e) + (g).

СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ (мудрости правительства)

[4]

тактика обращения к авторитету: (a);

тактика оценки: (a) + (b);

тактика (само)похвалы: (c) + (j);

тактика противопоставления (Проблема – Решение): (g) + (i) + (k)

тактика экспликации (условий успеха): ((h) + (i); (j =h) + (k).

[5]

тактика ответственности: (a) + (b) + (c);

тактика обращения к жалости (ad misericordiam): (d) + (e) + (f);

тактика семантического сдвига (вины): (f);

тактика честности: (g);

[6] <в дополнение к тактике Раскаяния из Из>

тактика честности: (a) + (b) + (c); (d) + (e) + (f); (g) + (h) + (i) + (j); (k) + (l).

...

[8] <в дополнение к тактике Раскаяния из Из>

тактика социумной конгломерации: (a).

[9] <в дополнение к тактикам Признания Вреда и Раскаяния из Из>

тактика честности: (b) + (c).

[10] <в дополнение к тактикам Раскаяния и Разъяснения из Из>

тактика экспликации (бенефицианта Из): (a) + (b) + (c); (d) + (e);

тактика приверженности общим ценностям: (h) + (i).

[11] <в дополнение к тактикам Репараций из Из>

тактика ответственности: (a);

тактика экспликации (причин Проступка): (c₂, c₃, c₄);

тактика социумной конгломерации: (d).

... ..

[19] <в дополнение к тактикам Признания Вреда из Из>

тактика экспликации (изменений): (a) + (b);

тактика призыва: (c) + (d);

тактика угрозы: (e).

[20] <в дополнение к тактикам Признания Вреда, Раскаяния и Разъяснения из Из>

тактика похвалы: (h) + (i) + (j) + (k).

Как видно из результатов анализа, вспомогательные средства РВ представлены в речи в вариантах стратегий Единения и Самопрезентации с приматом второй: Единение так или иначе «работает» на Самопрезентацию.

Количественная представленность тактик в речи такова: тактики экспликации (4 случая); благодарения (3); социумной конгломерации (3); честности (3); обращения к авторитету (2); ответственности (2); ценностей семьи (2); коррекции (1); обращения к жалости (1); оценки (1); приверженности общим ценностям (1); призыва (1); противопоставления (1); семантического сдвига (1); угрозы (1); шутки (1).

Картина встречаемости тактик по абзацам текста (с пульсированием пауз связности и без учета однократных тактик) выглядит так:

экспликации: (_ _ _) [4] _ _ _ _ _ [10] [11] _ _ _ _ _ [19] () (многокомпонентное двукратное тотальное пульсирование);

благодарения: [1] [2] [3] (_ _ _ _ _) (начальная трехкомпонентная связность без пульсирования);

социумной конгломерации: (_ _) [3] _ _ _ _ [8] _ [10] (_ _ _ _ _) (много-одно-компонентное двукратное начально-серединое пульсирование);

честности: (_ _ _ _) [5] [6] _ _ [9] (_ _ _ _ _) (серединое однократное двухкомпонентное пульсирование);

обращения к авторитету (_ _) [3] [4] (_ _ _ _ _) (начальная двухкомпонентная связность без пульсирования);

ценности семьи: [1] [2] (_ _ _ _ _) (начальная двухкомпонентная связность без пульсирования).

В риторическом отношении оценка потенциальной эффективности принесенного Из и, возможно, построения речи вообще может осуществляться в опоре на Принцип ассоциации / диссоциации с выделением, например, преимущественно ассоциативных, умеренно-ассоциативных, умеренно-диссоциативных и преимущественно-диссоциативных тактик. В таком осмыслении Принцип ассоциации / диссоциации не связан напрямую,

например, с аргументацией (в отличие от подхода [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1959]) и предстает в качестве организующего фактора дискурса в целом.

Как можно видеть из содержания речи, в стратегическом отношении Принцип ассоциации используется президентом в ориентации на поддержку со стороны аудитории и единения с ней в силу ориентации на ее инструментальные и терминальные ценности: честность и открытость; эмпатию; равенство; патернализм социума (обращение к выжившим как к имеющим право на прощение); ориентацию на (положительное) будущее; допустимость неопределенности (возможность не-мгновенного реагирования на событие с поиском наилучших альтернатив); индивидуализм (возможность преодоления трудностей при наличии (президентской) воли.

Принцип ассоциации в социопрагматическом плане отвечает существу Из в том смысле, что предоставляет возможность единения разобщенных конфликтующих сторон: правительства США и широкой общественности, прежде всего, афро-американской.

Принцип диссоциации также реализуется в качестве компонента единого диадного ассоциативно-диссоциативного риторического комплекса; он:

- используется в отношении не себя, а других (противопоставление своей и предыдущих (неэффективных, допустивших инцидент) администраций);
- ориентирован на улучшение подпорченной репутации / имиджа института в Таскиги (т. е. изменение с отрицательного вектора на положительный как одна из реализаций принципа различия, лежащего в основе диссоциации);
- выражается в имплицитном разделении врачей-экспериментаторов из округа Мейкон и пострадавших из этого же округа;
- реализуется в варьировании собственных коммуникативных установок (ориентация то на непосредственных участников коммуникативной ситуации, то на третьих лиц);
- нацелен на реализацию изменения отношения аудитории к Проступку – движение от конкретных пагубных последствий эксперимента (в т. ч. не-

упоминание ряда их аспектов) к более благоприятным, но менее конкретным, т. е. общим (поскольку предлагаются будущие действия, которые пока что не могут быть оценены с точки зрения их результативности)) (см. схожие выводы, но с несколько иными акцентами и вне применения ассоциативно-диссоциативной парадигмы: [Boyer 2010: 97–99]).

Само Из отвечает Принципу диссоциации и в том отношении, что в нем манифестированно противопоставляется ‘Зло’ (Проступок) и ‘Добро’ (Раскаяние).

2.2. АНАЛИЗ ИЗВИНЕНИЯ С ЭЛЕМЕНТАМИ ПОКАЯНИЯ

Предлагаемая для оценки результатов анализа речь представляет собою преимущественно конвинсивно-персуазивный дискурс монологического характера, выстроенный в основном в рамках церемониального жанра.

2.2.1. Коммуникативная ситуация

Речь-Из была произнесена 8 сентября 2000 г. по поводу 175-й годовщины образования Бюро по проблемам индейцев (далее – БПИ). Само БПИ бесперебойно функционировало со времени его утверждения в 1824 г. Конгрессом США. Теоретически, миссия БПИ состояла в содействии американским индейцам и жителям Аляски; практически же БПИ выполняло функции прямо противоположные и служило органом угнетения, насильственного переселения и ассимиляции индейцев.

Наиболее яркими нарушениями прав индейцев, упомянутыми в речи, были события: (а) 1868 г. в Сэнд Крик (The Sand Creek Massacre – солдатами федеральных войск под командованием полковника Дж. Чивингтона, внештатного проповедника методистской церкви (!) уничтожено 450 индейцев племен арапахо и чейенны); (б) 1868 г. у реки Уошита (The Washita Massacre – подразделение федералов под руководством Дж. Кастера уничтожило мирных жителей в селении, которому ранее была гарантирована неприкосновенность); (в) 1890 г. в Вундид Ни (The Wounded Knee Massacre – когда БПИ попыталось подавить популярную религию «Пляска духов», которая пропове-

довала идею фундаментальной трансформации общества и возрождения индейского этноса – уничтожено 350 индейцев племени (м)иниконжу (народность сиу (Sioux))).

Речь-Из задумывалась как обращение-покаяние властей к пострадавшим и была произнесена в год нового тысячелетия, что подчеркивает ее церемониально-символический смысл, превращая официальное / формальное Из в содержательно-знаковое с выраженной ориентационной прагматической составляющей единения социума. Белый дом был оповещен о содержании речи председателя БПИ: в зале присутствовал представитель правительства. Присутствие последнего и знание остальной аудитории о том, что высшее руководство страны в курсе происходящего, придает событию авторитетность. Но отсутствие реакции чиновника говорило о дистанцировании госдепартамента от действий оратора, и данная речь представляет позицию лишь части американской администрации.

Оратором был У.К. Говер, руководитель БПИ, этнический индеец пауни (Pawnee, Oklahoma), известный как «кабинетный воин» (briefcase warrior – [Russell 2000]), сражавшийся за права индейцев. Правительство отказалось принести официальное Из индейцам, хотя сделала подобное в 1993 г. в отношении жителей Аляски – проблема заключалась, видимо, в опасениях создания повода для вчинения пострадавшими правительству судебного иска по репарациям.

В данном Из есть специфика, заключающаяся в симбиотическом характере автора Из. Дело в том, что он, с одной стороны, выступает как обладающий делегированной ответственностью извиняющийся, но не как Обч. С другой стороны, он является представителем Обж – в силу своего этнического происхождения. Этот момент увеличивает этос оратора: он складывается из полномочий извиняющегося и из его принадлежности к пострадавшим.

Речь К. Говера была адресована не столько прямым участникам (присутствовавшим), сколько третьим лицам – индейским вождям и индейскому населению США в целом, а также госдепартаменту США.

В целевом отношении речь расценивается в качестве максимально возможного варианта официального Из перед индейскими племенами: хотя БПИ являлось федеральной структурой, но со стороны высших органов государственного управления присоединения к Из, не говоря уже о Репарациях, не последовало, вероятность чего заранее осознавалось К. Говером.

2.2.2. К характеристике речевоздействующих средств

Рассмотрение риторической вербальной манифестации мы проводим с трех позиций.

Во-первых, это структурно-содержательный план, предусматривающий конкретику тематических аспектов; этот план соотносится с понятием макро- и микроструктур дискурса. Макроструктура вслед за Т.А. ван Дейком [1983] понимается как результат действия процессов обеспечения глобальной связности дискурса, как семантическое содержание суперструктурных схем; при этом важно то, что установление макроструктур когнитивно обусловлено и подчинено позиции исследователя: «каждый пользователь языка приписывает дискурсу свою макроструктуру» [Дейк 1983: 45]. Это означает, что приводимая ниже картина макроструктуры речи остается «в зоне ответственности» автора настоящей диссертации. Возможный вопрос о степени эвристичности такой макроструктуры, т. е. том, должна ли она (и в какой мере) соответствовать той, которую применяет сам автор речи, видимо, не имеет ответа, поскольку автор текста – не лингвист, и он не подходил осознанно к проектированию макроструктуры, что является исследовательской процедурой.

Микроструктурная картина текста представлена в анализе с точки зрения семантически значимых комплексов (они обозначены латинскими строчными буквами, а нумерация абзацев – цифрами в квадратных скобках) и не связана с вербализацией только пропозиций – значимыми могут быть сирконстантные и иные элементы, рассматриваемые отдельно от пропозиций.

Во-вторых, это конвинсивный план. Методика применения структурно-организационных аргументативных (т. е. предусматривающих наличие

возможного сомнения в Тезисах в связи с критичностью настроения аудитории) процедур анализа будет продемонстрирована при разборе Из-самооправдания. В речи К. Говера конвинсивность касается условий иного плана – ситуации благорасположенности аудитории, предусматривающей возможность рационального обоснования, не связанного с предубежденностью / сомнениями в доказываемых положениях, т. е. когда обоснование обеспечивает не только логос (непротиворечивость и последовательность доказывания), но и этос (знание того, как это делать).

Специфика конвинсивности речах такого типа может быть изучена с помощью периодного анализа, поскольку периоды представляют собой блоки на уровне текста, в которых представлены те или иные семантические связи, в том числе, рационального (обосновывающего) плана, но не предусматривающего настроения на состязательность и защиту доказываемых положений. При таком анализе рассматриваются организационно-семантические внутри-текстовые отношения, некоторые из которых составляют экспликативный аспект семантики (см. периоды (А), (Б), (В) ниже), а иные – преимущественно экспозитивно-дескрипторный (периоды (Г) и (Д)), хотя четкие грани между этими двумя группами установить не всегда возможно.

В-третьих, это персуазивный языковой план. Персуазивность традиционно связывается со стилистикой (см. о различии конвинсивности и персуазивности: [Сухарева 2009]). Следуя зарубежной научной традиции, мы рассматриваем стилистику в качестве одного из ветвлений риторики, связанного с собственно ораторикой / красноречием (канонем 'elocutio') и не имеющего прямого отношения к логосным компонентам дискурса; иными словами, мы с пониманием относимся к традиционной позиции, согласно которой стилистика, по сути, и есть риторика в ее сначала средневековой, затем перекочевавшей и в современность трактовке (см.: [Kennedy 1980]). При этом мы не принимаем такой редуционистский подход и считаем риторику в первую очередь научной дисциплиной (включающей, например, аргументацию), а уж потом – средством ораторики в квинтиллиановом смысле.

Добавим, что персуазивность не связана в данной речи с нечестными приемами, поскольку: (а) автору нет необходимости оправдывать свою причастность к Проступку, что вызывало бы потребность в рациональных средствах убеждения; (б) аудитория здесь настроена позитивно, поэтому пафосная положительная составляющая речи вполне уместна; (в) сама цель убеждения уступает место цели укрепления социумного единения.

2.2.2.1. Структурно-содержательный анализ

Каждая макроструктура в своем составе имеет микроструктуры, которые трактуются здесь как вербализованные пропозиции, к которым примыкают сирконстанты. Имеется в виду, что внутривопозиционный анализ, например, по предикатно-актантной методике, в данном случае (как и в анализе других речей в настоящей диссертации) не применяется, а пропозиции рассматриваются нерасчлененно, по методу сентенциональной логики – как компоненты более высоких по иерархии структур: именно поэтому становится возможным брать не глубинно-семантическое представление пропозиций, а их полно-вербализованный (поверхностно-структурный) вариант.

Речь К. Говера (см. Приложение 3) взята здесь в ее официальном транскриптном варианте [Gover 2000] с проведенной нами далее нумерацией абзацев-микроструктур первого порядка (римские цифры в квадратных скобках) и разбиением на микроструктуры второго порядка – вербализованные пропозиции (строчные латинские буквы в каждом абзаце).

Макропропозиции речи (по абзацам)

- (1) История создания и цели БПИ.
- (2) Причины обращения к теме: на перепутье тысячелетий.
- (3) Аспекты Вреда, нанесенного БПИ: не-противостояние правительству в насильственном переселении индейцев.
- (4) Аспекты Вреда: бездеятельность БПИ, не предотвратившего Вред (болезни, алкогольная зависимость, убийства) в трех регионах страны.
- (5) Аспекты Вреда: уничтожение индейской культуры.

- (6) Конкретизация Вреда (5): язык, религия, госуправление, дети – и результат такого уничтожения.
- (7) Подытог – виновность БПИ.
- (8) Идентификация субъекта Из и Обч.
- (9) Вербализация Раскаяния и субъекта Раскаяния.
- (10) Транзитивность Вины (нынешнее руководство БПИ).
- (11) Обещание неповторения Проступка (7 его аспектов).
- (12) Результаты Из.

Макроструктура текста содержит 12 макропропозиций – по числу абзацев, каждый из которых носит относительно законченный тематический характер. Распределение семантически значимых компонентов (пропозиций и сирконстантов) по текстовым абзацам количественно неравномерно: абзац [1] содержит 6 компонентов; абзац [2] – 11; абзац [3] – 10; абзац [4] – 15; абзац [5] – 3; абзац [6] – 16 (некоторые – составные); абзац [7] – 6 (некоторые – составные); абзац [8] – 5; абзац [9] – 7; абзац [10] – 5; абзац [11] – 12 (некоторые – составные); абзац [12] – 14 (некоторые – составные).

Такое количественное разнообразие связано с конкретной макропропозициональной семантикой и, видимо, с ощущением автора в необходимости и степени развернутости экспликаций. Сам анализ семантики микропропозиций представляется нам малосущественным для определения дискурсивных особенностей речи в целом. Более интересным видится функциональный анализ, выполненный с точки зрения параметров конвинсивности и персуазивности.

2.2.2.2. Конвинсивный анализ по риторическим периодам

Нижеследующий анализ базируется на концепции периодов, предложенной еще Аристотелем относительно звучащей речи. Поскольку анализируемые в настоящей диссертации речи взяты в их графическом варианте, составляющие структуры и семантики риторических периодов используются применительно лишь к этому аспекту. Изложение проблемы периодов было

достаточно компактно предложено О.В. Петровым [2001]. Это изложение берется далее как ориентир, т. е. для пояснений мы используем как авторские, так и собственные рассуждения, а на расхождения с позицией О.В. Петрова указываем отдельно.

Важным моментом в аристотелевой трактовке периодов, позволяющим экстраполировать ее на графическую ипостась дискурса, представляется опора на содержание: фонетическая форма используется именно с этой целью. Далее, риторические периоды не мыслились Аристотелем как каноны универсального плана, т. е. их использование обуславливалось спецификой конкретной речи – ее целью и тематикой. Поэтому логично предположить, что речи-Из в их периодном РВ-представлении будут иметь иные характеристики, чем, например, речи чисто развлекательного порядка.

В целом, предполагается, что, поскольку любая исследовательская методика может дать результаты, недостижимые в иных методиках, периодный анализ может обеспечить свою долю новизны в изучении публичного Из.

2.2.2.2.1. Содержательные параметры периодов

Периоды в их не-фонационном аспекте можно классифицировать по семантическому признаку. У О.В. Петрова выделяются следующие семантические типы периодов: (А) для передачи причинной обусловленности; (Б) описывающие сравниваемые феномены; (В) характеризующие родо-видовые отношения; (Г) для передачи временной последовательности [Петров 2001: 58]. К этим типам мы добавляем (Д) для описания локальных характеристик.

(А) Причинный тип. Он подразделяется на 4 подтипа – Каузальный (у О.В. Петрова – «причинный»), но он совпадает по наименованию с наименованием типа, поэтому – в силу недопущения классификационной ошибки отождествления объектов разного уровня абстракции – мы предлагаем замену), Условный, Уступительный (ср. понятия *Rebuttal* [Toulmin 1958] и *Reservation* [Craib 1976]) и (добавляем) Корреляционный (для придания таксономии большей полноты).

Каузальный характеризует наличие референциально прозрачных, деонтически представимых причинно-следственных отношений между явлениями: это умозаключение, логический период.

Условный (также логический) связан с гипотетической модальностью (ср. стандартную модель условного силлогизма: $p \rightarrow q$; p ; следовательно, q).

Уступительный предполагает упоминание факторов, которые могли бы помешать реализации действия; О.В. Петров помещает его в пограничную область между логическим и ораторским периодами; для придания классификационной системе большей строгости (в данной диссертации мы не используем принципы латентной вероятности, прототипичности и т.п.) мы относим его к неформально-логическим (в духе ориентации концепции аргументных функций С. Тулмина, Р. Крейбла и др.), а ораторский ракурс оставляем за позволительным периодом (см. ниже).

Корреляционный связан с характеристикой причинных отношений исключительно вероятностного типа (например, недоказуемость истинности в случаях типа *post hoc, ergo propter hoc*).

(Б) Сопоставительный тип (у О.В. Петрова 'сравнительный', но он совпадает по наименованию с одним из подтипов). Он разбивается на 4 подтипа – сравнительный, противоположительный, позволительный и определительный.

Сравнительный предполагает операцию объяснения специфики предмета речи путем приписывания ему «свойств, взятых от сходных черт другого предмета» [Петров 2001: 59]. Основная мысль не вербализована, но может быть выведена логически, например, из предиката суждения; используется эксплицитная аналогия, ср. аналогию свойств (*А имеет признаки P, Q, R; В имеет признаки P, Q, R. Следовательно, А эквивалентно В*) или аналогию отношений (*xR_1y – между предметами x, y имеется связь R_1 , которой присущи признаки X, Y, Z ; tR_2n – между предметами t, n имеется связь R_2 , которой присущи признаки X, Y, Z ; следовательно, x и y эквивалентны t и n*).

Противоположительный применяется там, где имеется сопоставление, не предусматривающее логического умозаключения (т. е. это ‘ораторский’ период), и выражается оно с помощью характерных конструкций (*тогда как; насколько ..., настолько; чем ..., тем; по мере того, как ...* и т. п.).

Позволительный имеет значение уступки (это ‘ораторский’ период) и вербализуется как *хотя ..., пусть ..., однако, несмотря на то, что...*

Определительный предполагает помещение денотатных и сигнификативных признаков в одну часть, а характеристику и оценку – в другую; вербализуется с помощью конструкций типа *тот, кто ..., тот ...* Это ораторский период, выстраивающийся по троичной (2 экземпликативных признака + 1 экспликативный) или четвертичной (3 + 1 – рекомендуемой Цицероном) схеме.

(В) Родо-видовой тип включает два периодных подтипа – соединительный и разделительный.

Соединительный – это характеристика родового феномена на основе его видовых компонентов. Согласно О.В. Петрову [2001:60], это основанный на методе простой индукции логический период – если он содержит умозаключение, а если нет – то период ораторский. Здесь следует уточнить терминологию: под умозаключением автор подразумевает ‘вывод’ (а не, например, ‘аргумент’ как совокупность доводов и вывода), так что описываемое различие проходит по линии ‘эксплицитное/имплицитное’, и тогда энтимема как неполносоставный аргумент (без вывода) попадает в разряд ‘ораторский период’.

На наш взгляд, характеристики соединительного подтипа необходимо дополнить еще одним соображением. Этот период может быть представлен как ораторский и вне зависимости от наличия эксплицитного вывода – если речь идет не о хаотичной последовательности подачи видовых компонентов, а об амплификационной последовательности – по нарастанию существенности признака (разновидности ‘риторического крещендо’ – градации-усиления), в которой важно соблюдение принципа одновекторности. В одно-

векторной цепочке все компоненты должны быть однонаправлены. При этом род, видимо, может быть представлен как денотативно (как единый феномен), так и десигнативно (как набор феноменальных признаков).

Разделительный подтип предусматривает представление рода как совокупности признаков, не подразумевающих друг друга; согласно О.В. Петрову [2001: 50–52], обычно это весьма общие понятия типа *свободы, культуры* и т.п. Идентификация такого периода как логического или ораторского зависит от соблюдения правил логического деления понятия: нахождение и формулировка родового понятия; точность и предельность / безостаточность операции деления понятия; применимость к результату деления критерия истинности / ложности. При положительных маркерах названных заданий мы получаем логический период, при отрицательных или неопределенных – ораторский. Для логического разделительного периода пригодна схема разделительного силлогизма (*p или q; q; следовательно, не-p*). Для ораторского периода характерно отсутствие экспликации родового понятия (в примере обозначено вычеркиванием) при назывании видовых (*Что было бы лучше ~~в пределах~~ С – А или В?*). Также более близки к ораторскому периоду случаи нестрогой дизъюнкции, когда несколько вариантов деления допустимы одновременно.

(Г) Временной периодный тип включает 3 периодных подтипа – темпоральный (у О.В. Петрова – «временной»), одновременной (у О.В. Петрова несколько неточно – «последовательный») и последовательный (у О.В. Петрова – «постепенный»).

В темпоральном выражается простое следование событий по принципу ‘ранее – позднее’ с вербализацией типа *когда..., тогда*. Если закономерной связи между событиями установить нельзя, перед нами ораторский период.

В равновременном события, согласно О.В. Петрову, трактуются как происходящие одновременно (с задействованием лексических маркеров *когда, пока* и т. п. или в грамматическом плане с использованием одинакового

глагольного времени: *каждый раз, когда...; в тех случаях, когда ...; в те дни, когда ...* и т. п.).

В последовательном подтипе, согласно О.В. Петрову, события делятся на части и описываются одно за другим (*сначала..., затем..., наконец...*); может использоваться координативная структура (когда имеет место прямая последовательность) или не-координативная (когда части напрямую соединяются с главным предложением, которое формулируется как итог).

(Д) Локалистический тип. В нем события могут приобретать двоякую трактовку.

Параллельный периодный подтип задает изложение события как проходящего в разных местах (ср.: *В Азии принято ... В Австралии же ...* и т. п.).

Концентрический подтип располагает события в гиперогипонимическом виде (ср.: *В России обычно ... Но в некоторых регионах Сибири ...*). Это напоминает родо-видовой периодный тип, однако повествование ведется относительно не сущности события, а его локализации.

Таковы основные сущностные характеристики периодов. В отношении размера периода условимся принять следующее. Согласно классическому канону Цицерона, период целесообразно наполнять четырьмя компонентами: (3) + (1), где первый элемент означает количество (интонационных и) тематических единиц, задающих совокупность оснований (это ‘повышение’), а второй – подобие заключения (это ‘понижение’); названные части в нотации настоящей работы разделяются сплошным тройным тире.

В современных (не-латиноязычных) речах этот количественный канон не обязательно соблюдается, хотя период не теряет своей идентичности. Однако количественный параметр остается существенным в том смысле, что соблюдается дихотомическое правило ‘более одного элемента :: один элемент’. Условимся трактовать такие структуры как номинальный период. Если же в обеспечивающей части (основании) содержится лишь одна тематическая единица, весь комплекс (‘один :: один’) будет минимальным периодом, или микро-периодом. В предлагаемом ниже периодном анализе мы (по сооб-

ражениям места) не эксплицируем названную структурную минимальность и номинальность, поскольку, как представляется, эти два аспекта вполне очевидны и без комментариев.

Также немаловажным остается вопрос: как решать проблему семантического центра в периоде? Дело в том, что период может содержать не только эксплицитный центр (подобие заключения-вывода), но и имплицитный (когда элементы составляют компоненты некоторого общего понятия, но о заключении-выводе там речи не идет, поскольку само понятие эксплицировано и не требует отдельных *выводных* операций от анализатора (в нашей нотации это случаи, обозначенные единым буквенным символом для общего понятия и буквенными вариантами как экземплярами – это некое подобие однородных соподчиненных членов синтагмы типа $[a_1 + a_2 + \dots a_n \text{ — } a]$). Условимся считать, что семантический центр присутствует в обоих упомянутых образованиях, но по содержанию формирование центра задается по-разному.

В содержательном плане может также наблюдаться сопряжение в периоде семантического и прагматического факторов. Так, не-очевидность общей семантики в периоде (и, соответственно, целостности последнего) может компенсироваться намеренным (т.е. прагматически обусловленным) одинаковым языковым маркером (например, *never* в абзаце 11 разбираемого ниже текста), что придает периоду единство – хотя бы и с частями, семантически разделенными (ср. так называемый множественный (*multiple*) аргумент, описанный в голландской прагматодialeктике – см.: [Еемерен, Гроотендорст 1994]).

2.2.2.2.2. Анализ речи-Извинения по периодам

Приступим к разбору текста, используя его разбивку на макро- и микроструктуры, выполненную в предыдущем разделе (термин ‘период’ будет для краткости использоваться далее в значении ‘периодный подтип’). В нотационном плане цифры в квадратных скобках означают номера абзацев тек-

ста. Буквы латиницы (в отличие от цифр в круглых скобках, используемых для маркирования вербализованных пропозиций) означают семантически значимые элементы предложений.

[1]

Временной периодный тип.

(1) Последовательный период:

(a) время + (b) именование [прошлое] — (f) (именование) [настоящее].

(2) Противоположительный (имплицитно) период:

(d) цели — (e) результат (*что дали эти 175 лет*)⁹.

[2]

Причинный периодный тип.

Каузальный период:

(a) ← (c).

Условный период:

(e) → (f); (g) → (h).

Сопоставительный периодный тип.

Позволяющий период: (a) + (b) + (c) — (e) ...

Противоположительный период:

(d) — (e);

(f) — (h);

(h) — (i) + (j) + (k).

[3]

Сопоставительный периодный тип.

Противоположительный период:

(b) — (c)

Родо-видовой периодный тип.

Соединительный период:

(b) — (h) + (i) + (j).

⁹ Далее экспликации мы не приводим, поскольку их нетрудно увидеть, обратясь к вербализации буквенно-цифровых символов в транскрипте речи.

Причинный периодный тип.

Каузальный период:

(d) + (e) + (f) — (g).

[4]

Родо-видовой периодный тип.

Соединительный период:

(c) — (d);

(g) + (h) + (i) + (g) — (k);

(l) — (m).

Сопоставительный + Временной периодный тип.

Темпоральный + Позволяющий периоды:

(a) — (e).

Причинный периодный тип.

Уступительный период:

(k) — (l).

Каузальный период:

(m) — (n).

Локалистический периодный тип.

Параллельный период:

(m) + (n) — (o).

[5]

Родо-видовой периодный тип.

Соединительный период:

(a) — (b) + (c).

Временной периодный тип

Последовательный период:

(b) — (c).

[6]

Родо-видовой периодный тип.

Соединительный период:

– без амплификации, с (родовым) центром:

$(a) + (b) + (c) + (d) \text{ — } (5c)$ (с регрессией на предыдущий абзац);

$(k_1) + (k_2) + (k_3) \text{ — } (l); (p) \text{ — } (o);$

– без амплификации и экспликации центра:

$(f_1) + (f_2) + (f_3) + (f_4) \text{ — } (f);$

$(j_1) + (j_2) + (j_3) \text{ — } (j); (n_1) + (n_2) + (n_3) \text{ — } (n);$

– с оценкой:

$(a) + (b) + (c) + (d) \text{ — } (e).$

Причинный периодный тип.

Каузальный:

$(j) \text{ — } (i);$

$(a) + (b) + (c) + (d) + (e) + (f) + (g) + (h) + (i) + (j) + (k) + (l) + (m) + (n) \text{ — } (o).$

Сопоставительный периодный тип.

Противоположительный (с подразумеваемым ‘должно быть так, а было – наоборот’):

$(f_1) + (f_2) + (f_3) + (f_4) \text{ — } (e).$

Сопоставительный + Временной периодный тип.

Позволительный + равновременной:

$(g) \text{ — } (i).$

[7]

Родо-видовой периодный тип.

Сединительный период с амплификацией:

$(c_1) + (c_2) + (c_3) \text{ — } (c).$

Сопоставительный периодный тип.

Противоположительный период:

$(a) \text{ — } (b).$

Позволительный период:

$(e) \text{ — } (d).$

Причинный периодный тип.

Условный период:

(b) + (c) + (d) — (f).

Временной периодный тип.

Последовательный период:

(c) — (b).

[8]

Сопоставительный периодный тип.

Противоположительный период:

(a) + (c) — (d).

Причинный периодный тип.

Условный период:

(b) — (a) + (c).

Корреляционный период:

(c) — (e).

[9]

Сопоставительный периодный тип.

Сравнительный период (с отсылкой к общей идентичности):

(c) — (b);

(d) — (b).

Причинный периодный тип.

Каузальный период:

(c) — (a);

(d) — (a);

(f) — (g) (с отсылкой к авторитету).

Уступительный период:

(e) — (f).

[10]

Сопоставительный периодный тип.

Позволяющий период:

(b) — (a).

Причинный периодный тип.

Условный период:

(c) — (e);

(d) — (e).

[11]

Родо-видовой периодный тип.

Соединительный период:

– с эксплицитным центром и амплификацией:

(d) + (e) + (f) + (g) + (h) + (i) + (j) + (k) — (l);

– с эксплицитным центром, без амплификации:

(b) — (c);

(d) + (e) + (f) + (g) + (h) + (i) + (j) — (k) (на основе слова *Never*);

– без эксплицитного центра и амплификации:

(h₁) + (h₂) — (h);

(i₁) + (i₂) + (i₃) + (i₄) — (i).

Разделительный период:

(c) — (d) + (e) + (f) + (g) + (h) + (i) + (j).

Причинный периодный тип.

Корреляционный период (с регрессивной связью):

(10d) — (a).

[12]

Причинный периодный тип.

Уступительный период:

(a) — (c).

Родо-видовой периодный тип.

Соединительный период без амплификации:

(l₁) + (l₂) + (l₃) — (l).

Разделительный период:

(l) — ((h) + (i) + (j)).

Временной периодный тип.

Последовательный период:

(e) + (f) + (g) — (d);

(m) — (n).

Равновременной период:

(b) — (a);

(k) — (l).

Таким образом, периодный анализ продемонстрировал наличие всех таксономически предложенных периодных типов в тексте речи. Однако, как и ожидалось, количественная представленность периодов и реализующих их экземпляров-структур далеко не одинакова.

Наибольшая представленность – у Причинного и Родо-видового типов (по 19 случаев), далее идут Сопоставительный (15 случаев), Временной (9) и Локалистический (1).

Периоды в Причинном типе: Каузальный (8 случаев); Условный (6); Уступительный (3); Корреляционный (2).

Периоды в Сопоставительном типе: Противоположительный (8 случаев); Позволяющий (5); Сравнительный (2).

Периоды в Родо-видовом типе: Соединительный (17 случаев); Разделительный (2).

Периоды во Временном типе: Последовательный (5 случаев); Равновременной (3); Темпоральный (1).

Периоды в Локалистическом типе: Параллельный (1 случай).

Такое распределение свидетельствует о преимущественной реализационной экспликативности конвинсивной стороны речи, в отличие от дескриптивности.

Возможная задача установления распределенности периодов по абзацам осмысленной картины, видимо, дать не может, поскольку многое зависит просто от размера абзаца, а они неодинаковы.

Представленная в нашем разборе семантика периодов позволяет при необходимости сформировать – в дополнение к вертикальной, которую дает макроструктурное представление – линейную картину содержания речи-Из.

2.2.2.3. Персуазивный анализ речи

В связи с тем, что стилистика в настоящей диссертации трактуется как теория тропов и фигур в рамках элокуционной составляющей риторики, в число более широкого понятия персуазивных приемов РВ нами включены как не-стилистические, так и стилистические средства.

В число не-стилистических вошли средства, не описываемые в традиционных руководствах по риторике; их список приведен в конце раздела.

Рассмотрение стилистических средств проводится здесь с позиции, обозначенной Е.В. Клюевым: «в основе тропов лежат преобразования законов логики ..., в основе фигур – преобразования законов синтаксиса» – тропы касаются значения, фигуры – структуры [Клюев 2001: 179].

В связи с такой трактовкой тропы у Е.В. Клюева разделяются на:

(а) собственно тропы (Тс – аббревиатуры здесь и далее наши – *М.В.*)), где основа – конфликт с критерием истинности (метафора, катахреза, синестезия, аллегория, прозопопея, метонимия, синекдоха, антономазия, гипаллаг, эналлага, эпитет, оксюморон, антитеза, антиметабола, эмфаза, градация-климакс, градация-антиклимакс, антанакласис, амфиболия, зевгма, каламбур, тавтология, плеоназм);

(б) несобственно тропы (Тн), где наличествует конфликт с условием искренности (апосиопеза, астеизм, паралепсис, преоккупация, энанортоза, гипербола, литота, перифраз, аллюзия, эвфемизм, антифразис, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение).

Фигуры разделены на микрофигуры – трансформации структуры слова (Фми) и (Фма) макрофигуры – трансформации структуры предложения (Фма), а последние – на конструктивные (Фма-к) и деструктивные (Фма-д). К микрофигурам относятся метатеза, анаграмма, анноминация, гендиадис, афе-

резис, апокопа, синкопа, синерезис, протеза, парагога, эцентеза, диереза, полиптотон, этимологическая фигура, аллитерация, ассонанс, палиндром. В число конструктивных макрофигур включены параллелизм, изоколон, энана-лепсис, анафора, эпифора, анадиплозис, симплока, диафора, хиазм, эпанодос, асиндетон, полисиндетон, апокойну, киклос, гомеотелевтон. К деструктивным макрофигурам отнесены инверсия, анастрофа, эллипсис, парцелляция, гипербатон, тмезис, анаколуф, силлепсис, аккумуляция, амплификация, эксплация, конкатенация [Клюев 2001: 178–261].

В естественной (не созданной с исследовательско-методическими целями) речи не могут, очевидно, содержаться все перечисленные тропы и фигуры. Поскольку разбираемая речь, видимо, составлялась экспертом-ритором (спичрайтером), мы вправе были бы ожидать в ней присутствия множества из перечисленных средств. Однако в действительности ее стилистическое разнообразие вполне умеренно, что вызвано, на наш взгляд, стремлением соблюсти разумные размеры украшений в речи, иначе своей вычурной нарочитостью она может вызвать раздражение или даже неприятие у аудитории.

Описание приемов РВ мы даем в ориентации на то, каким образом они реализуют Из, т. е. указывая содержательные компоненты последнего. Речь К. Говера риторически профессиональна, и основные параметры Из в ней присутствуют (в 'корпусе' анализа они обозначены заглавными буквами):

(А) признание Проступка (абзацы 3 – 7);

(Б) Разъяснение (абзацы 1– 2);

(В) Нравственные аспекты у извиняющегося: идентификация субъекта Из и Обж; Раскаяние; признание Вины; обещание неповторения Проступка (абзацы 8 – 12);

(Г) Репарации: этот параметр Из в речи отсутствует, и объяснить это можно тем, что извиняющийся не обладает соответствующими финансовыми полномочиями, он приносит Из не от имени всего правительства как исполнительного органа страны, а лишь от имени правительственного агентства.

(А) ПРИЗНАНИЕ ПРОСТУПКА. Этот макрокомпонент содержит следующие компоненты.

(А-1) Аспекты Вреда, нанесенного БПИ: не-противостояние правительству в насильственном переселении индейцев:

Абзац [3].

Данный блок содержит следующие приемы РВ¹⁰:

- дедукционная экспозиция ‘от общего к конкретному’:
 - (а) итог в целом: *harmed the communities*;
 - (б) общая характеристика Вреда: *enforced its ambition against the Indian nations and Indian people who stood in its path*;
 - (в) экспликация Вреда: *the first mission of this institution was to execute the removal of the southeastern tribal nations*;
 - прием ‘период-триада’ (не-усиливающие/неградационные цепочки: *threat, deceit, and force* и *old, young and infirm*;
 - аллегория (*Trail of Tears* – ср. с Долиной плача в Псалтыри);
 - антитеза (диссоциативный аргумент, по Х. Перельману): *harmed the communities it was meant to serve*;
 - метафора: *Indian nations and Indian people who stood in its path*; здесь основание сходства (источник) – физические помехи, перенос (цель) – сопротивление (термины ‘источник’ и ‘цель’ взяты из [Лакофф, Джонсон 2008]);
 - метонимия: *the United States enforced its ambition against the Indian Nations*; *the nation looked to the West* (модель ‘представители общности → наименование общности’); *this agency participated in the ethnic cleansing* (модель ‘сотрудники/представители учреждения → наименование учреждения’);
 - эвфемизм: *leaving thousands of their old, their young and their infirm in hasty graves*;
 - эллипсис: *hasty graves* – поспешно (вырытые) могилы;
 - эпитет: *great tribal nations*;

¹⁰ Здесь и далее мы сначала приводим не-стилистические, а потом – стилистические персуазивные приемы.

- тавтология: *the Indian nations and Indian people*.

(А-2) Аспекты Вреда: бездеятельность БПИ, не предотвратившего Вред (болезни, пристрастие к алкоголю или/и наркотикам, убийства) в трех регионах страны:

Абзац [4]

Данный блок содержит следующие приемы РВ:

- аллативный прием¹¹ ‘ad verecundiam’ (‘к авторитету’, где в качестве положительного ориентира выступает топос современности): *in these more enlightened times*;
- прием дедукционной экспозиции на основе диады с функцией ‘от общего к частному’: *War necessarily begets tragedy; the war for the West was no exception*;
- прием усиливающей¹² тетрады, когда интенсивность преступлений дается в нарастающей последовательности: *the deliberate spread of disease → the decimation of the mighty bison herds → the use of the poison alcohol to destroy mind and body → and the cowardly killing of women and children*;
- прием ‘опровержение контраргумента’ (он выполнен в речи декларативно, т.е. не-аргументативно, без приведения доводов): *it cannot be dismissed as merely the inevitable consequence of the clash of competing ways of life*;
- прием ‘комплимент’ коренным жителям Америки: *great nations of patriot warriors*;

¹¹ Аллативная аргументация (*ad-arguments*) в целом была рационализирована, по-видимому, еще Дж. Локком в 1690 г., хотя и в ином отношении – в связи с некорректностью представлений аргументов (см.: [Васильев 2016: 103]).

¹² Термин ‘усиление’ используется нами здесь вместо традиционного риторического ‘градация (климакс)’ (см.: [Клюев 2001]) поскольку рассмотрение самого этого феномена производится не безотносительно к экстрауровневому окружению (что, как представляется, более характерно для ‘градации’), а в пределах единого специально выделяемого частотного комплекса – *диады*, *триады* и т.п., а в таком комплексе последовательность родственных элементов может и не соответствовать принципам градации – и тогда ‘усиление’ противопоставляется ‘не-усилению’, оставляя нетронутым сам частотный комплекс. Помимо этого, троп ‘градация (антиклимакс)’ также находит соответствие в нашем представлении как ‘контр-усиление (ослабление)’. Тем самым, предлагается не бинарная эквиполентная, а тернарная градуальная оппозиция с убыванием признака: ‘усиление – не-усиление – контр-усиление / ослабление’.

- анафора: *War necessarily begets tragedy; the war for the West was no exception;*

- метафора: *the clash of competing ways of life* (основание сходства (источник) – ‘физические помехи’, перенос (цель) – ‘сопротивление’); *to destroy mind and body* (область источника – ‘строительство’, область цели – ‘здоровье человека’); *the ethnic cleansing* (область источника – ‘хозяйственная деятельность (наведение порядка)’, область цели – ‘геноцид’);

- метонимия: *great nations of patriot warriors fell* (модель ‘представители общности → наименование общности’); *war necessarily begets tragedy* (модель ‘составляющие/показатели исхода → наименование исхода’);

- эпитет: *mighty bison herds; poison alcohol; the cowardly killing.*

(А-3) Аспекты Вреда: уничтожение индейской культуры:

Абзац [5]

Приемы реализации РВ:

- анастрофа: *to destroy all things Indian;*

- анадиплозис: *After the devastation of tribal economies and the deliberate creation of tribal dependence on the services provided by this agency, this agency set out to ...*

- инверсия как морфолого-синтаксический актуализирующий прием: *Nor did the consequences of war have to include the futile and destructive efforts to annihilate Indian cultures;*

- метафора: *the devastation of tribal economies* (источник – ‘строительство’, цель – ‘разрушение уклада’);

- эпитет: *destructive efforts.*

(А-4) Конкретизация Вреда – уничтожение языка, религии, госуправления, детей – и результат такого уничтожения:

Абзац [6]

Данный блок содержит следующие приемы РВ:

- прием не-усиливающей / равнокомпонентной (по интенсивности) триады:

(a) *shame, fear and anger*;

(б) *alcoholism, drug abuse, and domestic violence*;

(в) *poverty, ignorance, and disease*;

- приемы усиливающей триады:

(a) в экспликации последствий угнетения: *alcoholism* → *suicides made of shame and despair* → *and violent death at the hands of one another*;

(б) в критике БПИ: *This agency forbade the speaking of Indian languages* → *prohibited the conduct of traditional religious activities* → *outlawed traditional government, and* → *made Indian people ashamed of who they were*;

- прием усиливающей тетрады:

(a) с гиперсемой ‘уничтожение идентичности’ (в этом же примере): ‘средство общения’ → ‘религия’ → ‘социальное устройство’ → ‘отрицательное отношение к идентичности’: *the speaking of Indian languages* → *the conduct of traditional religious activities* → *traditional government* → *ashamed of who they were*;

(б) с гиперсемой ‘разноаспектность’ (воздействия): *emotionally* → *psychologically* → *physically* → *and spiritually*;

- метафора: *the ruin of lives* (область источника: ‘строительство’; область цели: ‘разрушение уклада жизни’);

- метонимия: *the Bureau of Indian Affairs* (сотрудники/представители учреждения → наименование учреждения);

- прозопопея:

(a) *...the legacy of these misdeeds haunts us*;

(b) *the trauma of shame, fear and anger has passed from one generation to the next, and manifests itself...*;

(b) *the rampant alcoholism, drug abuse, and domestic violence that plague Indian country*;

- эпитет: *violent death*;
- этимологическая фигура: *many of our people live lives of unrelenting tragedy ...*

(А-5) Под-итог – виновность БПИ.

Абзац [7]

В этом блоке имеются следующие приемы РВ:

- прием усиливающей диады: *decades later* → *generations later*;
- прием усиливающей триады: *infect* → *diminish* → *destroy*;
- прием не-усиливающей диады на основе поверхностной тавтологии: *many good people with good hearts*;
- метафора:

(a) *acts... infect, diminish, and destroy the lives* (областью цели является ‘разрушительная деятельность БПИ’, а областью источника – ‘результат воздействия болезни’);

(b) ... *if the healing is to begin* (область источника – ‘живой организм’: автор подразумевает, что, как и для всех живых организмов, нациям тоже присуща возможность исцеления; здесь подразумевается процесс культурного, хозяйственного и психологического восстановления нации; область цели – ‘жизнь индейской цивилизации’, а лексическая единица *healing* выбрана для создания положительной коннотации);

- эпитет: *acts so terrible*.

(Б) РАЗЪЯСНЕНИЕ. Этот макрокомпонент Из содержит следующие компоненты.

(Б-1) История создания и цели БПИ.

Абзац [1]

Данный блок не содержит эксплицитных приемов РВ: оно реализуется суперструктурно, как отдельный тематический блок и, по всей видимости, с целью создания эмпатического пространства для восприятия дальнейше-

го изложения – выполняет фатическую (ориентационную) функцию, помогая аудитории настроиться на актуальные моменты речевой ситуации.

(Б-2) Причины обращения к теме: на перепутье тысячелетий.

Абзац [2]

РВ здесь осуществляется с помощью:

- аллативов:
 - (a) ‘к общественному мнению’ – ‘ad publicam opinionem’: *it is appropriate* (традиционно многие события приурочиваются к юбилейным датам);
 - (b) ‘к продуманности’ – ‘ad prudentiam’ (*first look back and reflect*);
 - приема усиливающей диады, основанной на культурной ценности ‘новизна’, связанной с философией американского прагматизма: ‘новое – значит, лучшее’: *a new century and a new millennium*;
 - усиливающей триады посредством анафоры (*rather it is time for reflection and contemplation, a time for sorrowful truths to be spoken, a time for contrition*) с целью достижения амплификации по модели ‘размышление+осознание → признание (греха) → раскаяние’.
 - культурной ценности ‘активность’, производной от ‘индивидуализма’: готовность действовать и неустрашимость (*preparing for those challenges*);
 - аллитерации: *...this is no occasion for celebration; rather it is time for reflection and contemplation...*;
 - антитезы: (*no occasion for celebration; rather...*);
 - метонимии: *this institution must first look back and reflect on what it has wrought* (модель: ‘сотрудники/представители учреждения → наименование учреждения’);
 - эпитета: *sorrowful truths*;
 - приема ‘обращение к высокому стилю’ (*on what it has wrought*: ‘на чем оно зиждется’).

(В) ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ У ИЗВИНЯЮЩЕГОСЯ. Извиняющийся в этой речи не совпадает с собственно Обч, поэтому отличительным признаком этого текста является полисубъектность: оратор выступает и как обвиняющий, и как Обж, и как Обч.

(В-1) Идентификация субъекта Из и Обч:

Абзац [8]

РВ здесь реализуется посредством:

- аллативов:
 - (а) ‘к авторитету – *ad verecundiam*’ (наличие поддержки единомышленников):
I am empowered <...> to speak on behalf of this agency;
 - (b) ‘к количеству – *ad quantitatem*’) – количество единомышленников определяет силу извинения: *reflect the hearts of its 10,000 employees;*
 - метафоры: *the words that follow reflect the hearts of its 10,000 employees* (область источника здесь – ‘анатомические органы человека’ (физическое), область цели – ‘чувства людей’ (психическое));
 - метонимии: *on behalf of this agency, the Bureau of Indian Affairs* (модель ‘сотрудники/представители учреждения → наименование учреждения’).

(В-2) Вербализация Раскаяния и субъекта Раскаяния:

Абзац [9]

Средства осуществления РВ здесь следующие:

- прием ‘культурные ценности’ (‘приверженность общим/совместным ценностям’) (функция Обж): *Just like you, when we think of these misdeeds and their tragic consequences, our hearts break ...;*
- аллатив: ‘*ad verecundiam*’ (функция Обч): *On behalf of the Bureau of Indian Affairs, I extend this formal apology to Indian people for the historical conduct of this agency;*
- метафора: *our hearts break* (источник – ‘человеческий организм + материальные предметы, обладающие хрупкостью’ (физическое), область цели – ‘чувства людей’ (психическое));

- эпитет: *profound sorrow; tragic consequences; our grief is as pure ...*

(В-3) Транзитивность Вины:

Абзац [10]

Этот компонент также связан с концептом ‘признание Вины’.

Средства осуществления РВ:

- прием не-усиливающей триады: анафорично употребленная лексема *accept* в двух морфологических вариантах – финитно-глагольном и герундиальном;
- прием усиливающей триады: *inheritance* → *legacy* → *moral responsibility*.

(В-4) Обещание неповторения Проступка впредь:

Абзац [11]

Средства реализации РВ здесь следующие:

- прием не-усиливающей гептады: анафорические средства здесь выражены инициальным словосочетанием *never again ...* с экспликациями *will this agency, will we* и финальным без экспликации;
 - прием усиливающей диады: гептадная группа *never again* с экспликациями → *never again* без экспликаций;
 - прием не-усиливающей диады со значением исправления Вреда: *commitment to the people and communities that we serve, a commitment born of the dedication we share with you;*
 - прием не-усиливающей тетрады: *your religions, your languages, your rituals, or any of your tribal ways;*
 - прием ‘культурные ценности’:
- (a) ‘новизна’, связанная с философией американского прагматизма: *We therefore begin this important work anew, and make a new commitment ... to the cause of renewed hope and prosperity;*

(б) акцентирование приверженности общим социальным ценностям и помещение (индейцев) в единое социальное пространство: *the dedication we share with you to the cause of renewed hope and prosperity for Indian country*;

- инверсия по модели ‘*Never again*’ + *Aux* + *Subj* + *Pred*;
- метафора: *we attack your religions, your languages, your rituals, or any of your tribal ways* (область источника – ‘война’, область цели – ‘притеснения народа’);
- метонимия:

(а) *we allow policy to proceed from the assumption* (модель: ‘люди-профессионалы → профессиональная деятельность’);

(б) *to deface the halls of government* (модель: ‘люди-профессионалы → место осуществления профессиональной деятельности’);

- прозопопея: *renewed hope and prosperity*.

(B-5) Результаты Из:

Абзац [12]

Важным представляется то, что здесь нет компонента ‘Репарация’, но присутствует концепт ‘возрождение’. Дается испрашивание не прощения, а веры в исправление.

Средства РВ: для его реализации использованы приемы периодов (подчеркнуты компоненты, задающие период при помощи механизма параллелизма и противопоставления):

- прием противопоставления по модели ‘плохое (war) – хорошее (prosperity)’: *The Bureau of Indian Affairs was born in 1824 in a time of war on Indian people. May it live in the year 2000 and beyond as an instrument of their prosperity*;

- прием не-усиливающей диады: *please tell them that time of dying is at its end. Tell your children that the time of shame and fear is over*;

- прием не-усиливающей триады: *please tell them that time of dying is at its end. Tell your children that the time of shame and fear is over. Tell your young men and women to replace their anger with hope and love for their people;*

- прием усиливающей триады:

(a) *please tell them that time of dying is at its end. Tell your children that the time of shame and fear is over. Tell your young men and women to replace their anger with hope and love for their people.* С семантической точки зрения перед нами, очевидно, триада преобразования религиозного плана: ‘попирание смерти → попирание унижения и страха (расцениваемое в духовном отношении как более губительное, чем смерть) → замена их (христианской) надеждой и любовью’;

(б) *the rebirth of joy → freedom → and progress for the Indian Nations:* семантика триады – ‘укрепление социума и перерождение’ Обж; с точки зрения РВ параметры результирующего исправления в (б) заданы по нарастающей ритмике – от меньшего к большему числу слогов/длительности;

- прием анафорической не-усиливающей тетрады: *Together, we must wipe the tears of seven generations. Together, we must allow our broken hearts to mend. Together, we will face a challenging world with confidence and trust. Together, let us resolve that when our future leaders gather to discuss the history of this institution...;*

- прием структурного гептадного параллелизма – семь пострадавших поколений соотнесены с семью проступками (в предыдущем абзаце): *we must wipe the tears of seven generations;*

- метафора:

(a) *...we must wipe the tears of seven generations* (область источника – ‘физическая помощь’, область цели – ‘улучшение эмоционального состояния’);

(b) *allow our broken hearts to mend* (область источника – ‘починка хрупких материальных предметов’, область цели – ‘улучшение эмоционального состояния’);

(с) *the rebirth of joy, freedom, and progress* (источник – живой организм, цель – ‘улучшение эмоционального и социального состояния’);

- метонимия *seven generations* (модель ‘представители общности → характеристика общности’).

Таким образом, персуазивный анализ текста речи показал следующее.

В речи присутствуют четыре важных содержательных компонента полного Из. Автор текста использовал как стилистические, так и не-стилистические приемы РВ.

В числе стилистических были выявлены: собственно тропы (Тс) – аллегория, антитеза, усиление, метафора, метонимия, прозопопея; тавтология; эпитет; не-собственно тропы (Тн) – эвфемизм; микрофигуры (Фми) – аллитерация, этимологическая фигура; конструктивные макрофигуры (Фма-к) – анадиплозис, анафора, параллелизм; деструктивные макрофигуры (Фма-д) – анастрофа, инверсия, эллипсис.

В качестве не-стилистических приемов автор речи использовал: аллитивы ‘к авторитету’, ‘к общественному мнению’, ‘к продуманности’, ‘к количеству’; дедуктивную экспозицию ‘от общего к частному’; опровержение контраргумента; противопоставление; спецификаторы периодов (диады, триады и т.д.); комплимент; культурные ценности ‘активность’ и ‘совместные ценности’.

Представленные в данном разделе диссертации риторические средства дают возможность оценить качество именно данной речи-Из без дополнительной прогностики: она ориентирована прежде всего на пафосную составляющую рецептивного аспекта аудитории, составлена в соответствии с западными риторическими канонами и содержит необходимые средства активации основных параметров публичного делегированного Из.

2.3. АНАЛИЗ ИЗВИНЕНИЯ С ЭЛЕМЕНТАМИ САМООПРАВДАНИЯ

2.3.1. Ситуативная специфика объекта анализа

Из, связанные с личными Проступками высших политических деятелей – ситуация нередкая в США. Такие Из составляют целый пласт в рамках данного жанра (ср.: A. Weiner; B. Frank; B. Packwood; Chr. Lee; B. Clinton; D. Vitter; E. Spitzer; J. Edwards; L. Craig; M. Foley; M. Sanford [<https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/>]).

Объект анализа в этом разделе диссертации – Из бывшего президента США Б. Клинтона, вызванное в 1998 г. скандалом из-за его продолжавшейся с 1995 г. по 1997 г. адюльтерной связи с М. Левински, проходившей стажировку в Белом доме. Обнародование этой связи и расследование по ней комиссией К. Старра проходило на фоне еще не утихшего скандала из-за обвинения Б. Клинтона в домогательствах, выдвинутых П. Джонс, бывшей служащей в правительстве штата Арканзас, где Б. Клинтон был губернатором. Первоначально и Б. Клинтон, и М. Левински отрицали наличие между ними сексуальной связи, но К. Старр настоял на свидетельстве последней под присягой с условием освобождения ее от ответственности за прежнее лжесвидетельство, в результате чего было получено признание. 21.01.1998 Б. Клинтон в телеэфире еще отрицал сексуальные отношения со стажеркой, позднее объясняя, что под ними следует понимать традиционное соитие, а то, что было между ними (фелляция), именовал лишь неподобающим интимным контактом. Тем самым, концентрируясь на дефинициях, он в известном отношении пытался снять с себя ответственность за обвинение в прежнем лжесвидетельстве. 17.08.1998 Б. Клинтон дал признательные показания Большому жюри и затем выступил с извинительной речью по национальному телевидению.

Текст-транскрипт¹³ данного видео-выступления (см. Приложение 4) послужил материалом для данного раздела. Транскрипт представлен для

¹³ <https://www.ac-journal.org/journal/vol2/Iss2/clinton1.html>

удобства восприятия с разбиением на абзацы и внутренним делением абзацев на вербализованные пропозиции и внепропозициональные сирконстантные элементы.

Специфика данной публичной речи заключается в том, что это Из содержит выраженные черты само-оправдания. Этим фактором объясняется то, что цель убеждения аудитории преследуется в значительной мере конвинсивными (рациональными) средствами, а персуазивные отводятся на второй план.

Персуазивные средства, ориентированные в большей мере на пафосную составляющую речи, более пригодны в случаях, когда у аудитории отношение к оратору нейтральное или положительное (например, сочувствие), невзирая даже на само наличие Проступка. В случае с Проступком Б. Клинтона отношение публики, учитывая пуританские традиции в американской культуре и представление о президенте страны как об образце поведения, едва ли было благожелательным; в лучшем случае, его можно назвать нейтральным. Поэтому задача оратора состояла, очевидно, в объяснении того, (а) какие обстоятельства послужили причиной Проступка (и здесь Б. Клинтон выбирает не прямую каузацию, а сопутствующие моменты, могущие повлиять на поведение и на отношение к нему как к Обч) и (б) что представлял собой Проступок (каковы были собственно действия Обч и как квалифицировать эти действия – и здесь также используется тематический сдвиг, о чем будет сказано ниже).

Эти обстоятельства и задают разъяснительный характер данного Из, а применительно к статусным характеристикам Обч – еще и самооправдательный, ради сохранения президентского имиджа.

2.3.2. Эффективность публичного Извинения в ракурсе Принципа сотрудничества

Установление успешности речи-Из, как реальной, так и прогностической, может быть оценено с точки зрения достаточно разных процедур. В качестве методологического основания для анализа данного Из мы принимаем

за основу семиотический примат прагматики с подчинением ей семантики и синтактики. Поэтому в качестве рамочного метода мы выбрали здесь постулаты общения Г.П. Грайса [1985] с целью установления потенциальной эффективности речи – какие из них соблюдаются, а какие и как нарушаются.

Известно, что постулаты Г.П. Грайса обладают моделирующей функцией и поэтому касаются идеализированного общения; реальное же общение неизбежно влечет те или иные их нарушения (см.: [Богданов 1990]). Однако это еще не означает ущербности подхода: ведь перед нами модель, эвристичность которой может подтверждаться в разной мере – в зависимости от типа и конкретики коммуникативной ситуации. Поэтому выявление таких нарушений позволяет дать «коммуникативный портрет» конкретного дискурса, где нарушения связаны, по всей видимости, лишь с естественным языком. Важно также то, что постулаты общения в формулировке, предложенной Г.П. Грайсом, не являются изолирующими – наоборот, они могут пересекаться и рассматриваться, например, попарно или как совокупность, например, $\{(1+4) + 2 + 3\}$. Область пересечения позволяет выявить общие аспекты [Богданов 1990], позволяющие использовать разные виды совокупностей.

Исходя из этого, позволим себе внести некоторые уточнения в конкретику постулатов, стараясь в целом не отступать от их общего содержания.

2.3.2.1. Постулат Количества

Форматные требования телевыступления допускают известную лаконичность – в нем многое манифестируется тезисно, без экспликаций (повидимому, в силу принципа очевидности, который «навевается» этим горячим (по М. МакЛюэну – [McLuhan 1964]) медийным средством. Соответственно, можно говорить о двух количественных сторонах выступления с точки зрения представления полноты информации – скрытом и явном¹⁴.

¹⁴ Полнота информации может быть расценена как прагматическая достаточность в соответствии с конкретными задачами, которые ставит перед собой анализатор; в этом отношении названный параметр, как и остальные три, является субъективным.

Скрытый аспект по разбираемому постулату в синтагматическом плане обычно специально не анализируется, и, следуя этой общей тенденции, мы можем ограничиться наблюдениями, сделанными ниже в рамках аргументативного анализа речи. Имплицитность там представлена высокочастотной невыраженностью Оснований как компонента номинального аргумента (см. о его составе: [Васильев 1999]).

При этом содержательная / информационная потребность их экспликации невелика – как это бывает в объяснении «логики» текста (а Основания как раз и представляют собой неформально-логическую сторону рассуждения, ср. их типы – каузацию, аналогию, пример, классификацию и др.) – они манифестированы в рассматриваемой далее речи всего лишь дважды, в аргументативных ходах АХ-3 и АХ-9.

Явный аспект представлен вербально и далее анализируется поабзацно. При этом постулат Количества рассматривается нами применительно к экстра-лексемному уровню – недостаточность информации трактуется как связанная с семантикой предложения в целом и с вкладом ее в семантику дискурса, а не с выбором отдельных (больших или меньших по семантической полноте) входящих в предложение слов. Последнее мы относим к постулату Способа.

Абзацы [1] – [5] текста выступления представляют собой краткое изложение уже известной аудитории (здесь и далее в квадратных скобках указан номер абзаца речи-оригинала, в круглых – номер вербализованной пропозиции; если – здесь и далее – не указан номер абзаца, это не недосмотр, а лишь отсутствие ощутимых манифестаций конкретного Постулата):

[1]

(2), (4) – содействие аудитории в погружении в подробности ситуации;

[2]

(1), (2) – количественно избыточные элементы;

[3]

(2) – (5) – пояснение: попытка снять избыточность информации суммированием предшествующих действий для облегчения погружения аудитории в референтную ситуацию об адекватной реакции Обч на Проступок (в качестве Обж в данном случае выступает вся нация, поскольку Проступок совершил её лидер – именно поэтому Из приносится в адрес её, а не М. Левински);

[4]

(1-2) – содействие аудитории в погружении в подробности ситуации;

[5]

(2-1) – высказывание информационно недостаточно;

[6]

(1) – высказывание содержит неоднозначную, а потому недостаточную информацию (пересечение постулатов Количества и Качества): автор указывает на множество факторов мотивации своего поведения, но вербально эксплицирует их как *first* (2) и *in addition* – в начале следующего абзаца;

[7], [8]

в этих абзацах не раскрываются не только детали, но и существо инкриминированного ранее Проступка.

[9]

информационная неполнота: сочетание спецификации, не связанной с референтностью проступков – (2), (5), (6) (8) и неконкретностью намерений – (4), (7);

[10] - [11]

референциальный сдвиг – незначимые высказывания, не имеющие отношения к Проступку, но относящиеся к последствиям, но не Проступка, а излишнего, по мнению Б. Клинтона, внимания к нему;

[12]

полное отсутствие раскрытия намерений;

[13]

умеренная неполнота раскрытия содержания.

2.3.2.2. Постулат Качества

Этот постулат трактуется здесь в отношении установимости правдоподобности¹⁵ высказывания, но не в отношении достаточности представленной информации.

Значительное количество информации, свидетельствующей о правдоподобности информации дается в речи методом метонимического переноса ‘действие → его исполнитель’: указываются не только факты, в которых аудитория не может усомниться, но и самооценка действий говорящего как честных; речевоздействующий механизм здесь таков: ‘поскольку я (а) честно говорю о произошедших событиях и (б) даю им свою оценку как честных поступков, (в) я предстаю перед вами как честный человек: $(a) + (б) \rightarrow (в)$ ’.

[1]

(3) – маркер правдивости предоставленной ранее перед Большим жюри и – по задаваемой ассоциации – предоставляемой сейчас информации;

(5) – маркер избыточной честности и ответственности;

[2]

(1) – маркер честности и ответственности;

[3]

(5) – (8) – маркеры честности и ответственности;

[4]

(2-1) – (2-4) – маркеры честности поступков;

[5]

(1) – маркер честности и ответственности;

(2-1) – (2-4) маркеры честности поступков;

¹⁵ Термин ‘правдоподобный’ (plausible) взят нами из работ по неформальной логике (см. об этом направлении: [Eemeren et al. 1996]), где утверждается, что для естественно-языкового общения параметр истинности (ингерентно логический, обозначающий абсолютную степень качества) нерелевантен в силу недостижимости таких значений и бесконечного числа возможностей находить исключения (пусть даже предположительные). Использование термина ‘правдоподобие’ взамен термина ‘истинность’ рекомендовано как раз этим научным направлением, изучающим специфику рассуждений в естественном языке.

[6] – верифицировать на истинность невозможно, поскольку приводятся лишь личные мотивы, а способы их проверки отсутствуют;

[7], [8] – информация правдива;

[9]

(1), (4), (5), (7) – верифицировать на истинность невозможно, поскольку приводится лишь личное мнение без предоставления объективных данных;

(9) – информация правдива;

[10] – целевые высказывания не верифицируются на истинность или правдоподобие;

[11]

(1) – факт правдив, его количественный параметр (как личное мнение) – нет;

(2) – истинно / правдоподобно в силу перформативности высказывания;

(3), (4) – не верифицируются, так как это личное мнение;

[12] – целевые высказывания не могут быть верифицированы на правдоподобие / истинность.

[13], [14]: истинны / правдоподобны в силу перформативности высказываний-компонентов.

2.3.2.3. Постулат Релевантности

Можно рассматривать принцип Релевантности в двух отношениях – прагматическом и прагма-семантическом.

В собственно прагматическом плане, на наш взгляд, он предстает прежде всего в правильной ориентированности на адресата.

Анализируемая аудитория речи Б. Клинтона разнородная, большая, информационно подготовленная, как нейтрально, так и негативно настроенная, преимущественно среднего и старшего возраста, американская. В соответствии с характером публики оратор для реализации коммуникативных задач придерживается определенных принципов организации и представления своей речи [Стернин 2001]; они прослеживаются у Б. Клинтона в ориентации на следующие компоненты речевой ситуации (см. подчеркивание).

1. Разнородная аудитория ‘На обсуждение выносится только один вопрос’ – Проступок президента; ‘доступность и понятность изложения’ – речь краткая с использованием простых структур.

2. Большая аудитория ‘Публика должна хорошо видеть оратора’ – выступление было показано по телевидению; ‘отсутствие призывов к совместному размышлению’ – [12] *We have important work to do* (наличие призыва не концентрироваться далее на обсуждаемом проступке, поскольку ожидаемое Из принесено).

3. Хорошо подготовленная аудитория ‘Учет ее информированности в отношении тематики и повода выступления’ – использование двусторонней аргументации или контраргументации – [3] ... *a critical lapse in judgment and a personal failure on my part* ..., но при этом: *It's nobody's business but ours*.

4. Негативно настроенная аудитория. ‘Перевод убеждающей речи в информационную’ – ср.: [3] ... *critical lapse in judgment and a personal failure on my part* ..., а затем сразу [4] *But ... at no time did I ask anyone to lie, to hide or destroy evidence or to take any other unlawful action*. Этот принцип реализован лишь частично – с отказом от персуазивного аспекта убеждения, но не от конвинсивного.

5. Негативно настроенная аудитория. ‘Тезис целесообразен в заключении, как вывод’ – ср. весь абзац [13].

6. Аудитория среднего и старшего возраста. ‘Целесообразность учета информации, почерпнутой из традиционных СМИ’ – граждане США могли узнать об обсуждаемой проблеме лишь из доступных средств массовой информации, привычных для данных возрастных групп.

В прагма-семантическом плане данная речь Б. Клинтона представляет собой манипулятивный дискурс (прагматика), связанный макропропозиционально (семантика) с подменой понятий: в чем именно повинен президент и за что конкретно он извиняется? Именно в этой двойственности, на наш взгляд, состоит принципиальная нерелевантность данной речи. Повинен же он в двух событиях – *(а)* в адюльтере, *(б)* во лжи правительственной комис-

сии по расследованию. Но извиняется он преимущественно за событие (*б*), а событие (*а*) затрагивается лишь косвенно и далеко не везде, ограничиваясь высказываниями [3]-(5), -(6), -(7-1), [4]-(2). Само-оправдание связано именно с этим референциальным сдвигом от (*а*) к (*б*). Продемонстрируем это.

[1] – [5]

Используя маркеры референтности в [1], оратор сначала пытается показать, что не отходит от заданной темы речи. Однако далее сама процедура развертывания повествования с постепенной сменой референтности незаметно меняет и исходную интенцию: в высказывании *I must take complete responsibility for all my actions, both public and private* смысловой акцент сдвигается с *complete responsibility* на *all my actions*, где само кванторное слово позволяет осуществить последующий сдвиг излагаемых событий с ‘адюльтера’ на ‘неискренность’ – с существенно меньшей для публики (но не для политиков!) неприемлемостью последнего.

[6]

(2) – (4) – сдвиг внимания аудитории с исходного Проступка (адюльтера) на последующий (ложь при официальном разбирательстве);

(2), (3) vs. (4), (5) – нелогичность: мотивация ко лжи в силу желания оградить себя и семью не соотносится с доводом об ангажированности расследования и его неудаче: это весьма разные факторы;

(5) – референциальный сдвиг еще на одну ступень – (*в*) – с релевантного Проступка с М. Левински на нерелевантный Проступок о финансовых нарушениях): нерелевантность факта с аргументативной техникой ‘*tu quoque*’ (‘сам такой’) – раз обвинение не доказано, значит, Проступка не было (а подспудно – ‘обвинители лживы’); при этом подмена касается именно Проступка (*в*), в данном случае, финансовых нарушений (не связано со случаем с М. Левински).

[7]

(1) – (2) – сдвиг с исходного (*а*) на последующий Проступок (*б*);

(3) – нерелевантность факта с техникой *tu quoque*.

[8]

(1) – (2) – нерелевантность факта с техникой *tu quoque*; подмена понятий: ‘вмешательство в личную жизнь президента при предыдущем расследовании’ подспудно переносится на вмешательство в его личную жизнь вообще (т. е. затрагивается ассоциативно и основной Проступок (a), который Клинтон пытается представить как эпизод своей именно личной жизни). Сдвиг связан с подменой статуса лица – с институционального (президента) на бытийное (обычного человека), а вмешательство в личную жизнь, по меркам англо-саксонской культуры, недопустимо.

[9]

весь абзац – нерелевантность между собой факта финансового проступка (в), заявлений о ценности семьи для оратора (связь с (a)) и жалоб на вмешательство в его личную жизнь (связь с (б)).

[10]

подмена понятий с техникой ‘поспешное обобщение’: с конкретной бытийной частной жизни на частную жизнь американцев вообще (ср. в (1-2) мн.ч. в *lives*) и далее – (2) на образ жизни нации в целом; здесь использован прием аргументативной ошибки ‘*slippery slope*’ (‘коготок увяз – всей птичке пропасть’).

[11]

(2) – наиболее четкое выражение Из (его аспекта ‘признание вины’), однако, без экспликации к какому именно Проступку – (a) или (б).

[11], [12], [13]

сдвиг от организационной стороны релевантности к прагма-семантической: первая связана с не-отступлением от темы (т. е. недопущением нарушений дискурсивной когерентности), вторая – со значимостью действий. Б. Клинтон пытается показать, что Проступки (a) и (б) не столь существенны для задач нации и что есть более насущные проблемы, из которых эксплицирована лишь одна – [12]-(2-3) (попутное задействование Постулатов Количества и Качества). Такой сдвиг представляется хотя и манипулятивным, но перспек-

тивным в речевоздействующем плане, так как связан с ценностью американской культуры 'новизна' (в данном случае, будущих действий и областей деятельности: 'новое значит лучшее' – в рамках принципа ориентационной метафоры Дж. Лакоффа [Лакофф, Джонсон 2008]).

2.3.2.4. Постулат Способа

Этот постулат касается ясности (а в предлагаемой здесь трактовке – адекватности, с коммуникативной точки зрения) представления инфо (тогда как Количество – полноты, Качество – правдоподобия, Релевантность – связности / тематического единства).

Адекватность может касаться: (А) семантической точности (выбор и экспликация значений на уровне слова, словосочетания и предложения); (Б) тектонической продуктивности (построение структур с учетом целеориентированной (речевоздействующей) организации текста).

(А) Семантическая точность как параметр адекватности текста

[1]

семантическое усиление точности: подчеркивание хронотопа для обусловливания важности и преимущества события с помощью лишь одной лексемы – троекратное *this* (сирконстантная структура (1)).

[2]

- усиление значения ядра словосочетания атрибутом *complete responsibility* (пропозиция (1)) и уступительной лексемой *still* (0);

- неясность семантики модального глагола в *I must take complete responsibility...*: то ли это моральное обязательство, то ли необходимость, диктуемая обстоятельствами (см. о различиях: [Glinert 1999]), то ли решимость (выступить с принятием на себя обязательств); то ли вообще презентация себя как ответственного должностного лица.

[3]

- усиление значения с помощью грамматического интенсификатора *did have* (5) и лексических интенсификаторов *solely, completely* (8);

- эвфемизация – слова широкой семантики (*relationship, failure, volunteer*) вместо конкретных (пропозиции (5), (7)).

[4]

усиление значения с помощью интенсифицирующей (обозначающей преемственность, т. е. стабильность) темпоральной конструкции *today — now* (1) и грамматического инверсионного интенсификатора *did I + Verb* (2).

[5]

- усиление значения с помощью интенсификаторов *even* (2-2), *deeply* – в единственной в речи стандартной формуле Из *I deeply regret that* (3);

- неопределенность референтного статуса слова *that* – о чем сожалеет оратор: о собственно Проступке как аморальном действии; о том, что действие оказалось Проступком именно президента; о том, что Проступок привел к угрозе импичмента; или о том, что о Проступке стало известно всем?

[6]

- усиление значения с помощью интенсификаторов *only* (0), *very* (3);

- фасилитация структуры Хода с помощью маркеров *first* (2), *also* (3), *too* (5).

[7]

- усиление значения с помощью интенсификаторов *real and serious* (1), *no, any* (3);

- фасилитация структуры Хода маркерами *in addition* (0), *I might add* (2).

[9]

- усиление значения с помощью троекратного использования интенсификатора *too* (1) и лексем *even* (9);

- подчеркивание с помощью во многом десемантизированных грамматических конструкций *I must put it right* (3), *I am prepared to do whatever it takes to do so* (4).

[10]

размывание конкретики значения путем аргументативной ошибки ‘неправомерное обобщение’ – *private lives* (1-2).

[11]

усиление значения с помощью контекстного (в конструкции) синтаксического интенсификатора *it is time – in fact, it is past time* (4).

[12]

усиление значения с помощью троекратного использования интенсификатора *real* в однотипной атрибутивной инфинитивной конструкции.

[13]

усиление значения с помощью троекратного использования тематически близких слов: *to turn away* (1-1), *to repair* (1-2), *to return* (1-3).

Следует добавить, что оратор не выходит за рамки официального стиля, формулирует высказывания лаконично, избегая очевидной недосказанности и руководствуясь пояснениями только когда это необходимо – однако, как представляется, необходимо не для соблюдения оптимальности общения, а для минимизации негативного отношения к нему аудитории.

(Б) Конвинсивно-тектоническая (аргументирующая) сторона речи

Конвинсивный ракурс в данном разделе рассматривается с ориентацией на синтактику и семантику, с задействованием в качестве обрамляющего слоя прагматики, но не касаясь речеактового наполнения прагматики (т. е. её понимания в духе Дж. Сёрля). Для изучения еще одного аспекта прагматики – элокутивного – требуются иные, традиционно-риторические процедуры; этот аспект выходит за рамки конвинсивного и связан с персуазивностью. Элокутивный аспект рассмотрения целесообразно использовать в случае наличия соответствующего объекта, т. е. текста, ориентированного на пафосную составляющую восприятия аудитории; это тексты, не требующие обращения к оценке взвешенности рассуждения; к ним, однако, данная речь Б. Клинтона отношения не имеет.

Прагматический аспект речи рассматривается нами в дискурсивном плане, с точки зрения целеполаганий, которые выражаются в коммуникативных стратегиях.

Стратегии речи

Макростратегия: Самооправдание.

Стратегии (с указанием Ходов, где манифестируются):

- (1) (фатическая/суперструктурная) контактоустанавливающая: [1];
- (2) констатации и экспликации: [3] – [5];
- (3) самопрезентации: [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [9]; [10]; [11]; [14];
- (4) дискредитации оппонентов: [7]; [8];
- (5) фатическая мета-стратегия поддержания контакта с семантикой ‘микросуммирование содержания’ из [7];
- (6) фатическая мета-стратегия Мостика (суммирование [9] и перспективное обращение к [11] + [12]): [10];
- (7) фатическая мета-стратегия Подытоживания: [13];
- (8) (фатическая/суперструктурная) контакто-размыкающая: [14].

Данные стратегии отражают общую картину содержания речи, но мы далее сосредоточиваемся на оценке собственно аргументативного аспекта содержания, потому что именно он напрямую связан со Способом реализации конвинсивности.

Транскрипт речи Б. Клинтона, приведенный выше, взят с разбиением на абзацы, представленным на сайте¹⁶. Внутри-абзацное разбиение на пропозиции осуществлено нами, и на его основе далее приводится структурно-семантическое представление Аргументативных Ходов (далее – АХ), границами которых, следуя калужской школе лингвистической аргументологии, мы считаем абзацы [Васильев 1994; Кулабухов 2018 и др.].

Анализ тектонико-содержательных аспектов абзацев проведен на основе выявления доказательных связей между пропозициями абзаца, где вышестоящие по вертикали компоненты ‘дерева’ соответствуют Тезисам, а нижестоящие – Доводам; при этом абзац рассматривается как отдельный АХ.

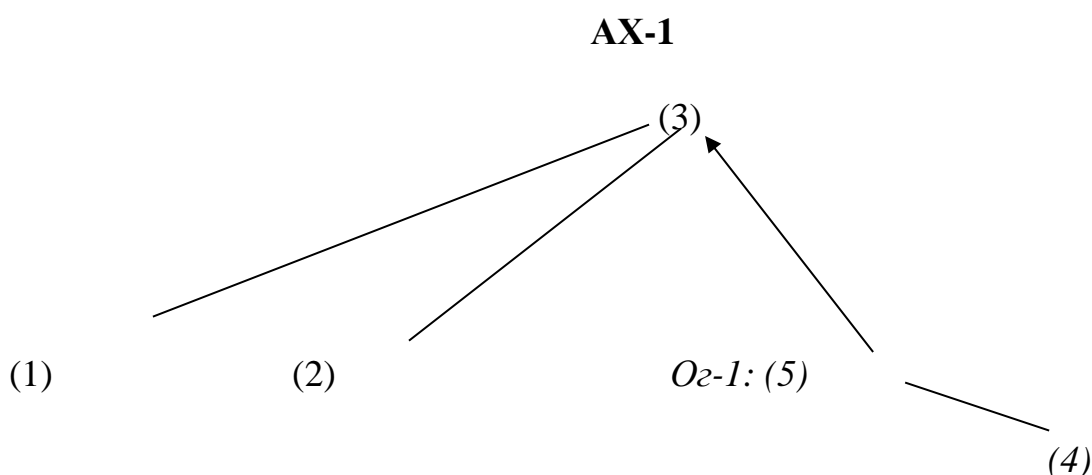
Перейдем теперь к рассмотрению аргументативного устройства текста речи. Принимаемая ниже матрично-древовидная система нотации соответствует традиционным построениям, принятым в лингвистической аргументологии (см.: [Калашникова 2009; Черкасская 2012; Мельничук 2019 и др.]).

¹⁶ <https://www.ac-journal.org/journal/vol2/Iss2/clinton1.html>

Аргументативный Ход-1

Ход АХ-1 представляет собой трехуровневую составную структуру с одним Тезисом и двумя компонентами. Первый из них (пропозиции (1), (2), (3)) является собственно аргументом и дает двухуровневую структуру. Второй компонент с пропозициями (4) и (5) представляет собой Оговорку¹⁷, располагающуюся на втором и третьем уровнях Хода. Компонент (0) является экстра-аргументным, т.е. не входит в аргумент.

Схема Аргументативного Хода-1.

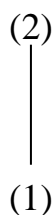


Аргументативный Ход-2

Ход АХ-2 выстроен как простая структура – он содержит два уровня (подчинительную аргументацию) и является разновидностью матричной структуры для Оговорки предыдущего Хода (Супер-Оговорка-2 (о чем свидетельствует языковой маркер *still*) для Оговорки-1).

Схема Аргументативного Хода-2.

АХ-2



¹⁷ Оговорка (Rebuttal) – это сфера действия, условия действительности Тезиса [Toulmin 1958: 98–107]

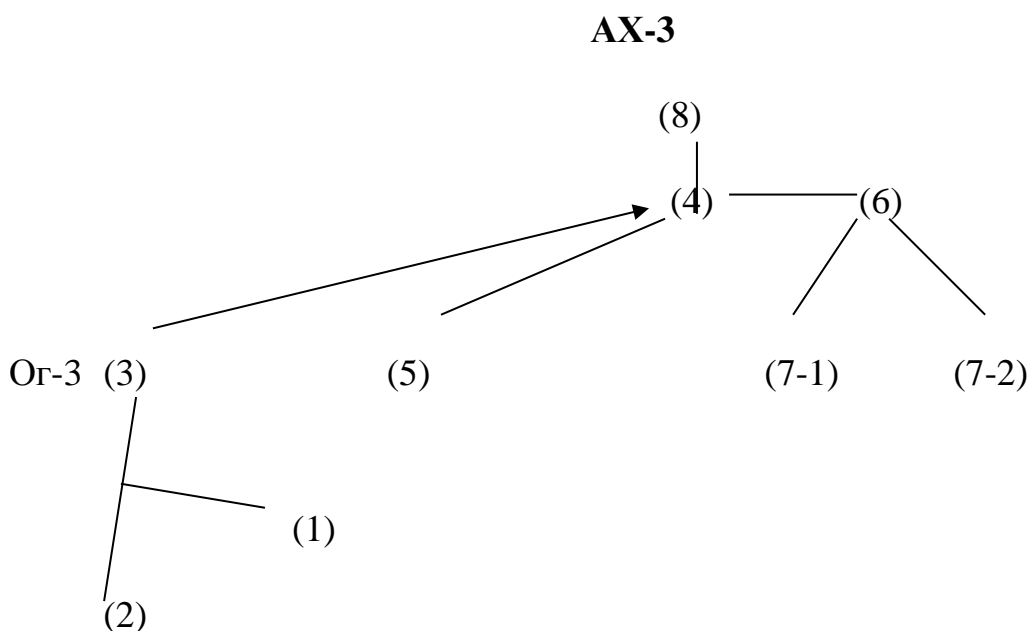
Аргументативный Ход-3

Структурно-содержательные характеристики АХ-3 существенно сложнее предыдущих Ходов. Как и АХ-1, анализируемый Ход состоит из двух компонентов – основного аргумента и Оговорки-3 (см. ее вербальный маркер *while*). Основной аргумент выстроен как трехуровневое образование. Первый (верхний) и второй уровни составляют аргумент подчинительного типа.

На втором уровне имеет место аргументативная амплификация (интенсификация), где (4) представляет собой более категоричное высказывание по сравнению с (6); поскольку их аргументная функция одна и та же, мы считаем возможным разместить эти две пропозиции на одном и том же уровне и не усматриваем между ними причинно-следственных связей.

Второй и третий уровни дают аргумент составного (конвергентного) типа, в котором пропозиции (7-1) и (7-2) не связанные общей тематикой, обосновывают пропозицию (6). Эти уровни также дают простой аргумент с взаимоотношениями между посылкой (5) и пропозицией-Тезисом (4).

Схема Аргументативного Хода-3.



Оговорка Ог-3 в данном Ходе составляет разновидность дополнительного «цокольного этажа» – четвертого уровня Хода. Третий и четвертый уровни представляют собой простой (подчинительный) аргумент с Тезисом

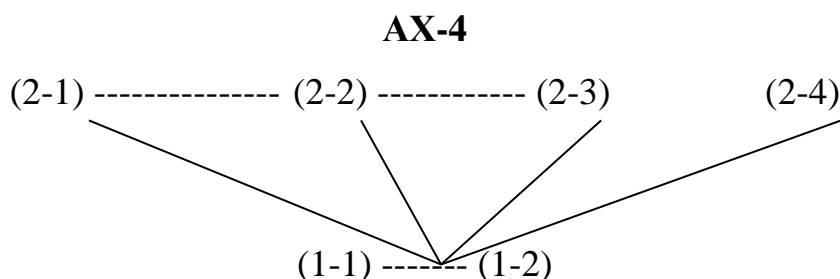
(3) и посылкой (2), а пропозиция (1) может быть расценена как эксплицитное Основание авторитета (по терминологии аргументно-функциональной модели [Toulmin 1958; Crable 1976]). Названный аргумент составляет Оговорку к Тезису (4) основного аргумента Хода.

Аргументативный Ход-4

Ход АХ-4 представляет собой супер-Оговорку (ср. ее вербальный маркер *but*) для Тезиса (8) из Хода-3. Эта супер-Оговорка-4 сама имеет аргументное строение, т. е. представляет собой своего рода возражение, или контр-аргумент локального порядка. Строение названного аргумента двухуровневое, а тип связи между Доводами и Тезисами – дивергентный, т.е. Доводы (1-1) и (1-2) в совокупности (одновременно) обосновывают Тезисы (2-1), (2-2), (2-3) и (2-4).

Отметим, что взятая нами отдельная репрезентация Тезисов (2-1), (2-2), (2-3) связана с тем, что у них разные предикаты, т.е. неодинаковые центральные элементы пропозиции при одинаковости объектного актанта *evidence*. Альтернативная репрезентация названных Тезисов как компонентов единого Тезиса также возможна, но уже на основе Довода о том, что это однородные члены предложения, составляющие сочинительную структуру.

Схема Аргументативного Хода-4.

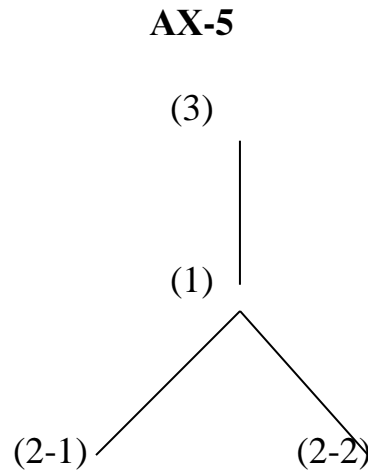


Аргументативный Ход-5

АХ-5 представляет собой двухуровневую структуру с неодинаковым строением аргументов. Аргументация между первым и вторым уровнями – это простой однопосылочный аргумент. Аргументация между вторым и тре-

ттым уровнями представляет собой двухпосылочный аргумент конвергентного типа. Компонент (0) является маркером Квалификатора.

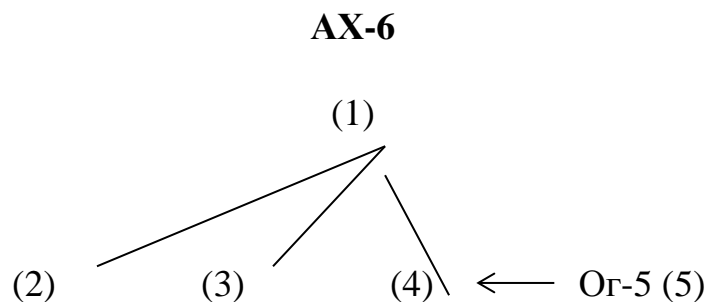
Схема Аргументативногохода-5.



Аргументативныйход-6

Ход АХ-6 является супер-Доводом для предыдущего Аргументативногохода АХ-5. В нем содержатся два компонента – основной аргумент и Оговорка Ог-5 *which has since been dismissed*. Предложение (0) *I can only tell you* есть вербальная экспликация Квалификатора как измерителя модальности Тезиса. Основной аргумент выстроен по конвергентной модели и содержит три посылки.

Схема Аргументативногохода-6.

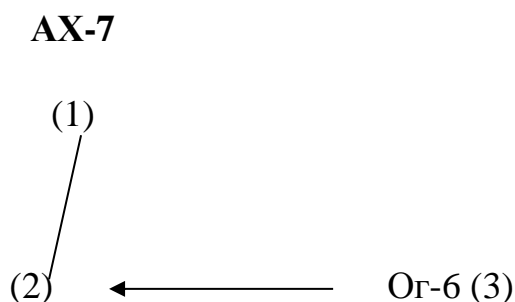


Аргументативныйход-7

Ход АХ-7 на экстра-ходовом уровне будет выполнять функцию Довода для Оговорки-5 из Хода АХ-6. На внутри-ходовом уровне разбираемый Ар-

гументативный Ход АХ-7 содержит основной аргумент (комплекс (1) + (2)) и Оговорку¹⁸ Ог-6 (пропозиция (3)).

Схема Аргументативного Хода-7.

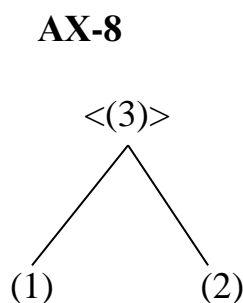


Аргументативный Ход-8

Ход АХ-8 на экстра-объектном уровне представляет собой Довод для Хода АХ-7. На интра-объектном уровне мы, по всей видимости, имеем дело с энтимемой – аргументом, в котором Тезис не выражен эксплицитно, но подразумевается; его вербализация может быть приблизительно такой: < (3) *The investigation did not prove anything and was conducted with legal violations* >.

При такой трактовке аргумент представляет собой двухуровневую конвергентную структуру с разнородными посылками (1) и (2).

Схема Аргументативного Хода-8.



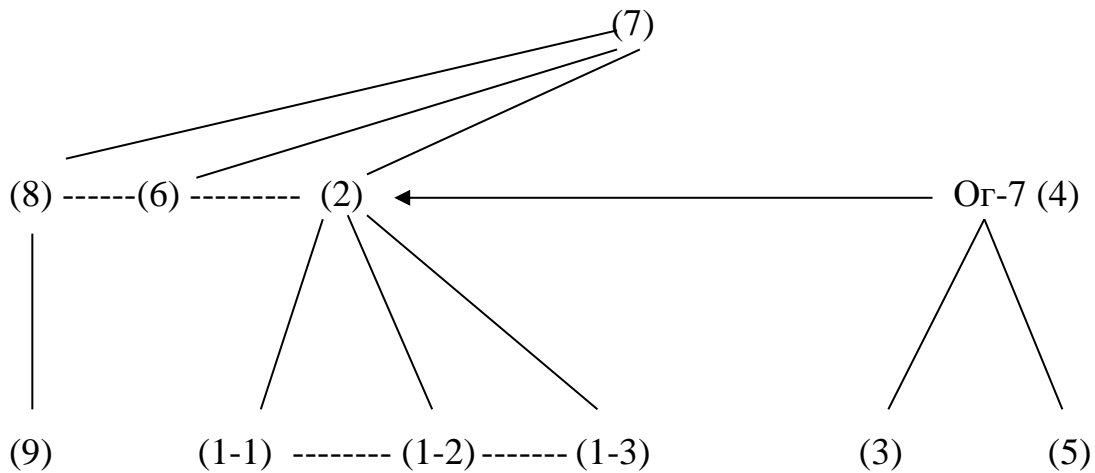
Аргументативный Ход-9

Ход АХ-9 представляет собой сложную структуру, в которой представлены разные виды аргументов. Прежде всего, в анализируемом Ходе имеется основной аргумент и Оговорка Ог-7 (комплекс пропозиций (3), (4), (5)).

¹⁸ С точки зрения речевого воздействия такая формулировка Оговорки Б. Клинтонем представляется не вполне логичной – ведь если дело «рассыпалось», о нем нет смысла беспокоиться – это лишь привлечет ненужное внимание публики и добавит сплетен.

Схема Аргументативного Хода-9.

АХ-9



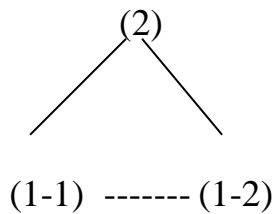
Основной аргумент является трех-уровневым и содержит простую аргументацию (комплекс пропозиций (8) + (9)) и конвергентную аргументацию (комплекс пропозиций (7) + (8), (6), (2); комплекс (2) + (1-1), (1-2), (1-3)) с сочинительной связью между посылками обоих поименованных комплексов.

Аргументативный Ход-10

Ход АХ-10 является двухуровневым образованием, составленным из трех пропозиций – двух посылок с сочинительной связью между ними и Тезиса, объединенных в единый аргумент конвергентным способом.

Схема Аргументативного Хода-10.

АХ-10



Аргументативный Ход-11

Схема Аргументативного Хода-11.

АХ-11

(4)



(3)



(2)



(1)

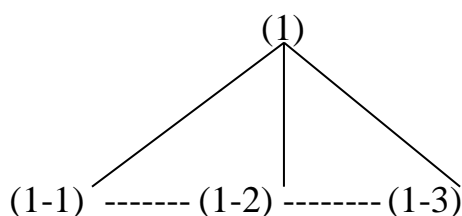
Ход АХ-11 существенно отличается от всех иных Аргументативных Ходов в разбираемом тексте по двум основаниям. Во-первых, он сугубо риторичен, потому что его Тезис (4) представляет собой переформулировку Тезиса (2) из Хода АХ-10. Во-вторых, структура АХ-11 – четырехуровневая, выстроенная на основе подчинительной аргументации.

Аргументативный Ход-12

Ход АХ-12 на экстра-ходовом уровне представляет собой Довод для Тезиса Аргументативного Хода АХ-11. На интра-ходовом уровне это двух-уровневый аргумент с конвергентной структурой и сочинительной связью между посылками.

Схема Аргументативного Хода-12.

АХ-12



Аргументативный Ход-13

Ход АХ-13 также отличается от иных Ходов.

Во-первых, он риторичен, поскольку, располагаясь в самом конце речи, представляет собой вывод из всего сказанного Б. Клинтонем ранее и поэтому может расцениваться как Аргументативный Супер-Ход.

Во-вторых, он энтимематичен (нарушение Постулата Количества) и не содержит вербально выраженных посылок: все три пропозиции Хода, по всей очевидности, являются Тезисами. Посылками к этим тезисам являются Тезисы предшествующих Аргументативных Ходов. Именно поэтому говорить о внутри-ходовой структуре представляется не вполне целесообразным.

Что касается абзаца (14) транскрипта речи, то он представляет собой компонент фатической метакоммуникации (размыкание коммуникативного контакта) и к аргументации речи прямого отношения не имеет.

Логосный структурно-функциональный анализ Из-самооправдания показал, что данная речь содержит АХ, которые: (а) по количеству уровней являются двухуровневыми (8 Ходов), трехуровневыми (2 Хода) и четырехуровневыми (2 Хода); (б) по типу структуры – конвергентны (5 Ходов), подчинительны (3 Хода), конвергентно-подчинительны (2 АХ), подчинительно-конвергентны (1 Ход), дивергентны (1 Ход).

В целом, аргументная организация речи выполнена непротиворечиво и отвечает ориентации на аудиторию и коммуникативной ситуации – аргументы относительно просты и не перегружены информацией.

2.3.2.5. К идее применения совокупности Постулатов

Подытоживая наши рассуждения о значимости рассмотрения речи-Из с позиций Принципа Сотрудничества, целесообразно обратить внимание на то, что нарушение Постулатов иногда происходит так, что их характеристику удобнее давать не отдельно по Постулатам, а в их совокупности.

Особенностью данной речи-Из Б. Клинтона является, по нашему мнению, его двойственный характер. Внешне это Из как таковое, и его произнесение перед нацией диктуется устоями политического дискурса США. С другой стороны, это Из – не покаяние, а самооправдание, с намеком на неспра-

ведливость преследования. Такой интенциональный сдвиг можно считать нарушением Постулата (прагматической) Релевантности. При этом, как уже упоминалось, нарушение может одновременно касаться и иных Постулатов (с отдельными пояснениями).

Данная речь с точки зрения Постулата Способа формально отвечает прагматическим признакам Из, по Дж. Сёрлю (см.: [Thomas 2013]): (1) позициональный акт: говорящий Г выражает сожаление С по поводу действия Д, совершенного Г-м; (2) подготовительные условия: Г верит, что Д было не в интересах адресата А; (3) условия искренности: Г сожалеет о Д; (4) существенные условия: С расценивается как извинение за Д.

Содержательный же аспект (отступление от канонического Из) можно обосновать следующими соображениями.

Во-первых, возникает сомнение в том, что речь Б. Клинтона имеет дискурсивную перформативную силу: в речи употребление перформативного глагола *apologize* вообще отсутствует, а имеющийся однократно употребленный глагол *regret* семантически не равнозначен *принесению* Из, являясь лишь одним (но не центральным) из его аспектов. Возможное возражение, что наличие перформативной формулы в Из – явление достаточно редкое вообще, едва ли можно принять, поскольку речь идет об институциональном, а не о бытовом дискурсе: президент является высшим и сугубо официальным должностным лицом, а обращение к нации в американской культуре есть официальный РЖ, предусматривающий официальную обстановку, требующую соблюдения формальных (в т. ч. вербальных) процедур. Поэтому Постулат Релевантности для аспекта Существенные условия оказывается нарушенным.

Во-вторых, не-употребление Б. Клинтонем требуемой по Постулату Способа перформативной формулы *I apologize* приводит к тому, что заменяющие формулы ослабляют принцип не-верифицируемости перформатива (делая его не прямым, а косвенным), когда употребление глагола (*I*) *apologize* не давало бы возможности усомниться в его ингерентной истинности: ведь

если человек извиняется, значит, он и на самом деле извиняется. Поэтому Условие искренности (соответственно, Постулат Качества) также оказывается нарушенным.

В-третьих, если посмотреть на пост-коммуникативную силу разбираемой речи (см. о термине: [Сусов 2009: 230–248]), то встает вопрос о том, возлагает ли на себя ее автор какие-либо обязательства. Никаких заверений неповторения Проступка президент не дает – даже в заключении речи! Это – нарушение Условия Искренности (Постулата Качества).

В-четвертых, и это также касается пост-коммуникативной силы, отмеченное в Подготовительных условиях требование о том, что действие не было в интересах адресата-аудитории (нарушение устоев пуританского американского общества – семейных ценностей), также полностью не соблюдается. Если говорящим выдвигается что-то против интересов адресата, то между ними имеет место конфликт (по крайней мере, одна из его форм, не обязательно интенсивная). Однако в речи Б. Клинтона имплицитно признаваемый конфликт преобразуется в конфликт не между ним и нацией как адресатом, а между ним и политическими соперниками (в нарушение Постулата Релевантности), на что прозрачно намекает президент. Конфликт не разрешен, как могло быть в случае использования прямого перформатива, когда конфликт замыкался бы на прямых участниках общения. В этом видится контекстная специфика дискурсного косвенного перформатива. Именно с этим, как представляется, связана стратегия дискредитации Б. Клинтонем оппонентов-обвинителей (третьих лиц в коммуникативной ситуации).

В-пятых, большая часть речи подчинена стратегии самопрезентации (а это шифтинг, т. е. нарушение Релевантности), в том числе, касающейся борьбы с политическими соперниками и стойкости в 20-летней борьбе с ними (имидж ‘решительный лидер’), а также прорисовкой магистральных линий дальнейшего поведения для нации (имидж ‘ответственный президент’). Кроме того, Из во многом ориентировано на сохранение лица адресата [Glinert 1999], и его самопрезентационный аспект – в подчеркивании уважения к лю-

дям и стремлении отвечать их ожиданиям уместности действий в институциональной ситуации (т. е. выступлении с официальным публичным Из).

В-шестых, усомниться в соблюдении Условий искренности речи (Постулата Качества) заставляет неоднократная реализация тактики ухода от ответственности с помощью языковых приемов косвенности (Постулата Релевантности и Постулата Способа в аспекте семантической точности).

2.3.3. Этосная ориентация речи-Извинения

Речь-Из Б. Клинтона представляет собой телеобращение и во многом подчинена этому медийному жанру. Телевыступление, особенно, публичное Из как субжанр обращения к нации должно быть тематически содержательным и одновременно компактным. Эти форматные требования создают особый ракурс данной публичной речи: в ней многое манифестируется тезисно, без экспликаций. Применительно к прагмалингвистическому аспекту это означает, что рече-коммуникативные стратегии реализуются не просто с помощью конкретных тактик, а в почти буквальном их выражении; они выдаются компактно и последовательно, одна за другой, и их несложно распознать (хотя и не рефлексировать) публике.

Риторические приемы, которыми в обычных условиях изобилуют публичные речи, в Из Б. Клинтона представлены сравнительно скудно и подчинены в основном аргументации: видимо, такое их ограничение диктуется соображениями не отвлекать внимание от логосно-этосной рациональности самооправдания.

Риторически рассматриваемое Из было ориентировано на логосный и частично – на этосный компоненты ситуации. Для характеристики логосного компонента (его преимущественная цель – самооправдание) мы использовали анализ речи по постулатам П. Грайса.

Этосный аспект (его цель – обретение сочувствия аудитории и регенерация социумного гомеостаза) изучается здесь на иной основе. Восстановление нарушенного социумного равновесия, связанного с подрывом доверия к

президенту, может быть осуществлено, по-видимому, на основе подчеркивания приверженности Обч и Обж (уже осмысливаемого как вся нация) единым ценностям. Такая приверженность вербализуется у Б. Клинтона в соответствующих тактиках.

В целом, рассматриваемые ниже тактики – это аллативные этосные комплексы, связанные с установкой на разные компоненты риторической ситуации. В речи Б. Клинтона нами выявлены следующие аллативные тактики (абзацы речи обозначены, как и прежде, в квадратных скобках).

[1]

- к важности ситуации (с приемом риторической тройки-амплификации *this – this – this*);
- к важности своего статуса (косвенный прием – упоминание *grand Jury, OIC*);
- к искренности и к своему мужеству.

[2]

- к личной ответственности.

[3]

- к информированности аудитории (*as you know*);
- к искренности (*I did not volunteer information; Indeed*);
- к уходу от собственной ответственности путем оценки ситуации в целом (*It was wrong* вместо *Я был неправ*);
- к ответственности (*my answers were legally accurate, personal failure; solely and completely responsible*).

Эти тактики реализуются с помощью разнообразных языковых приёмов, наиболее заметным из которых представляется приём смягчения / эвфемизации:

(а) *формальной* антонимизации на одном уровне значения: *did not volunteer* (*не предоставил добровольно / с готовностью*) ← *<revealed: скрыл>*;

(б) *формальной* антонимизации на разных уровнях значения (семантической генерализации): *not appropriate* ← <*shameful (relationship)*>;

(в) лексемной генерализации: *wrong* ← <*guilty*>;

(г) оксюморонизации (*critical lapse*¹⁹).

[4]

• к личной ответственности и собственным высоким качествам: *at no moment did I ask anyone to lie, hide or destroy evidence or to take any other unlawful action* к уважению к нации: *to you*;

• к уважению государства: *(to) grand jury*.

[5]

• к искренности: *false impression; misled people* (прием эвфемизации лексической генерализацией: *false impression* ← <*false public comment*>; *misled* ← <*deceived*>; (неопределенное количество) *people* ← <*the nation*>;

• к ценностям семьи: *even my wife*;

• к уважению к аудитории (*I deeply regret that*).

[6]

• к ценностям индивидуальности: *protect from embarrassment*;

• к ценностям семьи: *very concerned about protecting my family*;

• к сохранению авторитета государственной должности: ситуация *politically inspired lawsuit*;

• к правоте аспекта поведения: *which has since been dismissed* (дискредитация).

[7]

• к недоверию к соперникам: *an independent counsel investigation* ← <*independency of a counsel*²⁰ *investigation*> ('юридическая тяжба': по способу

¹⁹ *Lapse: a slight error* (cf.: The New Meriam-Webster Pocket Dictionary. – N.Y.: Pocket Books, 1971). Конфликт значений в словосочетании *critical lapse*: 'интенсивное – несущественное'.

²⁰ В 4-м значении это слово имеет дефиницию *lawyer* (там же).

операции переименования²¹ создает перенос на тяжбу, затеянную противниками;

- к жалости о наложении трудностей: *serious concerns about investigation of 20 years ago*;
- к собственной правоте (противоречие с предыдущей): *no evidence of wrongdoing*;
- к стабильности корректного поведения: *over 20 years ago*.

[8]

- к ценностям индивидуальности: *investigation into my private life*;
- к ценностям дружбы: *investigation into my staff and friends*;
- к нечестности оппонентов: *now the investigation is under investigation*.

[9]

- к ценности времени: *too long*;
- к ценности материальных ресурсов: *cost too much*;
- к ценности индивидуальных ресурсов и индивидуальности: *hurt too many innocent people; it is private; It's nobody's business but ours*;
- к ценности семьи: *matter between me, my family; the two people I love most – my wife and our daughter; I intend to reclaim my family life for my family*;
- к ценности Бога: *matter (between me, my family and) God*;
- к ответственности: *I am prepared to whatever it takes me to do*.

[10]

- к ценности индивидуальности: *pursuit of personal destruction; prying into private lives*;
- к патриотизму: *get on with our national life*.

[11]

- к ценности времени: *too long, distracted, time to move on; past time*;

²¹ Механизм операции переименования – «некоторые А суть некоторые Б»: [«некоторые юридические разборки суть действия, инициированные политическими противниками & некоторые действия, инициированные политическими противниками суть юридические разборки»]

- к личной ответственности: *I take my responsibility; my part.*

[12]

- к ценности деятельного образа жизни: *have important work to do;*
- к инициативности: *opportunities to seize;*
- к вере в силы индивида: *problems to solve;*
- к патриотизму: *security matters to face.*

[13]

- к несущественности проблемы: *to turn away from the spectacle of the past seven months* (с приемом уничижения);
- к единству нации: *to repair the fabric of our national discourse;*
- к прагматичности деятельности: *to return our attention to all the challenges;*
- к патриотизму: *(to) all the promise of the next American century.*

[14]

- *к уважению к аудитории.*

Предпринятый тактико-стратегический анализ показывает возможность, необходимость и важность учета ценностной составляющей при анализе целеориентированных процедур дискурса.

Таким образом, в Разделе 2.3.2 были продемонстрированы возможности методик прагмалингвистического анализа политического дискурса применительно к объекту – лично-институциональному Из, ориентированному на логосную (семантическая точность и организация аргументации) и этосную (обращение к ценностям, описанное в тактико-стратегическом анализе) сферу восприятия аудитории. Текст Из выстроен в качестве конвинсивного образования, не изобилует элокутивными средствами и, соответственно, задает возможность рефлексии над ним в подобном же ракурсе.

Прагмалингвистичность анализа осмыслена здесь, прежде всего, как ориентация на Принцип сотрудничества, которая, как представляется, во многом задает основу эффективности создания и анализа речевоздействующего

щего потенциала текста. Выявлены особенности Из, рассмотренного типа с точки зрения постулатов Количества, Качества, Релевантности и Способа.

Анализ этосной ориентации дал картину ценностных ориентаций речи, которые призваны поправить нарушенный имидж президента, а вместе с ним – по возможности, восстановить социумный баланс.

Анализ эффективности организации рассуждения и целеориентированности РВ, использующий разные методики научного анализа, дает и несовпадающие ‘портреты’ дискурса, что говорит: (а) о возможной вариативности методик изучения дискурса; (б) о перспективности их релевантного применения, поскольку они дают интересные и разносторонние результаты при изучении разных семиотических сторон дискурса; (в) о принципиальной неконечности применения аналитических процедур с целью получения более широкой картины характеристик дискурса.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ ВТОРОЙ

В исследовательской главе методики анализа выбирались в соответствии с принципом стремления к оптимальному раскрытию их потенциала в соответствии с объектом и предметом анализа. Последовательность рассмотрения типов Из определялась как прагматическими, так и риторическими факторами.

Сначала была изучена ситуация базисного Из, когда оно составлялось в ответ не только на ощущаемую потребность и мнение общественности (это характерно для всех типов политического Из), но и на официальный запрос от государственных органов; оно носило характер респонсивного монолога, не являющегося инициативным. В риторическом плане это Из было ориентировано на этосный и – меньше – на логосный компонент ситуации; в соответствии с этим анализировалась представленность в речи компонентов извинительного комплекса, связанного с институциональным лицом извиняющегося, а также вербализации, обеспечивающие логосную часть. Оно сочетало в

себе элементы всех трех риторических жанров – судительного, совещательного и церемониального.

Затем был проведен анализ Из монологического порядка, не респонсивного по лингвистическому характеру. Это Из было выполнено в режиме преимущественно церемониального жанра и имело выраженную логосно-пафосно-этическую ориентацию. Логосный (конвинсивный) компонент был изучен нами на основе методики риторических периодов, которую можно было применить, учитывая экспозитивный, не-доказывающий характер речи. Пафосный (персуазивный) компонент проанализирован в главе на основе традиционных методик стилистического анализа. Этический компонент связан с извинительным содержательным комплексом, но характер представленности его компонентов не повторяет того, что было выявлено в респонсивном Из. Пафосный и этический компоненты речи тесно связаны и поэтому проанализированы в главе в совокупности.

Эти два текста представляли собой делегированное Из, когда оратор представлял организацию и лишь затем, в существенно меньшей мере – себя; сами же Проступки были совершены другими институциональными субъектами и задолго до принесения Из.

Третий тип речи носил также не-респонсивный характер, и его особенность в том, что оратор являлся непосредственным Обч; при этом Обж был не объект воздействия, а общественность – именно в силу институционального положения Обч, как представителя власти; поэтому данное Из и рассматривается в одном ряду с предыдущими. Потребность же рассмотрения данного типа Из диктовалась сравнительно высокой представленностью и значимостью для институционального имиджа тематики аморального поведения в публичных выступлениях политиков США.

Риторически это Из было ориентировано на логосный и частично – на этический компоненты ситуации. В соответствии с авторским логосным ориентационным приоритетом мы использовали анализ соблюдения постулатов кооперативного общения, где в рамках одного из постулатов отдельное вни-

мание уделили структурно-аргументативной специфике организации речи и качеству ее рациональности. Этический компонент речи был представлен не в собственно извинительном, а в самооправдательном комплексе, что говорит о данном типе Из как о выполненном в режиме, приближенном к судительному дискурсу.

Использованные исследовательские методики политического анализа институционального Из, продемонстрировали свою эффективность, но не в совокупности, а избирательно – отдельно в отношении каждого конкретного типа Из. Поэтому их выбор при анализе Из должен предваряться изучением коммуникативной ситуации и целей приносящего Из.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научное рассмотрение Из имеет длительную традицию, восходящую еще к Др. Греции и успешно развивающуюся в западных (философия, социология, социопсихология, лингвистика) и отечественных (преимущественно, лингвистика) исследованиях.

Проблема Из, изучаемая в современной научной литературе, решается по-разному в разных дисциплинах, однако общепринятым считается необходимость фиксировать содержательные компоненты Из. Важнейшие из них можно разделить на деятельностные (Проступок, Вина, Вред, Сожаление, Раскаяние, Репарации и др.) и субъектные (Обидчик, Обиженный, Аудитория, Третьи лица).

При этом Из как речевой жанр целесообразно рассматривать в коммуникативном континууме, опираясь на его принципиально диалогическую природу. Участники диалогической ситуации могут реализовывать этот тип общения в разных режимах и поэтому в диссертации дано описание такой реализации в двух ракурсах: (а) индивидуальных и коллективных Из; (б) коммуникативно-блоковом, когда берётся спецификация участников с точки зрения 'продуцент – реципиент' и разделяются ситуации Один – Один, Один – Многие, Многие – Один, Многие – Многие.

В литературе ракурса (а) принимается за исходный, и коллективные Из описываются обычно на основе наличия / отсутствия в них свойств индивидуальных, а из находящихся – того, в какой мере эти свойства одинаковы или различны для этих двух типов Из. Ракурс (б) специфичен в том отношении, что физически протагонистом речевого обмена является единичный субъект, но функционально он может представлять как себя лично, так и коллектив; тем самым протагонист 'Многие' в ситуации Из – это, как правило, функциональный (метонимический) конструкт.

Диалогичность ситуации Из проявляется также в отношении специфики протагонистической функции: Из осуществляется за Проступок, совершенный субъектом ранее момента Из. Тем самым, стимул Из физически со-

относится с Обч. Однако этот стимул, будучи осмыслен Обж, превращается из физического в коммуникативный, когда от Обж прямо или имплицитно поступает запрос на Из. Прямой запрос может осуществляться в устной или в письменной форме. Усложнение коммуникативного стимула происходит тогда, когда запрос инициируется и / или осуществляется третьими лицами, которые функционально принимают на себя роль протагониста. Для приносящего Из (который так же может оказаться субъектом с делегированными полномочиями, т.е. не совпадать с Обч) это означает усложнение коммуникативной ситуации реализации Из, поскольку он должен отреагировать не только на саму оценку Проступка, но и на претензии к Обч со стороны названных третьих лиц. Такое усложнение функций весьма характерно для публичных политических Из.

В политических Из роль протагониста, как правило, предстает в ориентации на его функциональные характеристики; поэтому этосные качества оратора трактуются в диссертации в соответствии с западной риторической традицией – как авторитет ратора и его свойства, большинство из которых предстают в институциональном аспекте (например, как типажные свойства политика). Поэтому Из за любой Проступок расценивается как связанное со статусом говорящего: высокопоставленный политик не может действовать вне политического имиджа. Поэтому в диссертации принимается, что Проступок, совершенный политиком лично, имеющий или не имеющий отношение к собственно политической деятельности, расценивается аудиторией с этосной точки зрения так же, как Проступок, совершенный коллегиальным органом, а не лично субъектом. Именно с этим связано рассмотрение нами Из за адюльтер, которых в жанре публичного политического Из немало количество.

В диссертации детально рассмотрены трактовки Из в фундаментальных зарубежных трудах (Н. Тавучис, А. Лазар, Н. Смит, О. Бойер), но особую значимость представляет раскрытие лингвистических признаков этого жанра. В зарубежных работах (преимущественно, статьях) акцент делается на со-

циособытийных и культурологических, а также сущностных и речеактовых признаках. В отечественных, опирающихся преимущественно на социointеракционистскую прагматику, проанализировано Из с точки зрения дискурсивного, речеактового, интерактивного, алгоритмового и эмотивного моделирования, с позиций контекстной реализации и речевого этикета.

На основе анализа имеющихся подходов в теоретической части диссертации были установлены общие сущностные характеристики Из как речевого жанра. Их дальнейшее рассмотрение проведено с точки зрения двух суперфакторов, определяющих Из – субъектного и объектного. В субъектном охарактеризован фактор моральной составляющей коммуникантов (необходимые и достаточные условия принесения Из), интерактивный и социумный, уточнены характеристики параметров ‘Один’ и ‘Многие’. В рамках объектного супер-фактора Из охарактеризованы факторы темпоральной ориентации и ритуальности. Даны характеристики симбиотической целостности субъектного и объектного суперфакторов Из с выделением шести типов действий: референтного; референтно-оценочного; инициативного; инициативно-реализационного; респонсивно-интеракционального; респонсивно-посткоммуникативного.

Поскольку личное Из обычно считается примарным для иных типов, мы характеризуем его отдельно с точки зрения его ингерентных параметров – Раскаяния, принятия Ответственности, оценки Проступка, признания Вреда, обещания Неповторения Проступка и предложения Репараций. Эта характеристика дана с позиций концепции коммуникативных установок, чего, в отличие от общей характеристики этих параметров, в литературе ранее не проводилось. В нашей характеристике важны два параметра (‘похвала существующей системе управления’ и ‘оптимальная вербализация’), которые, оцененные с установочных позиций, выводят ее в описание публичного Из.

Поскольку с контекстной точки зрения Из весьма разнообразно, для подробного анализа были выбраны три его типа: респонсивное (с наличием вербализованного стимула) за политическое деяние; не-респонсивное за по-

литическое деяние; не-респонсивное за моральное деяние. Все эти Из принесены высокопоставленными американскими политическими деятелями в режиме 'Один – Много'. Два первых Из касались Проступков, совершенных не чиновниками, приносящими Из, т. е. выполнены в режиме делегированных полномочий, хотя и по поводу разной степени ответственности: президенту Б. Клинтону было вменено в вину (как побочный Проступок) затягивание с принесением Из, К. Говеру лично ничего в вину не вменялось. Третье Из касалось Проступка, совершенного президентом Б. Клинтоном лично.

Респонсивное Из как монологическая часть диалогового этносоциологического извинительного комплекса было референтно ориентировано на геноцид негритянского населения, осуществленный косвенно, путем проведения медицинского эксперимента над людьми без их согласия. Помимо указанного акционального фактора референтность касалась и вербального послания от специального комитета Конгресса, требовавшего выполнения условий по репарациям. Оба названных аспекта были учтены в речи Б. Клинтона, при этом сама речь построена как содержащая элементы судительного, совещательного и церемониального жанров, что допускало наличие собственно извинительного компонента и прагматического стратегического компонента самопрезентации (демонстрации не только эффективных, но и ряда инициативных действий по Репарациям). Одна из методик исследования этого Из была связана с задачами установления наличия и способов представления автором сущностных компонентов Из в речи, другая – с выявлением и анализом способов манифестирования самопрезентационных моментов.

Установлено, что конститутивные компоненты (тактики) собственно Из представлены в речи Б. Клинтона весьма подробно (их выявлено семь), но способ их представления имеет мало общего с принципом линейности: извинительные тактики представлены в речи неравномерно, с разбросом по всему ее тексту. Такая представленность компонентов Из названа 'пульсированием пауз связности'. Явление пульсирования, как представляется, связано с риторическими принципами ассоциации и диссоциации, которые, на наш взгляд,

предусматривает возможность не только совокупного, но и отдельного функционирования элементов в составе системы, которое не приводит к ее разрушению; соответственно, появляется возможность и отдельного (но системно-ориентированного) рассмотрения этих элементов.

Так представлены тактики Репарации и Похвалы существующему управлению (с приматом ассоциативности, т. е. поабзацно-соседнего ее расположения), Раскаяния (с ассоциативной представленностью в начале и диссоциативной – далее по тексту), признания Вреда (с равномерным чередованием ассоциации и диссоциации), принятия Ответственности и Стыда (примат диссоциации), Разъяснения (максимальная диссоциация по абзацам).

Что касается не-извинительных стратегий и тактик, то примарная стратегия в речи – самопрезентационная, а с ней связана стратегия единения. Последняя реализуется в 7 тактиках – похвалы, ценностей семьи, социумной конгломерации, обращения к авторитету, шуток, коррекции, благодарения. Стратегия самопрезентации манифестирована с помощью 14 тактик – экспликации (ответственности, причин Проступка, изменений), честности, похвалы, экспликации бенефицианта, условий успеха, приверженности общим ценностям, обращения к жалости, призыва, противопоставления, оценки, похвалы, ответственности, социумной конгломерации, угрозы.

Способ представленности вспомогательных тактик отвечает принципу диссоциации – в 5 абзацах установлено наличие нескольких самопрезентационных тактик (а в 4 – по одной); стратегия единения, напротив, отвечает принципу ассоциации, реализуясь компактно в первых трех абзацах, каждый из которых содержит по нескольку тактик. При этом манифестационно стратегии единения и самопрезентации друг на друга не накладываются.

Не-респонсивное Из-покаяние было выполнено в основном в церемониальном риторическом жанре. Оно проанализировано в диссертации по методикам структурно-содержательного и риторико-стилистического плана, что соответствует направленности речи.

Построение Из предусматривало конвинсивность не-состязательного плана, касающуюся рациональной экспозиции действий, поэтому для его содержательного рассмотрения были выбраны методики, не связанные с аргументативным, но предусматривавшие макроструктурный и периодный анализ. Помимо этого, речь К. Говера носила персуазивный характер, который проанализирован с традиционно-риторической (элокутивной) точки зрения.

В речи было выявлено 12 макроструктур, которые включают как собственно извинительные (в основном), так и организационные комплексы. Макропропозиции в макроструктурах представлены в виде семантических комплексов количественно неравномерно, но установить какую-либо содержательную закономерность здесь не удалось.

Конвинсивный анализ по риторическим периодам проведен в соответствии с авторской коррекцией описания этой методики в риторической литературе. Для разбора взято 5 типов риторических периодов – причинный, сопоставительный, родо-видовой, временной и локалистический, представленность которых в речи оказалась весьма неодинаковой. Наиболее частотно представлены причинный и родо-видовой типы, что связано, как представляется, с экспликативным характером развертывания текста.

Потребность персуазивного анализа была связана с пафосным характером данной речи-Из. Разбор был ориентирован на усмотрение в тексте речи риторических приемов, разделенных предварительно на стилистические (описанные в традиционных риториках) и не-стилистические. К первым отнесены тропы и фигуры (в речи выявлены аллегория, антитеза, усиление, метафора, метонимия, прозопопея; эвфемизм; аллитерация, этимологическая фигура; анадиплосис, анафора, параллелизм; анастрофа, инверсия, эллипсис). Ко вторым причислены найденные в речи аллативы, дедукционная экспозиция, опровержение контраргумента, спецификаторы периодов (диады, триады и т.д.), комплимент, культурные ценности.

При этом ход анализа предусматривал установление риторических средств не в хаотичном порядке, а в пределах обнаруженных компонентов

Из, которые были представлены для этого вида анализа не в подробном (как при макроструктурной репрезентации), а в сгруппированном виде: признание Проступка; Разъяснение; нравственные аспекты извиняющегося; Репарации. Это позволило получить операбельную картину, не обладающую излишней для целей анализа дробностью, но дающую зримое представление о персуазивном наполнении речи.

Не-респонсивное Из-самооправдание президента Б. Клинтона произнесено от его имени как непосредственного виновника в Проступке; коммуникативная ситуация не предполагала сочувствия аудитории к Обч, и речь выстраивалась им конвинсивно, апологетически, что в таких неблагоприятных условиях достигалось рядом приемов, эффективность которых в диссертации проанализирована на основе Принципа Сотрудничества П. Грайса.

Обращение к постулату Количества позволило определить аспекты полноты информации в речи, т. е. степень её прагматической и семантической достаточности. Постулат Качества помог установить параметры правдивости высказываний автора текста. С помощью постулата Релевантности было выявлено, насколько эффективно была проведена автором ориентация на адресата и в какой мере использовались манипулятивные подмена понятий, нелогичность и семантический сдвиг по компонентам Проступка.

Постулат Способа использован в анализе как основной для определения адекватности речи. Адекватность рассмотрена с позиций семантической точности, тектонической продуктивности речевоздействия и прагматической эффективности дискурсной организации. Семантическая точность исследована с позиций средств ее усиления, возможностей устранения референциальных и структурных неясностей. Конвинсивно-тектоническая продуктивность рассмотрена как логосная (аргументирующая) сторона речи, призванная опровергнуть обвинения: выявлена система Аргументативных Ходов с точки зрения их уровневого структурно-семантического наполнения: Ходы описаны по количеству аргументных уровней (двух-, трех- и четырехуровне-

вые) и по типу структуры (дивергентные, конвергентные, подчинительные с подтипами).

Также речь была изучена с точки зрения этосно-ориентированных тактико-стратегических средств. Макростратегия самооправдания реализована с помощью фатических (контактоустанавливающей, поддерживающей, мостичной, подытоживающей, размыкающей) и не-фатических (констатации и экспликации, самопрезентации, дискредитации) стратегий. Выявлены аллативные тактики и приемы их реализации, ориентированные на акцентирование приверженности автора общим с аудиторией ценностям, ориентированным на устранение противопоставления 'свой – чужой'.

Набор методик, использованный в настоящем исследовании, продемонстрировал их принципиальную применимость к анализируемому предмету и выбранному объекту. Однако этот спектр методик не претендует на окончательный или безусловный характер: дальнейшие изыскания могут показать большую или меньшую их пригодность в отношении к имеющемуся разнообразию извинительных речей. Помимо этого, вполне возможна эффективность и иных лингвистических техник анализа Из.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакимян С.С. Влияние контекстуальных факторов на восприятие прагматики извинения в английском и русском языках: дис ... канд. филол. наук / 10.02.20. Нижневартовск: Нижневартовский гос. гуманитарн. ун-т, 2011. 235 с.
2. Аверкиева М.С. Семантическое и концептуальное пространства русского этикета: дис ... канд. филол. наук / 10.02.19. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2009. 223 с.
3. Артамонова Е.В. Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Казань: Казанский гос. ун-т, 2008. 191 с.
4. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Ленинград: Ленинградский гос. ун-т, 1990. 87 с.
5. Богин Г.И. Типология понимания текста: учебное пособие. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1986. 85 с.
6. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания. Калуга; М.: Ин-т психологии РАН, 1994. 222 с.
7. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: дис. ... докт. филол. наук / 10.02.21. Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 1999. 251 с.
8. Васильев Л.Г. Проблема речевого воздействия: отечественные и зарубежные подходы. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2016. 152 с.
9. Власова А.В. Речевые клише французской разговорной речи в коммуникативно-прагматическом аспекте: фреймы фрагмента входа в общение: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.05. Н. Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т, 2008. 177 с.
10. Газизов Р.А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре: дис. ... докт. филол. наук / 10.02.04. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2011. 395 с.

11. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
12. Давыдова Т.А. Речевой акт упрека в английском языке: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т, 2003. 161 с.
13. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 308 с.
14. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Языки славянской культуры, 2010. 597 с.
15. Демченко Е.В. Семантико-синтаксические средства выражения категории вежливости в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Ростов-н/Д: Южный федеральный ун-т, 2007. 168 с.
16. Дженкова Е.А. Стыд и вина // Антология концептов / Ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2006. Т.3. С. 230–247.
17. Доброва Т.Е. Слитные речевые акты при реализации различных установок говорящего в английской диалогической речи: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. СПб: С-Петербургский гос. ун-т, 2004. 183 с.
18. Еемеерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях: теоретическая модель анализа дискуссий, направленных на разрешение конфликта мнений. СПб.: Foris; Нотабене, 1994. 239 с.
19. Ерохина Е. В. Публичное извинение государства: российский и зарубежный опыт // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты. Челябинск: Челябинский филиал Российской академии нар. хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, 2018. С. 60–63.
20. Зализняк А.А. О семантике сожаления // Прагматика и проблемы интенциональности / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С. 189–213.

21. Иванова Д.В. Речевые способы преодоления конфликта: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2010. 182 с.
22. Иванова Е.А. Лексические пограничные маркеры минимальности диалогических единиц: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.21. М.: Московский гос. ун-т, 1999. 169 с.
23. Ивановский Д.Ю. Дефиниционное описание глаголов извинения в русском языке // Вопросы романо-германской и русской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Грамматика. Лингводидактика. Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 1996. С.154–157.
24. Ивановский Д.Ю. Сопоставительное описание глагольных средств выражения извинения в английском и русском языках: дис... канд. филол. наук / 10.02.04. Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 1999. 177 с.
25. Имас А.В. Выражение благодарности в немецком языке: на материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX вв.: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 172 с.
26. Калашникова С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2007. 198 с.
27. Карманова С. В. Об особенностях исторических изменений жанра покаяния // Язык и социальная динамика. Красноярск: Сибирский гос. ун-т науки и технологий, 2014. С. 23–28.
28. Ключев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М.: ПРИОР, 2001. 271 с.
29. Ковалева Н.А. Жанровая природа извинения в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 34–37.
30. Котелевская Э.И. Монологический аспект любовного дискурса: опыт содержательного анализа: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2016. 242 с.

31. Кошкарова Н. Н. Публичное извинение как жанр интернет-коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 62–67.
32. Кошкарова Н.Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // Жанры речи. 2020. №3 (27). С. 214–221.
33. Крюкова Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2000. 162 с.
34. Кулабухов Н.В. Интенсивность речевого воздействия в социально-политических дебатах: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2018. 246 с.
35. Кульнина Е.А. Способы вербализации контактоустанавливающей функции в современном немецком языке: дис ... канд. филол. наук / 10.02.04. Саранск: Мордовский гос. ун-т, 2002. 193 с.
36. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2008. 254 с.
37. Лакофф Р. Прагматика публичного извинения // Жанры речи. 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 183–192.
38. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2003. 315 с.
39. Ли С. Концепты «благодарность» и «извинение» в языковой картине мира русских: с точки зрения носителя китайского языка и культуры: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2006. 164 с.
40. Лисенко М.В. Место стратегий извинения в гармонизации межличностных отношений: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. СПб: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 1999. 214 с.

41. Литвинова В.А. Лингвопрагматическая специфика сценарности извинения в английской коммуникативной культуре: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2015. 210 с.
42. Лопатина Ю.Д. Метадиалоговый дискурс: описание феномена, структуры и функции: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. М.: Военный ун-т, 2003. 209 с.
43. Лунева В.В. Речевой этикет как гиперсемиотическое образование: лингвопрагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Ростов-н/Д: Южный федеральный ун-т, 2011. 171 с.
44. Луцева О.А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох, конец XIX – первая четверть XX века: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Таганрог: Таганрогский гос. пед. ин-т, 1999. 152 с.
45. Маслова В. А. Покаяние: жизнь человека, деятельностный концепт или жанр? // Жанры речи. 2016. № 1. С. 94–99.
46. Мельничук Н.В. Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе (на материале парламентских дебатов в бундестаге): дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2019. 184 с.
47. Минаева Н.А. Речевой жанр извинения в речи детей младшего школьного возраста: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. – Таганрог: Таганрогский гос. пед. ин-т, 2012. 242 с.
48. Мосейко А.А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2005. 197 с.
49. Науменко М.Г. Трилог как структурно-семантическое и коммуникативное единство: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Ростов-н/Д: Пед. ин-т Южного федерального ун-та, 2012. 182 с.

50. Неустроева С.Е., Васильев Л.Г., Васильева М.Л. К оцениванию существенных характеристик дебатов // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2020. Т. 28. Вып. 3. С. 455-461.
51. Нуриева Г.Р. Этикетные рече-поведенческие тактики в переводах русских художественных текстов XX века на английский и татарский языки: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Казань: Приволжский федеральный ун-т, 2012. 174 с.
52. Петров О.В. Риторика. Учебное пособие для студентов юридических вузов. М.: Профобразование, 2001. 423 с.
53. Плетнева Е.А. Коммуникативно-прагматический диапазон формул извинения в британской языковой культуре: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2009. 264 с.
54. Плотников В.В. Координационная природа речевых актов: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. М.: Военный ун-т, 1999. 151 с.
55. Погорелова И.В. Функционально-семантические свойства адверзивных реплик в диалоге: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. 191 с.
56. Постоечко И.А. Ситуация несогласия / отказа в динамике английской речи: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ун-т, 2001. 185 с.
57. Ратмайр, Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
58. Реукова Н.В. Лексико-грамматические средства выражения вежливости в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. М.: Московский гос. ун-т, 2005. 183 с.
59. Сальникова О.Е. Комбинированные речевые акты в англоязычном дискурсе: функционально-семантический и лингвокультурный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – М.: Московский гос. лингв. ун-т, 2003. 373 с.

60. Симонова С.О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Тамбов: Тамбовский гос. тех. ун-т, 2011. 207 с.
61. Сеницына А.Н. Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. С.-Петербург: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2005. 223 с.
62. Сковородина С.В. Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе: концепты «благодарность» и «извинение»: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. С.-Петербург: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2004. 219 с.
63. Стрибижев В.В. Речевые клише в английском языке: метакоммуникативная функция: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Тула: Тульский гос. пед. ун-т, 2005. 191 с.
64. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. 272 с.
65. Сухарева О.Э. Западная риторическая традиция и проблема убедительности монолога (на материале публичной речи): дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2009. 202 с.
66. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций: на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. 280 с.
67. Тельминов Г.Н. Коммуникативные тактики вежливости в американской и российской Интернет-рекламе: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2013. 302 с.
68. Толкачева Т.И. Эмоционально-прагматический компонент коммуникативного поведения в ситуации «признание вины» (на материале англо-

- язычной прозы): дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Волгоград: Волгоградская академия государственной службы, 2009. 227 с.
69. Топка Л.В. Прагма-семантическая категория некатегоричности в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т, 2000. 168 с.
70. Третьякова, В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2003. 301 с.
71. Трофимова Н.А. Актуализация компонентов смысла высказывания в экспрессивных речевых актах (на материале современного немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук / 10.02.04. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2009. 420 с.
72. Туфанова Ю.В. Коммуникативная ситуация извинения: когнитивно-прагматический подход: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т, 2010. 205 с.
73. Цюра С.В. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний-извинений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / 10.02.04. Киев: КГУ, 1994. 24 с.
74. Черкасская Н.Н. Стратегии и тактики в апеллятивном речевом жанре: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2009. 201 с.
75. Чудинов А.П. Теория метафорического моделирования действительности на современном этапе развития // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т. 2000. Т. 5. С. 94–101.
76. Шафаги М. Извинение в русском речевом поведении: с позиции носителя персидского языка: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2011. 216 с.
77. Шилова С.В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации: на материале английского языка: дис. ...

- канд. филол. наук / 10.02.04. С-Петербург: С-Петербургский гос. ун-т, 1998. 220 с.
78. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–99.
79. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 76–111.
80. Щербакова И.А. Структура концепта «извинение» в русском национальном сознании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 107–110.
81. Щербинина И.В. Коммуникативная сущность обращений как средства общения в языкознании: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. 167 с.
82. Abadi, A. The Speech Act of Apology in Political Life // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. No. 3. P. 467–471.
83. Austin, J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962. 174 p.
84. Austin, J.L. Philosophical Papers / Ed. by J.O. Urmson, G.J. Warnock. London: Oxford University Press, 1970. 287 p.
85. Barnlund, D. C., Yoshioka, M. Apologies: Japanese and American Styles // International Journal of Intercultural Relations. 1990. Vol. 14. P. 193–206.
86. Bartels, W.K. The Stormy Sea of Apologies: California Evidence Code Section 1160 Provides a Safe Harbor for Apologies Made after Accidents // Western State University Law Review. 2000/2001. Vol. 28. P. 141–157.
87. Bellachhab, A. Construction du sens dans les interactions verbales en classe de FLE : le cas de l'excuse en contexte marocain. Thèse de doctorat: Sciences du langage: Université de Nantes, 2009. 292 p.
88. Bennet, J. Clinton Admits Lewinsky Liaison to Jury; Tells Nations 'It was Wrong,' but Private // The New York Times, August 19, 1998.

89. Benoit, W. L. Sears' Repair of Its Auto Service Image: Image Restoration Discourse in the Corporate Sector // *Communication Studies*. 1995. Vol. 46. Nos.1&2. P. 57–72.
90. Blair, C. From "All the President's Men" to Every Man for Himself: The Strategies of Post-Watergate Apologia // *Central States Speech Journal*. 1984. Vol. 35. No. 4. P. 250–260.
91. Blanchard, K., McBride, M. *The One Minute Apology*. New York: Harper Collins, 2003. 133 p.
92. Blatz, C., Schumann, K., Ross, M. Government Apologies for Historical Injustices // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30. No. 2. P. 219–241.
93. Blum-Kulka S., Olshtain, E. Requests and Apologies: A Cross-Cultural Study of Speech Act Realization Patterns (CCSARP) // *Applied Linguistics*. 1984. Vol. 5. P. 196–213.
94. Borkin, A., Reinhart, S. 'Excuse Me' and 'I'm Sorry' // *TESOL Quarterly*. 1978. Vol. 12. P. 57–70.
95. Boyer, A.R. Lifting 'The Long Shadow': Kategoria and Apologia in the Legacy of the Tuskegee Syphilis Study: PhD Dissertaion. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2010. 261 p.
96. Brinson, S. L., Benoit, W. L. Attempting to Restore a Public Image: Dow Corning and the Breast Implant Crisis // *Communication Quarterly*. 1996. Vol. 44. No. 1. P. 29–41.
97. Brown, P. Levinson, S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. New York: Cambridge, 1987. 360 p.
98. Bryant, N. Ordeal of Australia's Child Migrants // *BBC*. 2009. November 15.
99. Bumiller E., Schmitt, E. Bush Apologies for Iraq Abuse: Backs Rumsfield // *New York Times*. 2004. May 7.
100. Butler, S.D. (1972). The Apologia, 1971 Genre // *Southern Speech Communication Journal*. 1972. Vol. 32. No. 3. P. 281–289.

101. Cohen A., Olshtain, E. Comparing Apologies Across Languages // Scientific and Humanistic Dimensions of Language / Ed. by K. Jankowsky. Amsterdam: Benjamins, 1985. P. 175–183.
102. Cohen A.D., Olshtain E., Rosenstein D.S. Advanced EFL Apologies: What Remains to be Learned? // International Journal of the Sociology of Language. 1986. No. 62. P. 51–74.
103. Cohen, A., Olshtain, E. Developing a Measure of Socio-Cultural Competence: The Case of Apology // Language Learning. 1981. Vol. 31. P. 113–134.
104. Cohen, J.R. Advising Clients to Apologize // Southern California Law Review. 1999. P. 1009–1069.
105. Coulmas, F. ‘Poison to Your Soul’: Thanks and Apologies Contrastively Viewed // Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech / Ed. by F. Coulmas. Berlin: Mouton de Gruyter, 1981. P. 69–91.
106. Crable, R.E. Argumentation as Communication: Reasoning with Receivers. Columbus (Ohio): Bell, 1976. 276 p.
107. Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies / Ed. by S. Blum-Kulka, J. House, and G. Kasper. Norwood, NJ: Ablex, 1989. ix, 300 p.
108. Darby, B., Schlenker, B. Children’s Reactions to Apologies // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. Vol. 43. P. 742–753.
109. Darby, B., Schlenker, B. Children’s Reactions to Transgressions: Effects of the Actor’s Apology, Reputation and Remorse // British Journal of Social Psychology. 1989. Vol. 28. P. 353–364.
110. Dascal, M. Pragmatics and the Philosophy of Mind. Vol. 1. Thought in Language. Amsterdam etc.: Benjamins, 1983. 207 p.
111. Daussaint-Donaux, I. Pardon, un parcours de l'excuse au reproche // URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4455041>.
112. Davis, P. On Apologies // Journal of Applied Philosophy. 2002. Vol. 19. No. 2. P. 169–173.

113. Downey, S.D. The Evolution of the Rhetorical Genre of Apologia // Western Journal of Communication. 1993. Vol. 57 (Winter). P. 42–64.
114. Drescher, M.. Entre routine conversationnelle et marqueur de discours: les usages de *pardon* dans certains français africains // SHS Web of Conferences 46, 2018. Congrès Mondial de Linguistique française – CMLF 2018.
115. Edmondson, W.J. On Saying You're Sorry // Conversational Routine: Exploration in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech / Ed. by F. Coulmas. New York: Mouton, 1981. P. 273–288.
116. Eemeren, F.H. van, Grootendorst, R., Snoeck Henkemans, F. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah (N.J.): Erlbaum, 1996. 424 p.
117. Engel, B. The Power of Apology: Healing Steps to Transform All of Your Relationships. New York: Wiley, 2001. xi, 253 p.
118. Flemming, E.B. When Sorry is Enough: The Possibility of a National Apology for Slavery // The Age of Apology: Facing up to the Past / Ed. by M. Gibney et al. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. P. 99–101.
119. Foucault, M. The History of Sexuality. Vol. 1. Introduction. N.Y.: Pantheon, 1978. 168 p.
120. Frankfurt, H.G. On Bullshit // Raritan Quarterly Review. 1986. Vol. 6. No. 2. P. 81–100.
121. Fraser, B. On Apologizing // Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech / Ed. by F. Coulmas. Berlin: Mouton de Gruyter, 1981. P. 259–271.
122. Garcia C. Apologizing in English. Politeness Strategies Used by Native and Non-native Speakers // Multilingua. 1989. Vol. 8. No.1. P. 3–20.
123. Gill, K. The Moral Functions of an Apology // Philosophical Forum. 2000. Vol. 31. No. 1. P. 11–27.

124. Glinert, L. Apologizing to the Nation // *The American Communication Journal*. 1999. Vol. 2. No. 2.2. / URL: <http://acjournal.org/journal/vol2/iss2/curtaion3.html>.
125. Goffman, E. *Frame Analysis*. New York: Harper & Row, 1974. 586 p.
126. Gold, E.R. Political Apologia: The Ritual of Self-Defense // *Communication Monographs*. 1978. Vol. 45 (November). P. 306–316.
127. Gover, K. Remarks at the Ceremony Acknowledging the 175-th Anniversary of the Establishment of the Bureau of Indian Affairs // *American Indian Law Review*. 2000. Vol. 25. No.1. P. 161–163.
128. Govier, T., Verwoerd, W. The Promise and Pitfalls of Apology // *Journal of Social Philosophy*. 2002. Vol. 33. No.1. P. 67–82.
129. Gray, F. *An Insider's Account of the Shocking Medical Experiment Conducted by Government Doctors Against African American Men*. Montgomery (Alabama): NewSouth Books, 2013. 178 p.
130. Grossmann, F., Krzyżanowska, A. Comment s'excuser en français et en polonais: étude pragma-sémantique // *Neophilologica*. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018. P. 88–107.
131. Guan, X., Park, H.S., Lee, H.E. Cross-Cultural Differences in Apology // *International Journal of Intercultural Relations*. 2009. No. 33. P. 32–45.
132. Gulliver, P.H. *Disputes and Negotiations: A Cross-Cultural Perspective*. London: Academic Press, 1979. 293 p.
133. Harrell, J., Ware, B., Linkugel, W.A. Failure of Apology in American Politics: Nixon on Watergate // *Speech Monographs*. 1975. Vol. 42. No. 4. P. 245–261.
134. Harris, M.B. Mediators Between Frustration and Aggression in a Field Experiment // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1974. Vol.10. P. 561–571.
135. Harris, S., Grainger, K., Mullany, L. The Pragmatics of Political Apologies // *Discourse and Society*. 2006. Vol. 17. No. 6. P. 715–737.

136. Harter, L.M., Stephens, R.J., Japp, Ph.M. President Clinton's Apology for the Tuskegee Syphilis Experiment: A Narrative of Remembrance, Redefinition, and Reconciliation // *Howard Journal of Communications*. 2000. Vol. 11. P. 19–34.
137. Harvey, J. The Emerging Practice of Institutional Apologies // *The International Journal of Applied Philosophy*. 1995. Vol. 9. No. 2. P. 57–65.
138. Hearit, K. M. Mistakes Were Made: Organizations, Apologia and Crises of Social Legitimacy // *Communication Studies*. 1995. Vol. 46. P. 1–17.
139. Hodeib K. Apology Studies in Syrian Arabic // *Argumentum*. 2019. Vol. 15. P. 674–701.
140. Hohmann, H. Stasis // *Encyclopedia of Rhetoric* / Ed. by Th. O. Sloane. New York: Oxford University Press, 2001. P. 741–745.
141. Holmes, J. Apologies in New Zealand English // *Language in Society*. 1990. Vol. 19. P. 155–199.
142. Holmes, J. *Women, Men, and Politeness*. L.: Longman, 1995. viii, 254 p.
143. Huxman, S.S., Bruce, D.B. Toward a Dynamic Generic Framework of Apologia: A Case Study of Dow Chemical, Vietnam and the Napalm Controversy. 1995. Vol. 46. No. 1. P. 57–72.
144. Hoover, J.D. Big Boys Don't Cry: The Values Constraint in Apologia // *Southern Communication Journal*. 1989. Vol. 54. No. 3. P. 235–252.
145. *Interlanguage Pragmatics* / Ed. by G. Kasper, S. Blum-Kulka. New York: Oxford University Press, 1993. 264 p.
146. Isctifci, I. The Use of Apologies by EFL Learners // *English Language Teaching*. 2009. Vol. 2. No. 3. P. 15–25.
147. Joyce, R. Apologizing // *Public Affairs Quarterly*. 1999. Vol. 13. No. 2. P. 159–173.
148. Kahl, M. Blind Ambition Culminates in Lost Honor: A Comparative Analysis of John Dean's Apologetic Strategies // *Central States Speech Journal*. 1984. Vol. 35. No. 4. P. 238–272.

149. Keeva, S. Does Law Mean Never Having to Say You're Sorry? // American Bar Association Journal. 1999. Vol. 85. P. 64–68.
150. Kennedy, G.A. Classical Rhetoric and Its Cristian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hills: The University of North Carolina Press, 1980. 291 p.
151. Kennedy, G.A. The Art of Persuasion in Greece. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. 350 p.
152. King, R.L. Transforming Scandal into Tragedy: A Rhetoric of Political Apology // Quarterly Journal of Speech. 1985. Vol. 71. No. 3. P. 289–301.
153. Kishimoto, K. Apologies for Atrocities: Commemoratiing the 50th Anniversary of World War II's End in the United States and Japan // American Studies International. 2004. Vol.XLII. Nos.2–3. P. 17–50.
154. Kort, L. What is an Apology? // Philosophical Research Archives. 1975. Vol.1. P. 78–87.
155. Kruse, N.W. Motivational Factors in Non-Denial Apologia // Central States Speech Journal 1977. Vol. 28 (Spring). P. 13–23.
156. Kruse, N.W. The Scope of Apologetic Discourse: Establishing Generic Parameters // Southern Speech Communication Journal.1981. Vol. 46 (Spring). P. 278–291.
157. Lakoff, G. Don't Think of an Elephant. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Pres, 2004. 144 p.
158. Langacker, R. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. x, 562 p.
159. Lasare, A. On Apology. Oxford: Oxford University Press, 2004. 306 p.
160. Latif, E. Apologetic Justice: Evaluating Apologies Tailored Toward Legal Solutions // Boston University Law Review. 2001. Vol. 81. P. 289–318.
161. Leech, G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 251 p.
162. Legacy – The Tuskegee Syphilis Study Legacy Committee Final Report. May 20, 1996 // Tuskegee's Truths: Rethinking the Tuskegee Syphilis Study

- / Ed. by S.M. Reverby. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000. P. 559–566.
163. Lind, J. *Sorry States: Apologies in International Politics*. Ithaca: Cornell University Press, 2008. x, 242 p.
164. Ling, D.A. A Pentadic Analysis of Senator Edward Kennedy's Address to the People of Massachusetts, July 25, 1969 // *Central States Speech Journal*. 1970. Vol. 21. No. 2. P. 81–86.
165. Linnell, J., Porter, F.L., Stone, H., Chen, W.-L. Can You Apologize Me? An Investigation of the Speech Act Performance Among Non-Native Speakers of English // *Penn Working Papers in Educational Linguistics*. 1992. Vol. 8. No. 2. P. 33–53.
166. Lipson, V. Apologizing in Italian and English // *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 1994. Vol. 32. No. 1. P. 19–39.
167. Lowen, M. Serbs Divided over Srebrenica Apology // *BBC*. 31 March 2010.
168. Mattson, J., Johnstone, B. Work Place Reasons for Saying You're Sorry: Discourse Task Management and Apology in Telephone Interviews // *Discourse Processes*. 1994. Vol. 17. P. 59–81.
169. McCullough, M., Worthington, E., Rachel, K. Interpersonal Forgiving in Close Relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 73. No. 2. P. 321–336.
170. McLuhan, M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. London; New York: Routledge, 1964. 392 p.
171. Mehrabian, A. Substitute for Apology: Manipulation of Cognitions to Reduce Negative Attitude Toward Self // *Psychological Reports*. 1976. Vol. 20. P. 687–692.
172. Mehrotra, R. R. How to Be Polite in Indian English // *International Journal of the Sociology of Language*. 1995. No. 116. P. 99–110.
173. Meier, A.J. Apologies: What Do We Know? // *International Journal of Applied Linguistics*. 1998. Vol. 8. No. 2. P. 215–231.

174. Metzger, X. Le terme *pardon*: emplois et signification: Thèse de doctorat de l'Université de recherche Paris Sciences et Lettres, soutenue le 28 novembre 2018 / URL: <http://www.theses.fr/2018PSLEH138>.
175. Mills, N. The New Culture of Apology // *Dissent*. 2001. Fall. P. 113–116.
176. Mitzen, J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // *European Journal of International Relations*. 2006. Vol.12. No. 3. P. 341–370.
177. Nelson, J. The Defense of Billie Jean King // *Western Journal of Speech Communication*. Vol. 48. No. 1. P. 92–102.
178. Nobles, M. *The Politics of Official Apologies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 200 p.
179. Norrick, N. R. Expressive Illocutionary Acts // *Journal of Pragmatics*. 1978. Vol. 2. P. 277–291.
180. Ohbuchi, K. Kameda, M. Agarie, N. Apology as Aggression Control: Its Role in Mediating Appraisal of and Response to Harm // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56. No. 2. P. 219–227.
181. Olshtain E., Cohen, A.D. Apology: A Speech Act Set // *Sociolinguistics and Language Acquisition* / Ed. by N. Wolfson, E. Judd. Rowley: Newbury House, 1983. P. 18–35.
182. Orenstein, A. Apology Excepted: Incorporating a Feminist Analysis into Evidence Policy Where You Would Least Expect It // *Southwestern University Law Review*. 1999. Vol. 28. P. 221–275.
183. Owen, M. *Apologies and Remedial Interchanges: A Study of Language Use in Social Interaction*. Berlin, New York and Amsterdam: Mouton, 1983. 192 p.
184. Plato. *Socrates' Defense (Apology)* // *The Collected Dialogues of Plato* / Ed. by E. Hamilton, H. Cairns. Translated by H. Tredennick. Princeton: Princeton University Press, 1961. 1743 p.

185. Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre-Dame; London: University of Notre-Dame Press, 1969. 566 p.
186. Pettigrove, G. *Apology, Reparations, and the Question of Inherited Guilt* // *Public Affairs Quarterly*. 2003. Vol. 17. No. 4. P. 319–348.
187. Pettigrove, G. *Unapologetic Forgiveness* // *American Philosophical Quarterly*. 2004. Vol. 4. No. 1. P. 187–204.
188. Rehm, P., Beatty, D. *Legal Consequences of Apologizing* // *Journal of Dispute Resolution*. 1995. P. 115–130.
189. Romano, N. “What Was Done Cannot Be Undone”: Present-Day Apologies of Political Leaders for Transgressions of a Nation’s Past // *Kroeber Anthropological Society*. 2012. Vol.101. No.1. P. 79–97.
190. Russel, S. *Kevin Gover: Briefcase Warrior*. 2000 / URL: https://www.nativeweb.org/pages/legal/russell_gover.html.
191. Ryan, H.R. *Kategoria and Apologia: On Their Rhetorical Criticism as a Speech Set* // *Quarterly Journal of Speech*. 1982. Vol. 68. No. 3 P. 254–261.
192. Scher, S., Darley, J. *How Effective Are the Things People Say to Apologize? Effects of the Realization of the Apology Speech Act* // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1997. Vol. 26. P. 127–140.
193. Scher, S., Darley, J. *How Effective Are the Things People Say to Apologize? Effects of the Realization of the Apology Speech Act* // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1997. Vol.26. P. 127–140.
194. Schlenker, B., Darby, B. *The Use of Apologies in Social Predicaments* // *Social Psychology Quarterly*. 1981. Vol. 44. P. 271–278.
195. Schneider, C. *Shame, Privacy, and Exposure*. New York: Norton. 1992. 218 p.
196. Searle, J. *A Classification of Illocutionary Acts* // *Language in Society*. 1976. Vol. 5. P. 1–24.
197. Searle, J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. iv, 203 p.

198. Seong, S.H., Lee, S., Chung, G-Y, Lee, S., Song, H., Lee Ch., Choiu, Y. Untersuchung des Sprechaktes der Entschuldigung im Koreanischen, Deutschen und Englischen: Unter besonderer Berücksichtigung der Sprecherverantwortung / URL: https://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/147252/1/156_118.pdf.
199. Schmitt, M., Gollwitzer, M., Forster, N., & Montada, L. Effects of Objective and Subjective Account Components on Forgiving // *Journal of Social Psychology*. 2004. No. 144. P. 465–485.
200. Schumann, K. The Psychology of Offering an Apology: Understanding the Barriers to Apologizing and How to Overcome Them // *Current Directions in Psychological Science*. 2018. Vol.27. No. 2. P. 74–78.
201. Slansky, P., Sorkin, A. My Bad: 25 Years of Public Apologies and the Appalling Behavior That Inspired Them. New York: Bloomsbury, 2008. 304 p.
202. Smith, N. I Was Wrong: On the Meanings of Apologies. Cambridge & New York: Cambridge University Press, 2008. xi, 298 p.
203. Staffeldt, S. Auf dem Weg zum pragmatischen Standard mit Entschuldigungen // *Pragmatischer Standard* / Ed. by H. Jörg, W.P. Klein und S. Staffeldt. Tübingen: Stauffenburg, 2013. S. 85–106.
204. Stein, K.A., Barton, M.H. Patterns of Apologia Over the Past Century. 2021 / URL: <http://publicapologycentral.com/for-educators/patterns-of-apologia>.
205. Strawson, P.F. Freedom and Resentment // *Proceedings of the British Academy*. 1962. Vol. 48. P. 1–25.
206. Sugimoto N. A Japan – U.S. Comparison of Apology Styles // *Communication Research*. 1997. Vol. 24. No. 4. P. 349–370.
207. Sulaimankulova, A. Expressiver Sprechakt “ENTSCHULDIGUNG“ im Deutschen und Kirgisischen // *ҚазҰУ хабаршысы. Филология сериясы*, 2011. No2(132). S. 162–165.

208. Suszczynska, M. Apologizing in English, Polish and Hungarian: Different Languages, Different Strategies // *Journal of Pragmatics*. 1999. Vol. 31. P. 1053–1065.
209. Taft, L. Apology Subverted: The Commodification of Apology // *Yale Law Journal*. 2000. Vol. 109. P. 1135–1160.
210. Tamoyan, N. Taxonomy of Apology Speech Situations // *Bulletin of Yerevan University*. 2017. Vol.22. No.1. P. 59–73.
211. Tavuchis N. *Mea Culpa: A Sociology of Apology and Reconciliation*. – Stanford: Stanford University Press, 1991. 165 p.
212. Teitel, R. *The Transitional Apology // Taking Wrongs Seriously: Apologies and Reconciliation* / Ed. by E. Barkan, A. Karn. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 101–114.
213. Thomas, J. *Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics*. NewYork etc.: Routledge, 2013. xvi, 224 p.
214. Thompson, J. The Apology Paradox // *Philosophical Quarterly*. 2000. Vol. 55. No. 201. P. 470–475.
215. Trosborg, A. Apology Strategies in Natives/Non-Natives // *Journal of Pragmatics*. 1987. Vol. 11. P. 147–167.
216. Toulmin, St. *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 415 p.
217. Turbide, O. S’excuser publiquement sur les médias socionumériques. Mutation d’une stratégie de gestion de la réputation en communication politique? // *Discours des réseaux sociaux: enjeux publics, politiques et médiatiques*. 2017. P. 141-160 / URL: <https://www.cairn.info/discours-des-reseaux-sociaux-enjeux-publics-9782807306028-page-141.htm>.
218. Vartabedian, R.A. Nixon's Vietnam Rhetoric: A Case Study of Apologia as Generic Paradox // *Southern Speech Communication Journal*. 1985. Vol. 50. No. 4. P. 366–381.
219. Viles, P. Suit Seeks Billions in Reparations. URL: <http://archives.cnn.com/2002/LAW/03/26/slavery.reparations>.

220. Wagatsuma, H., Rosett, A. The Implications of Apology: Law and Culture in Japan and the United States // *Law and Society Review*. 1986. Vol. 20. P. 461–498.
221. Walker, P. Brown to Apologise to Care Home Children Sent to Australia and Canada // *The Guardian*. 2009, 16 November.
222. Ware, B.L. and Linkugel, W.A. They Spoke in Defense of Themselves: On the Generic Criticism of Apologia // *Quarterly Journal of Speech*. 1973. No. 59 (3). P. 273–283.
223. Weyeneth, R.R. The Power of Apology and the Process of Reconciliation // *The Public Historian*. 2001. Vol. 23. No. 3. P. 9–38.
224. *When Sorry Isn't Enough: The Controversy over Apologies and Reparations for Human Injustice* / Ed. by R. Brooks. New York: New York University Press, 1999. 536 p.
225. Wilson, J. Why Forgiveness Requires Repentance // *Philosophy*. 1988. Vol. 63. No. 246. P. 534–535.
226. Zarakol, A. Ontological (In)security and State Denial of Historical Crimes: Turkey and Japan // *International Relations*. 2010. Vol. 24. No. 1. P. 3–23.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Текст Послания Комитета по расследованию инцидента в Таскиги

THE TUSKEGEE SYPHILIS STUDY LEGACY COMMITTEE1 FINAL REPORT MAY 20, 1996

In 1932, the United States Public Health Service (USPHS) initiated the Tuskegee Syphilis Study to document the natural history of syphilis. The subjects of the investigation were 399 poor black sharecroppers from Macon County, Alabama, with latent syphilis and 201 men without the disease who served as controls. The physicians conducting the Study deceived the men, telling them that they were being treated for “bad blood.” However, they deliberately denied treatment to the men with syphilis and they went to extreme lengths to ensure that they would not receive therapy from any other sources. In exchange for their participation, the men received free meals, free medical examinations, and burial insurance. On 26 July 1972, a front-page headline in the New York Times read, “Syphilis Victims in U.S. Study Went Untreated for 40 Years.” The accompanying article publicly revealed the details of the Tuskegee Syphilis Study – “the longest non-therapeutic experiment on human beings in medical history.” In the almost 25 years since its disclosure, the Study has moved from a singular historical event to a powerful metaphor. It has come to symbolize racism in medicine, ethical misconduct in human research, paternalism by physicians, and government abuse of vulnerable people.

The Tuskegee Syphilis Study continues to cast its long shadow on the contemporary relationship between African Americans and the biomedical community. Several recent articles have argued that the Tuskegee Syphilis Study has predisposed many African Americans to distrust medical and public health authorities. The authors point to the Study as a significant factor in the low participation of African Americans in clinical trials and organ donation efforts and in the reluctance of many black people in seeking routine preventive care. As one AIDS educator put it, “so many African-American people that I work with do not trust hospitals or any of the other community health care service providers because of that Tuskegee experiment. It is like ... if they did it then they will do it again.”

The Tuskegee Syphilis Study Legacy Committee is dedicated to preserving the memory of the Study while moving beyond it, transforming the legacy into renewed efforts to bridge the chasm between the health conditions of black and white Americans. To this end, the Committee is pursuing two inseparable goals: 1) to persuade President Clinton to publicly apologize for past government wrongdoing to the Study’s living survivors, their families, and to the Tuskegee community, and 2) to develop a strategy to redress the damages caused by the Study and to transform its damaging legacy.

In his recent apology for the government's role in human radiation experiments (1944–1974), President William J. Clinton claimed that "the American people ... must be able to rely upon the United States to keep its word, to tell the truth, and to do the right thing," and that "when the government does wrong, we have a moral responsibility to admit it." President Clinton is not alone in his belief that an apology for past wrongs is "doing the right thing." Recently, the Southern Baptist Church apologized to all African Americans for its stand on slavery during the Civil War and the Prime Minister of Japan similarly apologized to all the people of the United States for the attack on Pearl Harbor.

And yet, these apologies do not merely acknowledge wrongdoing: they act as a first step toward healing the wounds inflicted. President Clinton, for example, saw his apology as "laying the foundation stone for a new era" in trying to regain the trust of the country.

It is within the context of doing the right thing that, redressing past injuries, and regaining trust, that the Committee adamantly believes that a Presidential apology to the victims of Tuskegee is critical to heal the devastating wounds that remain from this shameful episode in the history of medical research.

1. A Presidential Apology for the Tuskegee Syphilis Study

a) Moral and physical harms to the community of Macon County

It is clear that the U.S. government scientists irreparably harmed hundreds of socially and economically vulnerable African-American men in Macon County, their family members, and their descendants by deliberately deceiving them and withholding from them state of the art treatment. When the Tuskegee Study began, the standard therapy for syphilis consisted of painful injections of arsenical compounds, supplemented by topical applications of mercury or bismuth ointments. Although this therapy was less effective than penicillin would prove to be, in the 1930s every major textbook on syphilis recommended it for the treatment of the disease. After penicillin became available, the researchers withheld its use as well. Published medical reports have estimated that between 28 and 100 men died as a result of their syphilis. Due to a lax study protocol, we cannot be sure that all the men had latent syphilis. It is therefore entirely possible that the infected men passed syphilis to their sexual partners and to their children in utero. Thus the physical harm may not be limited just to the men enrolled in the Study.

b) No public apology has ever been made

In the aftermath of a Health, Education and Welfare task force report, a Senate hearing, and an out of court legal settlement, the U.S. government provided economic compensation and continues to give free health benefits to the surviving subjects and their families. However, no public apology has ever been offered for the moral wrongdoing that occurred in the name of government medical research. No public official has ever stated clearly to the nation that the

Tuskegee Syphilis Study was morally wrong from its inception, and no public official has ever apologized to the survivors and their families. Yet, an apology is sorely needed. The Committee believes that an apology from the President could facilitate the healing of the victims and the nation.

c) The harmful legacy of the Study

The historical record makes plain that African American's distrust of the medical profession predates the revelations of the Tuskegee Syphilis Study and involves a myriad of other social and political factors. Nevertheless, the Study has become a powerful symbol for the fear of exploitation in research and the deprivation of adequate medical care that is widespread in the African-American community. Recent articles argue that Tuskegee has created a climate of suspicion that taints the relationship between many African Americans and the medical profession. The Tuskegee Study is offered as the reason why few blacks participate in research trials, why the need for transplant organs by African Americans widely surpasses the supply, and why African Americans often avoid medical treatment. It is also offered as an explanation as to why rumors about genocide persist in the African-American community, ranging from the notion that AIDS is a plot to exterminate black people to the idea that needle exchange programs fuel a drug epidemic that disproportionately affects black neighborhoods. For many African Americans, the fact that the Tuskegee Study occurred at all proves that black life is not valued. The Committee believes that an apology combined with a strategy for addressing the damages of the Tuskegee legacy would begin the process of regaining the trust of people of color.

d) The harm done to the community and the University

Because the name of the study points to Tuskegee Institute (now Tuskegee University) rather than the United States Public Health Service, it clouds the funding and responsibility for the Study. Although facilities and staff of the Tuskegee Institute were involved, primary direction came from the government under the auspices of the US PHS. The notoriety of the Study obscures the achievements of the Tuskegee Institute in improving the health care of African Americans. These achievements include initiating National Negro Health Week, building the John A. Andrew Hospital, creating the John A. Andrew Clinical Society, establishing a nurse training school, and organizing a school for midwives.

The Apology: Context and Opportunity

The Committee urges President Clinton to apologize on behalf of the American government for the harms inflicted at Tuskegee. The apology should be directed to those most directly harmed: to the elderly survivors of the Study, to their families, and to the wider community of Tuskegee and its university. Also included within the apology should be all people of color whose lives reverberate with the consequences of the Study.

As the highest elected official of the United States, the President should offer the apology for the Study which was conducted under the auspices of the United States government. The significance of a presidential apology was recognized recently when the President apologized to those harmed by Cold War radiation experiments as a way to regain confidence of the American people. In the context of President Clinton's stated desire to bridge the racial divide, this apology provides the opportunity to begin to heal the racial wounds that persist in this country.

Given the ages of the living participants and the period of time since the Study was disclosed, we believe that the apology should be offered swiftly. There are only eleven survivors; a twelfth died as recently as March 3, 1996. We recommend that the government issue the apology from Tuskegee University, perhaps linked with an early meeting of the new National Bioethics Advisory Commission (NBEAC). Because the Tuskegee study is a starting point for all modern moral reflection on research ethics, a meeting of the NBEAC at Tuskegee in conjunction with a Presidential apology would be an ideal new beginning.

Transforming the Legacy

Although a public apology is necessary to heal the wounds of Tuskegee, it alone would not be sufficient to assure the nation that research like the Tuskegee Syphilis Study will not be duplicated. Despite the significance of a Presidential apology, it must not be an isolated event. Consequently, the Committee also recommends the development of a mechanism to move beyond Tuskegee and to address the effects of its legacy. The Committee strongly urges the development of a professionally staffed center at Tuskegee University, focused on preserving the national memory of the Study and transforming its legacy.

Regret for past mistakes must be accompanied by a determination to prevent future wrongs. Until now for black Americans the legacy of the Tuskegee Syphilis Study has been a negative one – a symbol of their mistreatment within American society. The proposed Center could help transform the legacy of Tuskegee into a positive symbol for all Americans by demonstrating the importance of acknowledging past wrongs, rebuilding trust, and practicing ethical research. The new center's mission would be to preserve the national memory of the Syphilis Study for public education and scholarly research, and to analyze and disseminate findings on effective and ethically acceptable ways to address the profound mistrust that is the tragic and enduring legacy of this Study, especially among African Americans and other persons of color.

Although the Committee sees the creation of a Center as the most valuable attempt to redress the damages of Tuskegee, we envision several possible concurrent programs. These include:

1) a Minority Health Initiative, similar in scope to the newly established Women's Health Initiative;

2) *training programs for health care providers to better understand the social and cultural issues of providing health care and of conducting research in communities of color;*

3) *a clearinghouse to help investigators conduct ethically responsible research.*

The Committee recommends that funding for the Center must combine government and private funding. The announcement of a federal challenge grant would be very useful as a catalyst for future fundraising efforts.

It is undeniable that the Tuskegee Syphilis Study has adversely affected the attitudes that many African Americans hold toward the biomedical community and the United States government. But despite the long shadow that it casts, we now have an opportunity to challenge this legacy and create a more beneficial one.

Appendix I [First Appendix to the Legacy Committee Report]

Possible functions for a Tuskegee research center:

a) *to create and maintain a public museum in Tuskegee, Alabama, to preserve the memory of the Study and to provide a focal point for efforts to transform its negative legacy;*

b) *to provide a place for scholars to examine the ethical, legal, and social significance of the Study and other issues in bioethics;*

c) *to conduct public education on the Study and its legacy in schools, community organizations, and medical institutions;*

d) *to aid in the production of audiovisual aids for public education that will place the Study within its broadest social and historical context and provide suggestions for transforming its past legacy;*

e) *to assure the rigorous preservation of presently endangered documents and other records to further encourage studies of race, ethnicity, and medicine;*

f) *to offer support for medical researchers seeking ways to conduct research in diverse populations that is both scientifically sound and ethically responsible.*

Источник:

Tuskegee's Truths: Rethinking the Tuskegee Syphilis Study / Ed. by S.M. Reverby. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000. P. 559–566.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Транскрипт речи Б. Клинтона по инциденту в Таскиги

[1]

(a) *Ladies and gentlemen, on Sunday, Mr. Shaw will celebrate his 95th birthday. (Applause.) (b) I would like to recognize the other survivors who are here today and their families: (c) Mr. Charlie Pollard is here. (Applause.) (d) Mr. Carter Howard. (Applause.) (e) Mr. Fred Simmons. (Applause.) (f) Mr. Simmons just took his first airplane ride, (g) and he reckons he's about 110 years old, (h) so I think it's time for him to take a chance or two. (Laughter.) (i) I'm glad he did. (j) And Mr. Frederick Moss, thank you, sir. (Applause.)*

[2]

(a) *I would also like to ask three family representatives who are here — (b) Sam Doner is represented by his daughter, Gwendolyn Cox. (c) Thank you, Gwendolyn. (Applause.) (d) Ernest Hendon, who is watching in Tuskegee, is represented by his brother, North Hendon. (e) Thank you, sir, for being here. (Applause.) (f) And George Key is represented by his grandson, Christopher Monroe. (g) Thank you, Chris. (Applause.)*

[3]

(a) *I also acknowledge the families, community leaders, teachers and students watching today by satellite from Tuskegee. (b) The White House is the people's house; (c) we are glad to have all of you here today. (d) I thank Dr. David Satcher for his role in this. (e) I thank Congresswoman Waters and Congressman Hilliard, Congressman Stokes, the entire Congressional Black Caucus. Dr. Satcher, members of the Cabinet who are here, Secretary Herman, Secretary Slater. (f) A great friend of freedom, Fred Gray²², (g) thank you for fighting this long battle all these long years.*

[4]

(a) *The eight men who are survivors of the syphilis study at Tuskegee are a living link to a time not so very long ago (b) that many Americans would prefer not to remember, (c) but we dare not forget. (d) It was a time when our nation failed to live up to its ideals, (e) when our nation broke the trust with our people (f) that is the very foundation of our democracy. (g) It is not only in remembering that shameful past that we can make amends and repair our nation, (h) but it is in remembering that past (i) that we can build a better present and a better future. (j) And without remembering it, (k) we cannot make amends and we cannot go forward.*

[5]

²² Ф. Грей – адвокат пострадавших и автор исследования о событии: [Gray 2013].

(a) So today America does remember the hundreds of men (b) used in research without their knowledge and consent. (c) We remember them and their family members. (d) Men who were poor and African American, without resources and with few alternatives, (e) they believed they had found hope (f) when they were offered free medical care by the United States Public Health Service. (g) They were betrayed.

[6]

(a) Medical people are supposed to help when we need care, (b) but even once a cure was discovered, (c) they were denied help, (d) and they were lied to by their government. (e) Our government is supposed to protect the rights of its citizens; (f) their rights were trampled upon. (g) Forty years, hundreds of men betrayed, (h) along with their wives and children, (i) along with the community in Macon County, Alabama, (j) the City of Tuskegee, (k) the fine university there, (l) and the larger African American community.

[7]

(a)The United States government did something that was wrong — deeply, profoundly, morally wrong. (b) It was an outrage to our commitment to integrity and equality for all our citizens.

[8]

(a) To the survivors, to the wives and family members, the children and the grandchildren, I say what you know: (b) No power on Earth can give you back the lives lost, (c) the pain suffered, (d) the years of internal torment and anguish. (e) What was done cannot be undone. (f) But we can end the silence. (g) We can stop turning our heads away. (h) We can look at you in the eye and finally say on behalf of the American people, (i) what the United States government did was shameful, (j) and I am sorry. (Applause.)

[9]

(a) The American people are sorry – for the loss, for the years of hurt. (b)You did nothing wrong, (c) but you were grievously wronged. (d) I apologize and (e) I am sorry that this apology has been so long in coming. (Applause.)

[10]

(a) To Macon County, to Tuskegee, to the doctors (b) who have been wrongly associated with the events there, (c) you have our apology, as well. (d) To our African American citizens, (e) I am sorry (f) that your federal government orchestrated a study so clearly racist. (g) That can never be allowed to happen again. (h) It is against everything our country stands for and (i) what we must stand against is what it was.

[11]

(a) So let us resolve to hold forever in our hearts and minds the memory of a time not long ago in Macon County, Alabama, (b) so that we can always see (c₁) how adrift we can become (c₂)

when the rights of any citizens are neglected, (c₃) ignored and (c₄) betrayed. (d) And let us resolve here and now to move forward together.

[12]

(a) The legacy of the study at Tuskegee has reached far and deep, (b₁) in ways that hurt our progress and (b₂) divide our nation. (c) We cannot be one America when (d) a whole segment of our nation has no trust in America (e) An apology is the first step, and (f) we take it with a commitment to rebuild that broken trust. (g) We can begin by making sure there is never again another episode like this one. (h) We need to do more (i) to ensure that medical research practices are sound and ethical, and (j) that researchers work more closely with communities.

[13]

(a) Today I would like to announce several steps to help us achieve these goals. (b) First, we will help to build that lasting memorial at Tuskegee. (Applause.) (c) The school founded by Booker T. Washington, distinguished by the renowned scientist George Washington Carver and so many others (d) who advanced the health and well-being of African Americans and all Americans (c) is a fitting site. (e) The Department of Health and Human Services will award a planning grant (f) so the school can pursue establishing a center for bioethics in research and health care. (g₁) The center will serve as a museum of the study and (g₂) support efforts to address its legacy and (g₃) strengthen bioethics training.

[14]

(a) Second, we commit to increase our community involvement (b) so that we may begin restoring lost trust. (c) The study at Tuskegee served to sow distrust of our medical institutions, (d) especially where research is involved. (e) Since the study was halted, (f) abuses have been checked (g) by making informed consent and local review mandatory in federally-funded and mandated research.

[15]

(a) Still, 25 years later, many medical studies have little African American participation and African American organ donors are few. (b₁) This impedes efforts to conduct promising research and (b₂) to provide the best health care to all our people, including African Americans. (c) So today, I'm directing the Secretary of Health and Human Services, Donna Shalala, to issue a report in 180 days (d) about how we can best involve communities, (e) especially minority communities, in research and health care. (f) You must – (g) every American group must be involved in medical research in ways that are positive. (h) We have put the curse behind us; (i) now we must bring the benefits to all Americans. (Applause.)

[16]

(a) Third, we commit to strengthen researchers' training in bioethics. (b₁) We are constantly working on making breakthroughs in protecting the health of our people and (b₂) in vanquishing diseases. (c) But all our people must be assured that their rights and dignity will be respected as new drugs, treatments and therapies are tested and used. (d) So I am directing Secretary Shalala to work in partnership with higher education to prepare training materials for medical researchers. (e) They will be available in a year. (f₁) They will help researchers build on core ethical principles of respect for individuals, justice and informed consent, (f₂) and advise them on how to use these principles effectively in diverse populations.

[17]

(a) Fourth, to increase and broaden our understanding of ethical issues and clinical research, (b) we commit to providing postgraduate fellowships to train bioethicists especially among African Americans and other minority groups. (c) HHS will offer these fellowships beginning in September of 1998 to promising students enrolled in bioethics graduate programs.

[18]

And, (a) finally, by executive order I am also today extending the charter of the National Bioethics Advisory Commission to October of 1999. (b) The need for this commission is clear. (c) We must be able to call on the thoughtful, collective wisdom of experts and community representatives (d) to find ways to further strengthen our protections for subjects in human research.

[19]

(a) We face a challenge in our time. (b₁) Science and technology are rapidly changing our lives with the promise of making us (b₂) much healthier, (b₃) much more productive and (b₄) more prosperous. (c) But with these changes we must work harder (d) to see that as we advance we don't leave behind our conscience. (e) No ground is gained and, indeed, (f) much is lost if (g) we lose our moral bearings in the name of progress.

[20]

(a) The people who ran the study at Tuskegee diminished the stature of man (b) by abandoning the most basic ethical precepts. (c) They forgot their pledge to heal and repair. (d) They had the power to heal the survivors and all the others and (e) they did not. (f) Today, all we can do is apologize. (g) But you have the power, (h) for only you – Mr. Shaw, the others who are here, the family members who are with us in Tuskegee – only you have the power to forgive. (i) Your presence here shows us that you have chosen a better path than your government did so long ago. (j) You have not withheld the power to forgive (k) I hope today and tomorrow every American will remember your lesson and live by it.

Thank you, and God bless you. (Applause)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Транскрипт речи К. Говера

[1]

(a) *In March of 1824, President James Monroe established (b) the Office of Indian Affairs (c) in the Department of War. (d) Its mission was to conduct the nation's business with regard to Indian affairs. (e) We have come together today to mark the first 175 years of the institution (f) now known as the Bureau of Indian Affairs.*

[2]

(a) *It is appropriate that we do so (b) in the first year of a new century and a new millennium, (c) a time when our leaders are reflecting on what lies ahead and preparing for those challenges. (d) Before looking ahead, though, (e) this institution must first look back and (f) reflect on what it has wrought and, (g) by doing so, (h) come to know that this is no occasion for celebration; (i) rather it is time for reflection and contemplation, (j) a time for sorrowful truths to be spoken, (k) a time for contrition.*

[3]

(a) *We must first reconcile ourselves to (b) the fact that the works of this agency have at various times profoundly harmed the communities (c) it was meant to serve. (d) From the very beginning, (e) the Office of Indian Affairs was an instrument by which the United States enforced its ambition against the Indian nations and (f) Indian people who stood in its path. (g) And so, the first mission of this institution was to execute the removal of the southeastern tribal nations. (h) By threat, deceit, and force, (i) these great tribal nations were made to march a thousand miles to the west (j) leaving thousands of their old, their young and their infirm in hasty graves along the Trail of Tears.*

[4]

(a) *As the nation looked to the West for more land, (b) this agency participated in the ethnic cleansing that befell the western tribes. (c) War necessarily begets tragedy; (d) the war for the West was no exception. (e) Yet in these more enlightened times, (f) it must be acknowledged that (g) the deliberate spread of disease, (h) the decimation of the mighty bison herds, (i) the use of the poison alcohol to destroy mind and body, and (j) the cowardly killing of women and children (k) made for tragedy on a scale so ghastly that (l) it cannot be dismissed as merely the inevitable consequence of the clash of competing ways of life. (m) This agency and the good people in it failed in the mission to prevent the devastation. (n) And so great nations of patriot warriors fell. (o) We will never push aside the memory of unnecessary and violent deaths at places such as Sand Creek, the banks of the Washita River, and Wounded Knee.*

[5]

(a) Nor did the consequences of war have to include the futile and destructive efforts to annihilate Indian customs. (b) After the devastation of tribal economies and the deliberate creation of tribal dependence on the services provided by this agency, (c) this agency set out to destroy all things Indian.

[6]

(a) This agency forbade the speaking of Indian languages, (b) prohibited the conduct of traditional religious activities, (c) outlawed traditional government, and (d) made Indian people ashamed of who they were. (e) Worst of all, the Bureau of Indian Affairs committed these acts against the children entrusted to its boarding schools, (f) brutalizing them (f₁) emotionally, (f₂) psychologically, (f₃) physically, and (f₄) spiritually. (g) Even in this era of self-determination, (h) when the Bureau of Indian Affairs is at long last serving as an advocate for Indian people in an atmosphere of mutual respect, (i) the legacy of these misdeeds haunts us. (j) The trauma of (j₁) shame, (j₂) fear and (j₃) anger has passed from one generation to the next, and (k) manifests itself (k₁) in the rampant alcoholism, (k₂) drug abuse, and (k₃) domestic violence that plague Indian country. (m) Many of our people live lives of unrelenting tragedy (n) as Indian families suffer the ruin of lives by (n₁) alcoholism, (n₂) suicides made of shame and despair, (n₃) and violent death at the hands of one another. (o) So, many of the maladies suffered today in Indian country result from the failures of this agency. (p) Poverty, ignorance, and disease have been the product of this agency's work.

[7]

(a) And so today I stand before you as the leader of an institution that (b) in the past has committed (c) acts so terrible that (c₁) they infect, (c₂) diminish, and (c₃) destroy the lives of Indian people decades later, generations later. (d) These things occurred (e) despite the efforts of many good people with good hearts who sought to prevent them. (f) These wrongs must be acknowledged if the healing is to begin.

[8]

(a) I do not speak today for the United States. (b) That is the province of the nation's elected leaders, and (c) I would not presume to speak on their behalf. (d) I am empowered, however, to speak on behalf of this agency, the Bureau of Indian Affairs, and (e) I am quite certain that the words that follow reflect the hearts of 10,000 employees.

[9]

(a) Let us begin by expressing our profound sorrow for what this agency has done in the past. (b) Just like you, when we think of (c) these misdeeds and their tragic consequences, (d) our hearts break and our grief is as pure and complete as yours. (e) We desperately wish that we

could change this history, but of course we cannot. (f) On behalf of the Bureau of Indian Affairs, (g) I extend this format apology to Indian people for the historical conduct of this agency.

[10]

(a) And while the BIA employees of today did not commit these wrongs, (b) we acknowledge that the institution we serve did. (c) We accept this inheritance, this legacy of racism and inhumanity. (d) And by accepting this legacy, (e) we accept also the moral responsibility of putting things right.

[11]

(a) We therefore begin this important work anew, and (b) make a new commitment to the people and communities that we serve, (c) a commitment born of the dedication we share with you to the cause of renewed hope and prosperity for Indian country. (d) Never again will this agency stand silent when hate and violence are committed against Indians. (e) Never again will we allow policy to proceed from the assumption that Indians possess less human genius than the other races. (f) Never again will we be complicit in the theft of Indian property. (g) Never again will we appoint false leaders who serve purposes other than those of the tribes. (h) Never again will we (h₁) allow unflattering and stereotypical images of Indian people to deface the halls of government or (h₂) lead the American people to shallow and ignorant beliefs about Indians. (i) Never again will we attack (i₁) your religions, (i₂) your languages, (i₃) your rituals, or (i₄) any of your tribal ways. Never again (j) will we seize your children, (k) nor teach them to be ashamed of who they are. (l) Never again.

[12]

(a) We cannot yet ask your forgiveness, (b) not while the burdens of this agency's history weigh so heavily on tribal communities. (c) What we do ask is that, together, we allow the healing to begin. (d) As you return to your homes, and as you talk with your people, (e) please tell them that time of dying is at its end. (f) Tell your children that the time of shame and fear is over. (g) Tell your young men and women to replace their anger with hope and love for their people. (h) Together, we must wipe the tears of seven generations. (i) Together, we must allow our broken hearts to mend. (j) Together, we will face a challenging world with confidence and trust. (k) Together, let us resolve that when our future leaders gather to discuss the history of this institution, it will be (l) time to celebrate (l₁) the rebirth of joy, (l₂) freedom, and (l₃) progress for the Indian Nations. (m) The Bureau of Indian Affairs was born in 1824 in a time of war on Indian people. (n) May it live in the year 2000 and beyond as an instrument of their prosperity.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Транскрипт речи Б. Клинтона по инциденту с М. Левински

1. (0) Good evening. (1) This afternoon in this room, from this chair, (2) I testified before the Office of Independent Counsel and the grand jury. (3) I answered their questions truthfully, including (4) questions about my private life, (5) questions no American citizen would ever want to answer.

2. (0) Still, (1) I must take complete responsibility for all my actions, both public and private. (2) And that is why I am speaking to you tonight.

3. (1) As you know, (2) in a deposition in January, I was asked questions about my relationship with Monica Lewinsky. (3) While my answers were legally accurate, (4) I did not volunteer information. (5) Indeed, I did have a relationship with Miss Lewinsky that was not appropriate. (6) In fact, it was wrong. (7) It constituted (7-1) a critical lapse in judgment and (7-2) a personal failure on my part (8) for which I am solely and completely responsible.

4. (0) But (1-1) I told the grand jury today and (1-2) I say to you now that (2-1) at no time did I ask anyone to lie, (2-2) to hide or (2-3) destroy evidence or (2-4) to take any other unlawful action.

5. (0) I know that (1) my public comments and my silence about this matter gave a false impression. (2-1) I misled people, including (2-2) even my wife. (3) I deeply regret that.

6. (0) I can only tell you (1) I was motivated by many factors. (2) First, by a desire to protect myself from the embarrassment of my own conduct. (3) I was also very concerned about protecting my family. (4) The fact that these questions were being asked in a politically inspired lawsuit, (5) which has since been dismissed, was a consideration, too.

7. (0) In addition, (1) I had real and serious concerns about an independent counsel investigation (2) that began with private business dealings 20 years ago, dealings, I might add, (3) about which an independent federal agency found no evidence of any wrongdoing by me or my wife over two years ago.

8. (1) The independent counsel investigation moved on to my staff and friends, then into my private life. (2) And now the investigation itself is under investigation.

9. (1-1) This has gone on too long, (1-2) cost too much and (1-3) hurt too many innocent people. Now, (2) this matter is between me, the two people I love most – my wife and our daughter – and our God. (3) I must put it right, and (4) I am prepared to do whatever it takes to do so. (5) Nothing is more important to me personally. (6) But it is private, and (7) I intend to reclaim my family life for my family. (8) It's nobody's business but ours. (9) Even presidents have private lives.

10. *It is time (1-1) to stop the pursuit of personal destruction and (1-2) the prying into private lives and (2) get on with our national life.*

11. *(1) Our country has been distracted by this matter for too long, and (2) I take my responsibility for my part in all of this. (3)That is all I can do. (4) Now it is time – in fact, it is past time – to move on.*

12. *(1) We have important work to do – (1-1) real opportunities to seize, (2-2) real problems to solve, (2-3) real security matters to face.*

13. *(0) And so tonight,(1) I ask you (1-1) to turn away from the spectacle of the past seven months, (1-2) to repair the fabric of our national discourse, and (1-3) to return our attention to all the challenges and all the promise of the next American century.*

14. *(1)Thank you for watching. (2) And good night.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Список изученных публичных Извинений

1. Armeу, D. Apology on an Insulting Public Remark about a Gay Congressman. 28 January, 1995 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/dick-armey>.
2. Barry, M. Apology on Crack Cocaine Possession. 15 March, 1990. / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/marion-barry>.
3. Blagojevich, R. Apology on Attempting to Sell B. Obama's Vacant Senate Seat. 26 January, 2009 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/rod-blagojevich>.
4. Carson, B. Apology on Anti-Muslim Remarks. 20 September, 2015 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/ben-carson>.
5. Clinton, B. Apology on Japanese Internment Camps in the United States. 1 October, 1993 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/bill-clinton-japanese-internment>.
6. Clinton, B. Apology on the M. Lewinsky Affair. 17 August, 1998 (a). / URL: <https://www.ac-journal.org/journal/vol2/Iss2/clinton1.html>.
7. Clinton, B. Apology on Tuskegee Medical Experiment. 16 May, 1997 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/bill-clinton-tuskegee>.
8. Clinton, B. Apology on the US Genocide in Rwanda. 25 March 1998 (b) / URL: <http://www.cbsnews.com/news/text-of-clintons-rwanda-speech>.
9. Clinton, B. I Have Sinned, 11 September 1998 (c) / URL: <http://www.famous-speeches-and-speech-topics.info/presidential-speeches/bill-clinton-speech-i-have-sinned.htm>.
10. Clinton, B. Apology on Not Doing Enough to Kill or Capture Osama Bin Laden. 26 September 2006 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2>.

11. Condit, G. Apology on Involvement in a Lover's Missing. May, 2009 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/gary-condit>.
12. Craig, L. Apology on Homosexual Sex Soliciting. 28 August, 2007. / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/larry-craig>.
13. Cruz, T. Apology on the Vacation in the Time of Winter Storm in His State. 19 February, 2021 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/2278-2>.
14. Edwards, J. Apology on an Extra-Marital Affair While Wife Had Cancer, 8 August, 2008 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/john-edwards>.
15. Foley, M. Apology on Teenager Homosexual Sex Soliciting. 3 October, 2006 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/mark-foley>.
16. Ford, G. Apology on Denial of the Soviet Threat in Europe. November 1989. / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/gerald-ford>.
17. Frank, B. Apology for Hiring Male Prostitute as Personal Aide. 23 September, 1989 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/barney-frank>.
18. Gover, K. Remarks at the Ceremony Acknowledging the 175-th Anniversary of the Establishment of the Bureau of Indian Affairs // *American Indian Law Review*. 2000. Vol. 25. No1. P. 161–163.
19. Grant, U. State of the Union Address / URL: <https://www.infoplease.com/primary-sources/government/presidential-speeches/state-union-address-ulysses-s-grant-december-5-1876>.
20. Grayson, C. Apology on the Republicans' Health Care Plan Failure for America. 29 September 2009 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/alan-grayson>.
21. Hart, G. Apology on an Extra-Marital Relationship. September 1987 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/gary-hart>.

22. Jackson, J. Apology on an Insulting Public Remark about B. Obama. 9 July, 2008 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/jesse-jackson>.
23. Kennedy, E. Apology to the People of Massachusetts on Chappaquiddick. 25 July 1969 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/ted-kennedy>.
24. Kerry, J. Apology on His “Botched Joke” American Soldiers in Iraq. October 2006 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/john-kerry-stuck-in-iraq>.
25. Lee, Chr. Apology on Posting Shirtless Photos of Himself on Craigslist. 9 February, 2011 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/christopher-lee>.
26. McCain, J. Apology on Canceling Appearance on the Late Show with David Letterman during His Presidential Campaign. 24 September, 2008 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/john-mccain>.
27. McKinney, C. Apology on a Conflict with Police Officer. 6 April, 2006 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/cynthia-mckinney>.
28. Mueller, R. Apology on Abusing the Patriot Act to Gather Information on American Citizens. 9 March, 2007 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/robert-mueller>.
29. Nixon, R. Resignation Speech. 8 August 1974 / URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/richardnixonresignationspeech.html>.
30. Nixon, R. Apology on Secret Slush Fund (The Checkers Speech). 23 September, 1952 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/richard-nixon-checkers-speech>.
31. Nixon, R. Apology on Watergate Scandal (First Speech). 30 April, 1973 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/richard-nixon-watergate>.

32. Obama, B. Apology on Hiroshima. 27 May, 2016 / URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/05/27/national/full-text-of-obamas-speech-in-hiroshima>.
33. Obama, B. Apology on Criticism During Henry Gates Alleged “Break-In”, 16 June 2009 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/barack-obama-henry-gates-robbery-controversy>.
34. Packwood, B. Apology on Sexual Harassment on Women. 11 December, 1992 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/bob-packwood>.
35. Price, T. Apology on Flights on Private Charter Planes at the Taxpayers’ Expense. 21 September, 2017 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/tom-price>.
36. Reagan, R. Apology on the Iran Contra Scandal. 13 November, 1986 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/ronald-reagan>.
37. Reid, H. Apology on a Racist Mention of B. Obama’s Language. 09 January, 2010 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/harry-reid>.
38. Sanford, M. Apology on an Affair with Argentinian Mistress. 24 June, 2009 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/mark-sanford>.
39. Spitzer, E. Apology on Being Involved in the Prostitution Ring Incident. 12 March 2008 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/eliot-spitzer>.
40. The US Senate Apology on Lynching. 13 June 2005 / URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/109/sres39/text>.
41. Thorpe, L. Apology on the American Chinese Mistreatment. 20 May, 2021 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/lamar-thorpe>.
42. Vitter, D.C. Apology on Madam Scandal. 16 July, 2007 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/david-vitter>.

43. Weiner, A. Apology on Lewd Sexting Scandal. 16 June, 2011 / URL: <http://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/anthony-weiner>.

44. Wilson, J. Apology on Lie Public Accusation of B. Obama. 09 September, 2009 / URL: <https://publicapologycentral.com/apologia-archive/political-2/joe-wilson>.

Комментарий.

Эти Извинения тематически различны, поскольку посвящены разным триггерным коммуникативным событиям. Тем не менее, они имеют ряд сходных черт. Наиболее типичными оказались следующие компоненты (собственно извинительные – (А) и (В), самооправдательные – (Б), (Г), (Д), (Е)), представленные здесь в порядке частоты встречаемости у авторов:

(А) признание Вины с элементами покаяния – Арми Д., Бэрри М., Виттер Д., Грант У., Джексон Дж., Клинтон Б. (3 речи), Кондит Г., Ли К., Маккейн Дж., Маккини С., Мюллер Р., Никсон Р. (2 речи), Обама Б. (2 речи), Пэквуд Б., Рейган Р., Рейд Г., Сенат США, Спицер Э., Сэнфорд М., Торп Л., Уилсон Дж., Уэйнер А., Фоли М., Харт Г., Эдвардс Дж.;

(Б) самоутверждение/самопрезентация – Арми Д., Благоевич Р., Виттер Д., Грант У., Джексон Дж., Керри Дж., Кондит Г., Круз Т., Маккейн Дж., Маккини С., Никсон Р. (3 речи), Обама Б. (2016 г.), Прайс Т., Рейд Г., Пэквуд Б., Спитцер Д., Уэйнер А., Харт Г., Харт Г., Эдвардс Дж.;

(В) исправление/неповторение Проступка впредь – Бэрри М., Виттер Д., Грэйсон А., Клинтон Б. (4 речи), Ли К., Мюллер Р., Прайс Т., Пэквуд Б., Рейган Р., Сенат США, Фоли М., Сэнфорд М., Эдвардс Дж.;

(Г) атака обвинителя – Арми Д., Благоевич Р., Виттер Д., Грэйсон А., Керри Дж., Клинтон Б. (2006 г.), Крейг Л., Маккини С., Форд Дж., Харт Г.

(Д) отрицание Вины / оспаривание обвинения – Арми Д., Благоевич Р., Карсон Б., Керри Дж., Крейг Л., Никсон Р. (2 речи), Пэквуд Б., Уилсон Дж., Фоли М., Фрэнк Б., Эдвардс Дж.

(Е) сдвиг Вины – Грант У., Обама Б. (2 речи), Прайс Т., Фоли М., Форд Дж.